

К ИСТОРИИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ГОСУДАРСТВА

Г.И. Довляло

МИНСК 1968

Г. И. Довгяло

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

НА МАТЕРИАЛЕ
ХЕТТСКИХ
КЛИНОПИСНЫХ
ТЕКСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
БГУ им. В. И. ЛЕНИНА
МИНСК 1968

- Довгяло Г. И.**
Д 58 К истории возникновения государства. (На материале хеттских клинописных текстов). Минск, Изд. БГУ им. В. И. Ленина, 1968.
160 с. 1000 экз. 43 к.

Работа написана на актуальную малоизученную тему, во многом искаженную буржуазными учеными. Тщательно рассмотрены архаические хеттские тексты, не подвергавшиеся ранее совокупному исследованию, в том числе такие образцы раннего государственного права, как закон Хаттусилиса I, закон Телупинуса и ряд относящихся к ним документов. На их основе показано возникновение государственной власти у хеттов.

Монография рассчитана на научных работников, преподавателей истории средних школ и студентов исторических факультетов университетов и пединститутов. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Введение

История народов древнего Востока особенно значима тем, что именно в этот период возникали и развивались первые на земле классовые общества и государства. Поэтому в древнейших письменных источниках многих народов Востока можно обнаружить важные данные о процессе возникновения и развития такого сложного общественного явления, как государство. Эта проблема давно уже привлекала внимание советских востоковедов. В настоящее время обстоятельно изучены основные вопросы возникновения деспотического государства в Двуречье¹, в общих чертах выяснена специфика древневосточных раннерабовладельческих государств².

Однако нельзя сказать, что все аспекты этой проблемы изучены в одинаковой мере. Из поля зрения исследователей выпали целые периоды истории государства. Особенно это относится к начальной истории государства на Востоке.

Следует иметь в виду, что из-за отсутствия или недостаточности доброкачественных источников эта эпоха в истории человечества трудно поддается систематическо-

¹ См.: Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. ИВЛ, 1959.

² См.: Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока. ИГАИМК, вып. 77, 1934.

му исследованию. Дело в том, что впервые возникшие в то время письменные тексты до нашего времени сохранились в незначительном количестве. Этот недостаток не может быть восполнен использованием этнографического материала, который не всегда достаточно подробен. Поэтому исключительное значение представляют те немногочисленные древневосточные письменные тексты, которые содержат тот или иной материал по этой проблеме. Важность их для историка, интересующегося начальными государственными формами, состоит и в том, что в письменных текстах других народов древности многие вопросы освещены недостаточно.

Следует отметить, что в советской историографии уже была попытка рассмотрения некоторых данных передневосточных текстов о начальном периоде возникновения государства. Имеется в виду статья Д. Г. Редера о пережитках эпохи военной демократии по данным клинописных источников¹. Зримые следы пережитков этой поры были обнаружены у целого ряда передневосточных народов. Многие данные свидетельствуют о сравнительно недавно начавшемся процессе классовообразования и начале складывания типично государственных органов власти у ряда передневосточных народов. Переходный период от организации власти, характерной для родового строя, к государству отличался многими социальными явлениями, несвойственными каждой из этих эпох в отдельности. Несмотря на преходящий характер этого времени, борьба нового социального уклада со старыми формами общественной организации и теми силами, которые последнюю защищали, была чрезвычайно дли-

¹ См.: Редер Д. Г. Военная демократия в странах древнего Востока. «Ученые записки Московского областного педагогического института», 1950, т. 14, стр. 117—127.

тельной, и очевидный прогресс можно установить только после анализа конкретных событий значительного периода времени.

Долгое время исследователи не имели в своем распоряжении достаточного материала, позволяющего проследить начальную пору государственной жизни на примере какого-либо из народов древнего Переднего Востока. И только в последние полвека успешные археологические изыскания на территории центральной и восточной Малой Азии, открывшие современному миру хеттскую цивилизацию второго тысячелетия до н. э., в какой-то мере восполнили этот пробел.

В многочисленных хеттских клинописных текстах самого разнообразного содержания имеется материал о государственном строе хеттской державы. Большинство надписей относятся к последним векам существования этого государства, к так называемому Новому царству (XIV — XII вв. до н. э.) В это время по своему государственному и общественному строю Хеттское царство мало чем отличалось от других деспотических государств Переднего Востока, что постоянно подчеркивается буржуазными историками, которые пытаются доказать, будто деспотическая форма власти у хеттов позднего времени объясняется исключительно влиянием других передневосточных обществ на якобы чисто индоевропейскую хеттскую цивилизацию, которой, по их словам, издревле были свойственны только гуманные демократические порядки. Что же имеют в виду западноевропейские и американские хеттологи? Дело в том, что самый древний слой хеттских документальных текстов свидетельствует о весьма специфичном государственном строе, существенно отличном от ярко выраженной деспотии времени Нового царства. У хеттов эпохи Древнего царства (XVIII — XIV вв. до н. э.) царская власть но-

сила явно ограниченный характер, значительную роль в общественной жизни играли аристократический совет и народное собрание, которые фактически были полновластными хозяевами в хеттском обществе.

Зарубежные исследователи, не улавливая истинных причин особенностей общественной жизни древнехеттского времени, пытались объяснить их духовными и чисто расовыми факторами, не понимая динамики социальной жизни хеттского общества, в конце концов приведшей к столь значительной перемене в государственном строе.

Древнехеттская группа текстов явилась объектом пристального внимания советских ученых. Особенно тщательному анализу подвергся широко известный среди специалистов документ Телепинуса (XVI в. до н. э.), который содержит ценный материал о первоначальном государственном строе хеттского общества. В итоге исследований академиков В. В. Струве¹, Н. М. Никольского² и И. М. Дьяконова³ данные текста были тщательно интерпретированы и определены особенности общественной и государственной жизни этого периода истории. Оказалось, что хеттское общество этого времени в своем развитии мало продвинулось в сравнении с эпохой военной демократии. Первоначальные органы государственной власти хеттов — неразвитая царская власть, аристократический совет, народное собрание — представляли собой несколько модифицированные институты, свойст-

¹ См.: Струве В. В. О «гуманности» хеттских законов. ВДИ, 1947, № 4.

² См.: Никольский Н. М. Реформа хеттского царя Телепина. ИАН БССР, 1948, № 2.

³ См.: Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. ВДИ, 1952, № 4 (в дальнейшем — ЗВАХ).

венные заключительной поре первобытнообщинного строя.

Это представление об особенностях социальной жизни хеттов времени древнехеттского царства было подтверждено и далее углублено серьезным исследованием В. В. Иванова¹, который наряду с данными текста Телепинуса широко пользовался и материалами других хеттских документов, в частности, таким ценным источником, как хеттско-аккадская билингва Хаттусилиса I (XVII в. до н. э.). Сопоставляя между собой данные рассмотренных хеттских текстов, В. В. Иванов обстоятельно изучил проблему народного собрания у хеттов времени Древнего царства, а также отметил ряд других важных черт общественного строя этого времени, дал углубленное объяснение своеобразия этой эпохи в истории хеттского общества.

Однако нельзя сказать, чтобы весь материал, содержащийся в древнехеттских государственных документах, в одинаковой мере был подвергнут достаточно внимательному изучению. Советские исследователи рассмотрели и достаточно убедительно интерпретировали только ту часть содержания древнехеттских текстов, в которой передаются общие сведения о государственном строе эпохи Древнего царства.

Содержание важнейших древнехеттских текстов подробно объяснялось буржуазными переводчиками и комментаторами. Однако их толкование часто носит модернизаторский характер, в ряде случаев лишено элементарного понимания существа социальной жизни рассма-

¹ Иванов В. В. Социальная организация индоевропейских племен по лингвистическим данным. ВИМК, 1957, № 1, он же. Происхождение и история хеттского термина *panku* - «собрание». ВДИ, 1957, № 4; 1958, № 1.

триваемой эпохи, что требует самых серьезных корректив.

Таким образом, значительная часть хеттских текстов, содержащих богатый материал о развитии примитивных государственных форм, фактически еще детально не исследована. Особая ценность этого материала заключается в его систематичности. Древнехеттские тексты сообщают подробно о многих важных сторонах примитивного государственного строя в их развитии на протяжении примерно 200-летнего промежутка времени. И самое главное заключается в том, что эти данные позволяют четко проследить общую тенденцию динамики хеттского раннерабовладельческого государства в начальный период его развития, которая проявлялась в постепенном усилении типичной для эпохи военной демократии власти верховного военачальника и превращении ее в неограниченную царскую власть. Осуществление этой перемены, причиной которой были крупные социальные сдвиги в хеттском обществе, сыграло решающую роль в утверждении типичной для большинства передне-восточных обществ неограниченной монархической власти.

К сожалению, рассматриваемый хеттский материал сравнительно редко упоминает о жизни и социальной борьбе широких народных масс. Все тексты, входившие в состав царского архива, говорят преимущественно о привилегированной верхушке общества и о той борьбе за изменение первоначальной организации власти, которая протекала в сравнительно узком кругу наиболее влиятельных представителей господствующего слоя. Ввиду этого пока трудно судить о той конкретной внутриполитической обстановке во всей стране, которая благоприятствовала усилению власти верховного военачальника и

способствовала превращению ее в царскую власть. В сохранившихся источниках лучше всего отражена только та сторона борьбы, которая разворачивалась непосредственно в метрополии, в столице государства городе Хаттусасе.

Усилению власти верховного военачальника самым деятельным образом препятствовала родовая знать, выразителем интересов которой были аристократический совет и, вероятно, определенная часть состава народного собрания. Аристократия пыталась сохранить старую систему организации власти, стараясь удержать под своим непосредственным контролем преемственность достоинства правителя, на более долгое время сохранив выборный характер его должности.

Однако власть верховного военачальника к этому времени уже значительно расширилась и усилилась, фактически приближаясь к царской власти. Пока еще не хватало юридического закрепления наследственного характера этой власти, чтобы можно было констатировать утверждение монархической формы правления, «наследственного предводительства»¹.

При рассмотрении древнехеттских текстов не всегда обращалось внимание на то, что большинство документов непосредственно посвящено вопросам преемственности достоинства правителя. Эта проблема была актуальной в течение всего Древнего царства и вызывала напряженную борьбу в правящих кругах хеттского общества. Поэтому не удивительно, что на протяжении около 150 лет было несколько попыток законодательного урегулирования этой проблемы. И нельзя сказать, что в итоге этого у хеттов утвердилась деспотическая форма

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1965, стр. 108.

монархической власти. До самого конца Древнего царства родовая аристократия продолжала сохранять свое влияние на государственную жизнь и известным образом ограничивала царскую власть. В данной работе преследуется цель установить конкретные обстоятельства становления наследственной царской власти на хеттском документальном материале.

В первой главе рассмотрены характер и пределы влияния народного собрания на преемственность образующейся царской власти. Народное собрание значительное время сохраняло за собой право участия в процедуре определения каждого нового военачальника, но со временем действенность его влияния падает и соответственно возрастает роль самих военачальников при определении кандидатур своих преемников. Это в свою очередь вело к усилению наследственного начала при обновлении примитивной царской власти. Здесь же предпринята попытка установления времени появления у хеттов наследственной царской власти.

Вторая глава посвящена определению характера наследования царского достоинства у хеттов, также установлено своеобразие родственных взаимоотношений в царском роде времени Древнего царства по сравнению с новохеттской попой, что в свою очередь наложило отпечаток и на обычай наследования царского достоинства. Исходя из этого, предложена новая интерпретация законодательных частей билингвы Хаттусилиса I и закона о престолонаследии Телепинуса, дана социальная оценка материала этих документов по вопросам преемственности царского достоинства.

В заключительной части работы оценивается в общепристорическом плане матрилинейный порядок преемственности царского достоинства, свойственный царскому роду древнехеттского времени. С использованием тождествен-

ного материала о матрилинейности у других народов древности предпринята попытка установления той конкретной среды, которой был свойствен этот редкий для классовых обществ обычай. Затем определяется зависимость между выборным характером должности правителя и матрилинейной преемственностью этого достоинства.

Как уже отмечалось выше, до сих пор возникновение у хеттов наследственной царской власти специально не исследовалось. Однако в работах на другие темы многие хеттологи касались интересующих нас вопросов. Не рассматривая отдельно этих точек зрения, мы будем оценивать их по ходу изложения темы.

Народное собрание и проблема преемственности царской власти в древнехеттское время

Проблема преемственности царского достоинства в древнехеттское время в целом специально не исследовалась. Однако отдельные ее аспекты не могли не привлечь внимания хеттологов хотя бы потому, что большинство сохранившихся древнехеттских текстов в той или иной мере имеют к ней отношение¹.

Прежде всего обратили на себя внимание те данные НАВ Хаттусилиса I, которые дают представление о самой процедуре определения царского преемника. Тот факт, что кандидатура последнего обсуждалась публично в присутствии лиц, в совокупности составлявших особый орган, именуемый «панкус», рассматривался как свидетельство существования у хеттов обычая избирать царей². При этом следует заметить, что термин «панкус» (pankuš) обычно интерпретировали как «собрание знати»

¹ Этой проблеме, в частности, посвящены два самых крупных хеттских текста того времени: хеттско-аккадская билингва Хаттусилиса I (KUB, I, 16 = 2BoTU8) (в дальнейшем — НАВ) и закон о престолонаследии Телепинуса (KBo, III, 1 + 68, 67; KUB, XI, 1, 2, 5, 6 = 2BoTU 23) (в дальнейшем — 3Т), а также ряд документов, сохранившихся только частично (KBo, III, 23 = 2BoTU9 и другие).

² См., например, Cötze A. Kleinasien, erste Auflage. München, 1933, стр. 80; ср. Goetze A. Kleinasien, zweite Auflage. München, 1957, стр. 86.

или просто «знать»¹. Эта точка зрения, признававшая выборный характер царской власти в древнехеттское время, безоговорочно разделялась большинством хеттологов до тех пор, пока не была поставлена под сомнение Ф. Зоммером, предложившим свое разъяснение упомянутого выше толкования значения термина «панкус»². Он считал, что как НАВ Хаттусилиса I, так и закон Телепинуса свидетельствуют в пользу того, что «панкус» в рассматриваемое время представлял собой только особого рода судебную коллегию (*Richterkollegium*), полномочия которой ограничивались разбирательством крупных антигосударственных преступлений царя и высших должностных государственных лиц. Поэтому, по мнению Ф. Зоммера, НАВ Хаттусилиса I не может быть названа своего рода договором между царем и наследником, с одной стороны, и «панкусом» — с другой, как это утверждали некоторые хеттологи³. Он в свою очередь считает, что этот документ скорее всего представляет собой царский указ о престолонаследии, где также упоминается о представлении (*Präsentation*) наследника царским подданным.

Однако известная слабость этого утверждения не могла остаться незамеченной. П. Кошакер в рецензии на изданный Ф. Зоммером перевод с подробными комментариями НАВ Хаттусилиса I признает эту точку зрения

¹ См.: Götze. Указанная работа, стр. 80; ср. Friedrich J. *Hethitisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1952, стр. 157.

² Рецензия на указанную работу в OLZ, 1935, стр. 279, а также с незначительными изменениями в кн.: Sommer F. u. Falkenstein. *Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II)*. München, 1938.

³ См.: Götze. Указанная работа, стр. 80.

в равной мере и верной и неверной¹. Верной он считал ее в том смысле, что, несомненно, в «панкусе» не могло быть и подобия голосования за кандидатуру преемника царя, в котором успех дела решало мнение большинства его членов. И поэтому он полагает, что вряд ли будет правильным называть процедуру определения царского преемника с участием «панкуса» выборами в современном смысле этого слова. Но одновременно П. Кошакер в утверждении Ф. Зоммера признает весьма сомнительным ограничение участия «панкуса» только тем, чтобы принять к сведению царскую волю. Вполне возможно, что «панкус» здесь играл более значительную роль, чем та, которая ему отводится Ф. Зоммером. В этой связи П. Кошакер обращает внимание на большое старание, с которым царь пытается расположить «панкус» к намеченному им самим кандидату на царское достоинство, всячески превознося его личные качества и выражая уверенность, что его воцарение будет способствовать дальнейшему процветанию страны. Очевидно, далее замечает П. Кошакер, если бы вопрос о преемнике находился исключительно в компетенции правящего царя, то тогда не было бы особой необходимости в такой подробной и тенденциозной характеристике кандидатуры царского преемника. Что же касается вопроса о составе и функциях «панкуса», то здесь П. Кошакер ничего существенного к тому, что получило право на существование в науке, добавить не смог.

Таким образом, в противоположность точке зрения Ф. Зоммера, который, категорически отрицая возможность существования у хеттов обычая избирать царей, полагает, что все вопросы, связанные с преемственностью трона, решались только правящим царем. П. Кошакер

¹ OLZ, 1939, стр. 928—931.

склонен утверждать, что и «панкус» при этом играл далеко не последнюю роль.

В итоге, несмотря на то, что точка зрения П. Кошаке-ра на первый взгляд представляется более убедительной, все же нельзя сказать, что она в сколько-нибудь значительной мере вносила ясность в решение проблемы в целом. Дело в том, что П. Кошакер не смог выйти за рамки представления о «панкусе» его современников, разделяемого большинством западных хеттологов и в настоящее время.

Поэтому, если даже согласиться с утверждением, что «панкус» играл известную роль при определении кандидатуры нового царя, то и тогда многое остается неясным. Во-первых, что же все-таки представлял собой этот орган, и, во-вторых, чем объясняется тот факт, что он фигурирует главным образом в древнехеттских государственных документах? И, наконец, что нас интересует более всего, какую же фактически роль играл «панкус» при решении вопросов, связанных с преемственностью царского достоинства?

На все эти вопросы невозможно ответить, опираясь только на весьма немногословную интерпретацию термина «панкус» как «собрание знати» или просто «знать». Вполне понятно, что такое неопределенное и, как мы увидим ниже, даже в известной мере искаженное представление о «панкусе» было серьезным препятствием на пути к пониманию особенностей социальной жизни древнехеттской эпохи до тех пор, пока эта проблема не привлекла внимания советских историков. После исследований академиков Н. М. Никольского, И. М. Дьяконова, В. В. Иванова не может быть сомнений в том, что «панкус» генетически восходит к народному собранию эпохи военной демократии, которое, как известно, из-

бирало верховного военачальника. Несмотря на то, что к рассматриваемому времени под влиянием усиливающегося процесса классообразования в хеттском обществе «панкус», возможно, и подвергся определенной модификации¹, однако, судя по его составу и функциям², эти изменения были еще не настолько существенными, чтобы не считать его народным собранием.

Отсюда упоминания древнехеттских документальных источников об участии «панкуса» в определении кандидатуры нового царя могут расцениваться не только как подтверждение того, что исходным моментом царской власти у хеттов была власть избираемого народным собранием верховного военачальника. Кроме этого, они, по-видимому, свидетельствуют и о том, что власть царя не стала монархической в полном смысле слова, если преемственность этого достоинства все еще продолжала оставаться под контролем народного собрания.

Вполне понятно, что без анализа соответствующих контекстов невозможно сказать ничего существенного о том, в какой мере контроль народного собрания продолжал оставаться практически действенным. Без этого невозможно установить, в какой степени преемственность этого достоинства определялась только волей правящих царей.

Поэтому могут быть сомнительны результаты попытки оценить характер преемственности царского достоинства того времени, основанные на общем впечатлении от ис-

¹ О возможной модификации «панкуса» в древнегреческое время см.: Никольский И. Указанная работа, стр. 55; Дьяконов В. ЗВАН, стр. 291; Иванов В. Происхождение и история..., стр. 32—33.

² См.: Иванов В. Социальная организация индоевропейских племен..., стр. 45—49; он же. Происхождение и история..., I, стр. 29—36; II, стр. 3—7.

точников, а не на их конкретном анализе. Это недоверие усиливает также и некоторая противоречивость таких суждений. Так, например, многие исследователи склонны думать, что к тому времени, когда хеттская история становится известной по собственно хеттским письменным источникам, царская власть уже стала наследственной¹. Однако наряду с этим иногда утверждают, что наследственным царское достоинство у хеттов стало позже, а именно, со времени появления закона о престолонаследии, т. е. на исходе древнехеттского царства².

Своим возникновением последняя точка зрения во многом обязана существующему пониманию тех данных исторического введения к закону Телепинуса, которые сообщают об ожесточенной борьбе за царское достоинство накануне законодательной деятельности Телепинуса³. Утверждению этого мнения способствовала также и интерпретация смысла закона Телепинуса о престолонаследии, предложенная в свое время А. Гётце⁴ и ныне разделяемая большинством хеттологов. Сторонники этой точки зрения полагают, что до воцарения Телепинуса у хеттов вообще не существовало твердо установлен-

¹ См.: Sommer. HAB, стр. 209—211; Forrer E. 2 BoTU, Zweiter Band, стр. VI—VII; Менабде. Наследственно-правовые отношения в хеттском обществе. «Восточный сборник», I. Тбилиси, 1960, стр. 29—58; он же. О характере придворных смут в хеттском государстве (XVII—XVI вв. до н. э.). «Кавказско-ближневосточный сборник». Тбилиси, 1962, стр. 35—36, 43.

² См.: Goetze. Kleinasien², стр. 87; Gurney O. The Hittites. London, стр. 63—64.

³ См.: Goetze. Kleinasien, стр. 87; Никольский. Указанная работа, стр. 54 и, особенно, Менабде. О характере придворных смут..., стр. 33—34.

⁴ См.: Götz e A. Über die hethitische Königsfamilie. Ar. Or., 2, 1930, стр. 158—159.

ного порядка преемственности царской власти¹. С другой стороны, и первое мнение, отстаивающее наследственный характер царской власти уже в начальный период древнехеттского царства, на первый взгляд выглядит вполне обоснованным. Действительно, если обратить внимание на последовательность в реальной преемственности царского достоинства со времени от Лабарнаса I до Мурсилиса I, как и делают сторонники этого мнения², то может создаться впечатление, что царское достоинство передается по наследству, и не как-нибудь, а по отцовско-правовому принципу. Однако преемственность трона после Мурсилиса I в том виде, в котором она была известна по данным исторического введения к закону Телепинуса, представляется весьма неупорядоченной и вселяет сомнение в это утверждение.

Знакомство с попытками определения характера преемственности царского достоинства в древнехеттское время убеждает в том, что эта проблема сложна и требует более тщательного анализа всей совокупности известных в настоящее время древнехеттских документальных текстов. В первую очередь необходимо выяснить, в какой мере преемственность царского достоинства определяется волей народного собрания и только после этого, очевидно, представится возможным наметить дальнейший план рассмотрения данной проблемы.

В этой группе текстов народное собрание в связи с вопросами преемственности царского достоинства упоминается несколько раз. При этом самым ранним источником является НАВ Хаттусилиса I, а самым поздним —

¹ См.: Goetze, *Kleinasiens*, стр. 87; Gurney. Указанная работа, стр. 63.

² См., например, Менабде. О характере придворных смут., стр. 43.

закон Телепинуса. Следовательно, все эти случаи имели место на протяжении более ста лет. Поэтому следует иметь в виду, что в течение такого времени роль «панкуса» могла существенно измениться.

НАВ Хаттусилиса I упоминает о трех случаях участия собрания в выборе царского преемника, причем два из них имели место в правление Хаттусилиса I, а один — еще при жизни деда Хаттусилиса I. О последнем случае говорят строки НАВ, § 20, III, 41—44: «...hu-uh-ha-as-mi-is̃ (42) la-ba-ar-na-an DUMU-sa-an URU[—]sa-na-hu-it-ti is̃-ku-na-ah-hi-is̃ (43) [EGIR-an-da-m] a-kán ÍR^{MEŠ}-ŠU^{LÚ.MEŠ} GAL.GAL ud-da-a-ar-se-it hu-ur-tal-li-e-ir (44) [nu-uš-š] a-an^m pa-pa-ah-di-il-ma-ha-an a-se-se-ir ...» — «мой дед (42) назвал своим преемником¹, лабарной, в городе Санахуитта своего DUMU (43), но впоследствии ÍR^{MEŠ}-ŠU (и) ^{LÚ.MEŠ} GAL.GAL его слова нарушили² (44) (и на трон) посадили Папахдильмаха...»

Прежде чем приступить к рассмотрению содержания этого контекста, следует отметить одно важное обстоятельство, установленное В. В. Ивановым при анализе билингвы Хаттусилиса I. Речь идет об отыскании со-

¹ Точный перевод глагола *iskunahh* еще не установлен. См.: Friedrich. HW, стр. 79. Sommer. НАВ, стр. 164 переводят его так, как это делал в свое время Fоггег. 2BoTU, стр. 22. Из последующих строк можно определить, что здесь идет речь или о назначении наследника или только о выборе возможной кандидатуры на это место. Последнее предположение представляется более вероятным.

² Friedrich. HW, стр. 77 называет следующие значения глагола *hurta* (1)ija=: «*durcheinander mengen* (?); *uber den Haufen werfen* (?); *unwirksam machen* (?)».

ответствия для передаваемого в идеографической форме подлежащего второго предложения. На основе сопоставления ряда контекстов В. В. Иванов показал, что в НАВ ÍR^{MES¹} равнозначно хеттскому rapkuš, которое в аккадской половине текста передается ERÍN^{MES²} nagbati³. В свою очередь LÚ.MES³ GAL.GAL идентично хеттскому nakkeš и аккадскому kabtūti. Следовательно, у нас не может быть сомнений в том, что здесь мы имеем дело с народным собранием и советом высших должностных лиц.

Несмотря на некоторую приблизительность перевода ряда мест рассматриваемого контекста, его смысл в общем ясен. Народное собрание и совет высших должностных лиц отвергли предложенную царем кандидатуру своего преемника и после смерти царя возвели на престол другого претендента. В этом случае мнение народного собрания и совета высших должностных лиц оказалось решающим при определении кандидатуры нового царя³.

Однако как первый, так и второй претенденты на царское достоинство были родственниками предыдущего царя. Упоминая об этом эпизоде, Хаттусилис I не только не скрывает своего отрицательного отношения к такому решению народного собрания и совета высших должностных лиц, но и готов признать его не вполне законным. Это хорошо видно из последующих строк, где Хаттусилис I говорит о том, что не случайно впоследствии членов совета высших должностных лиц постигла заслуженная

¹ Дословный перевод: «рабы», «подданные».

² См.: И в а н о в. Происхождение и история..., I, стр. 34.

³ О родственных взаимоотношениях лиц, упоминаемых в НАВ, см. ниже, стр. 122.

кара¹. Тенденциозность этого заявления Хаттусилиса I станет вполне очевидной, если обратить внимание на тот повод, по которому он вынужден был воспользоваться примером из прошлой истории: ведь непосредственно перед этим он сам обратился к собранию и совету высших должностных лиц с призывом поддержать предложенную им кандидатуру на царское достоинство².

Следующий случай участия народного собрания и совета высших должностных лиц в выборе царского преемника имел место в правление Хаттусилиса I. О нем упоминают в НАВ, § 1, I—II, 2—4 (аккадский): «(2)... su-um-gu-sa-a-ku ù a-nu-um-ma DUMU-am³ la-ba-ar-na (3) [aq-b]i-a-aq-ku-nu-si-im su-ú li-it-ta-sa-ab-mi...» Хеттский вариант этого места билингвы сохранился только частично: «(2)... ka-a-sa ar-m[a...] (3) la-ba-ar-na-an-te-pu-un». Перевод: «(2) Заболел я ныне! И вот DUMU-Лабарнаса здесь вам я назвал. Пусть он и сядет (на трон)!» Из предложения, предшествующего цитируемому контексту, видно, что и здесь царь обращается к народному собранию и совету высших должностных лиц: НАВ, § 1, I, (1) [LUGAL GAL t]a-ba-ar-na a-na ERIN^{MES} na-ag-bá-ti ù a-na kab-tu-ti (2) [iq-bi]⁴.

Следует заметить, что и сообщаемый здесь случай имел место в прошлом, на одном из собраний, аналогичном по составу и полномочиям, к которому царь об-

¹ НАВ, § 20, III, 44—45.

² Там же, § 20, III, 44—45; § 7, II, 37—39.

³ Sommer. НАВ, стр. 31—32 предлагает здесь не DUMU=am, а TUR=am; об этом см. ниже, стр. 80.

⁴ Хеттский вариант начальной строки билингвы частично разрушен. Его восстановление (Sommer. НАВ, стр. 29—30) имеет существенные недостатки. См.: Иванов. Происхождение и история..., I, стр. 33, прим. 54.

ращается теперь. Это подтверждают последующие строки билингвы и содержание приведенного выше контекста, особенно начало третьей строки: (аккадский) «(3) [a_q-b] i-a-ak-ku-pu-šī-im » = (хеттский) «... la-ba-ar-pa-an-te-pu-un...», где сказуемое стоит в прошедшем времени. Хаттусилис I напоминает присутствующим, как ранее был утвержден в качестве преемника царского трона его племянник по материнской линии. Однако в строках, непосредственно затем следующих, царь ставит собрание в известность, что он, вопреки первоначальному решению, предлагает лишить своего племянника Лабарнаса права вступления после него на престол¹. При этом он вынужден был подробно объяснить причину своего последнего поступка. Прежде всего Хаттусилис I напоминает присутствующим о своем благосклонном отношении к племяннику Лабарнасу с тех самых пор, когда последний был определен его преемником. Однако, как говорит царь, Лабарнас относился к нему неприязненно и, зная о его болезни (HAB, § 1, I—II, 6—7), (аккадский) «(6) [di-m] a-a-ti-su ú-ul is-pu-uk re-ma-am ú-ul i-pu-us u ka-as-si (7) ú-ul re-me-nu-ú » = (хеттский) (6) *Ú.UL is-ha-ah-gu-wa-at-ta-at...* (7) *e-ku-na-as-as na-as U.UL ...* — «слёз он не лил и благосклонности не оказывал, был холоден и недоброжелателен...»

Далее Хаттусилис I объясняет причины отчужденности своего племянника (HAB, § 2, I—II, 9—12): (аккадский) «... (9) ... a-wa-at LVGAL ú-ul il-qé (10) a-wa-at AMA-su ša MUŠ šu-wa-a-ti il-te-eq-qe ú ah-hu-su 11) ú ah-ha-tu-su-ú a-wa-a-ti ka-as-sa-a-ti it-ta-na-ba-lu.

¹ HAB, § 2—3, I—II, 8—13.

sum-ma (12) ū ša sū-nu-tl a-wa-a-tl-sū-nu is-te-ne-em-me...» = (хеттский) «(10) U.UL da-a-aš nu an-na-aš-sā-aš MUŠ ... (11) nu-uš-si ŠEŠ^{MEŠ}-uš SAL+KU^{MEŠ}-uš ... (12) ut-ta-a-ar is-ta-ma-aš-ki-it ...» — «слову царя он не внимал, слову своей матери, змеи этой, он внимал, а его братья и сестры ему холодные слова постоянно произносили, и к этим словам их он прислушивался...»

После этого царь ставит собрание в известность, что он исключил Лабарнаса из числа своих DUMU^{MEŠ}¹, в результате чего, как мы увидим ниже, тот не мог больше оставаться кандидатом на царское достоинство. Собрание также узнало, что Хаттусилису I пришлось выслушать упреки своей сестры, матери Лабарнаса, которая пыталась обвинить царя в злом умысле против ее сына². В ответ на это Хаттусилис I заметил, что своему племяннику Лабарнасу ничего плохого он не сделал, а наоборот, произвел его в жрецы и вообще обращался с ним самым лучшим образом. Что же касается Лабарнаса, то он, напротив, и к царю, и к городу Хаттусасу добрых чувств не питал. В связи с этим царь опасается, что в будущем под влиянием своей матери, своих братьев и сестер он может попытаться причинить зло присутствующим³. Поэтому Хаттусилис I, предварительно, по его словам, более чем достаточно обеспечив Лабарнаса материально, выслал его за пределы города Хаттусаса, где он мог жить, как ему заблагорассудится, оговорив, что если впредь он будет вести себя благопристойно, то сможет снова вернуться в город.

¹ НАВ, § 3, I—II, 14.

² Там же, § 3, I—II, 14—19.

³ Там же, §§ 4—5, I—II, 20—29.

Таким образом, отстранение Лабарнаса, в свое время представленного народному собранию в качестве преемника трона, фактически осуществлено самим царем. Только спустя некоторое время народное собрание было поставлено об этом в известность. Однако тот факт, что при этом Хаттусилису I пришлось особо аргументировать необходимость отстранения Лабарнаса, может свидетельствовать о том, что ему было не безразлично, какое мнение сложится у народного собрания о его последнем поступке.

Последующая затем часть билингвы непосредственно раскрывает основную тему документа, о которой кратко упоминается и в колофоне: «(1) *tup-pi ta-ba-ar-na LUGAL GAL* (2) *i-nu-ma LUGAL GAL ta-ba-ar-na i-na* ^{URU} *ku-uš - sar* ^{KI} *im-ra-as-su-ma DUMU-am* ^m *mu-u[r-si-li]* (3) *a-na LUGAL-gu-tim ū-wa-a-gu*» — «Документ Табарны¹ великого царя (о том), как великий царь Табарна в городе Куссаре заболел и DUMU Мурсила царствовать назначил».

В этой части документа наиболее интересны первые строки, где царь говорит о той роли, которую должно сыграть народное собрание при воцарении его нового преемника (HAB, § 7, II, 37—38): «(37) *[kla-a-as-ma* ^m *mu-ur-si-li-is DUMU-ll* *A nu-zla a-pu-u-un a-se-es-te-e [n]...*» — «Вот Мурсилis, мой DUMU! Ег[о] вы признайте и на (трон) посадите!» В настоящее время мы не можем ничего сказать о том, в чем фактически заключалось «признание» народным собранием царского преемника. Также неизвестно, когда это «признание» народным собранием царского преемника должно было свершиться:

¹ Титул хеттского царя, в данном случае Хаттусилиса I.

здесь, на этом же собрании, или в будущем, т. е. после смерти Хаттусилиса I. Правда, в последнем предложении ясно говорится о том, что народное собрание должно посадить на трон Мурсилиса I, а это, вполне естественно, могло произойти только тогда, когда Хаттусилис I не будет в живых. Следовательно, на основании этого можно полагать, что только после смерти царя и начинается практически действенное участие народного собрания в акте воспроизводства царской власти. Этим и определяется то старание, с которым царь пытается расположить народное собрание к своим предложениям о преемственности трона. Очевидно, если это ему не удастся, то появится серьезная опасность, что в будущем народное собрание может не посчитаться с его предсмертной волей.

Это серьезно беспокоило Хаттусилиса I, и неудивительно, что он, в силу своих возможностей, пытался уменьшить вероятность нежелательного для него исхода дела. При этом он понимал, что многое зависит от той позиции, которую займет верхушка народного собрания

MEŠ
(hantezzijaš IR — дословно «первейшие подданные»;
MEŠ

как уже отмечалось выше, HAB IR равнозначно «pankuš» — «народное собрание»). Очевидно поэтому царь обращается специально к этой, наиболее влиятельной части народного собрания. Прежде всего он призывает их свято хранить его заветы, так как от этого, по его мнению, во многом будет зависеть благополучие страны в будущем. А затем в категорической форме, в духе царских указов Нового царства он провозглашает (HAB, § 20, III, 36—39): «(36) ... ma-a-an A. WA.AT LUGAL-ma ÚUL pa-ah-ha-as-nu-ut-te-ni (37)... -aš-ša-an

^U.UL hu-i-ⁱs-te-ni nu har-ak-te-ni (38) [ku-ⁱs-ma-ká]n
 LUGAL-aš ud-da-a-ar hu-ur-ta-li-iz-zi na-aš ki-nu-na-pàt
 (39) [a-ku (?)] ... » — «...если же слова царя вы не сохра-
 ните, (то) ... в живых не останетесь, — погибнете! А кто
 царские слова нарушит — тот пусть сразу умрет!...» При
 этом он напоминает присутствующим, как во времена его
 деда за подобный проступок члены совета высших долж-
 ностных лиц были жестоко наказаны. Отсюда царь рас-
 ценивает любую попытку нарушения его царской воли
 как тяжкое государственное преступление, наказуемое
 смертной казнью. Этим он придает своему распоряжению
 о преемнике трона силу закона, подлежащего неукосни-
 тельному исполнению.

Кроме того, в значительной части своего обращения
 к народному собранию Хаттусилис I пытается регламен-
 тировать взаимоотношения царя и собрания в правление
 его преемника Мурсилиса I. Он наказывает собранию
 хранить верность царю и поддерживать его в военное и
 другие трудные для государства времена. Из НАВ, § 8,
 II, 42—43 видно, что Мурсилис I к моменту вступления
 на престол был еще сравнительно молод, и Хаттусилис I
 полагает, что только через три года он сможет принять
 участие в войне. Поэтому царь призывает народное со-
 брание за это время воспитать из Мурсилиса I настоя-
 щего царя-героя, который мог бы успешно завершить
 любой военный поход. По его мнению, успех дела во мно-
 гом зависит и от того, как народное собрание будет
 относиться к молодому царю. Здесь он в весьма повели-
 тельной манере замечает (НАВ, § 9, II, 49—51): (хетт-
 ский) «(49) [li-e-ma]l sar-ka-li-ja-tu-ma-ri li-e ku-i [s-kl]i
 ku-ru-ur na-aš-ta ut-ta-ar (50) [li-e k]lu-ⁱs-ki sar-ra-at-ta

ki-i URU⁻si-na-hu-wa-as URU⁻ú-ba-ri-ja-as-sa (51) [ut-tar li-e] i-ja-at-te-ni ku-us-du-wa-a-ta li-e ha-an-da-a-an-pát e-es-du ...» — «И вы (его) не предавайте (?) — пусть никто (среди вас) не будет ему врагом! И его слова пусть никто не посмеет нарушить! А такие дела как города (общины) Синахувас и Убарияс (творили), вы не совершайте! Пусть злонамеренность впредь не будет (вам) свойственна!..»

Только по этому контексту трудно судить, в чем именно могло состоять предательство народного собрания и какие поступки царь здесь именует злонамеренными. Не исключено, что теперь Хаттусилис I так именует те действия народного собрания, которые в недавнем прошлом признавались вполне законными. Несомненно, что таким образом он пытался обезопасить положение своего преемника, нейтрализуя возможные антицарские акты со стороны народного собрания. В этой связи не может не обратить на себя внимания наказ не нарушать слова молодого царя, свидетельствующий о том, что этим самым народное собрание обязано, очевидно, неукоснительно следовать царскому приказу. Это, безусловно, должно было способствовать усилению царской власти, хотя царь еще во многом оставался в зависимости от народного собрания. С этой точки зрения особый интерес представляют последующие строки обращения Хаттусилиса I к собранию (HAB, § 10, II, 53—57): (хеттский) «(53) [li-e ku-il] s̄-ki te-iz-zi LUGAL-sa du-ud-du-mi-li kar-di-ja-as-sa-as (54) [li-e-iz-zi n] la-at par-ku-nu-mi tak-ku-wa-at e-es-zi ták-ku-wa-at NU.GAL (55) [a-pa-a-at-ta k] u-us-du-wa-a-ta li-e li-e ha-an-da-a-an-pát e-es-du (56) [su-um-me-es-m] la ki-nu-na ud-da-a-ar-mi-it ha-at-ta-a-da-

mi-it-ta (57) [ku-i-e-es ša(?) —] ak-te-ni nu DUMU-la-ma-an ha-at-ta-ah-hi-is-ki-te-en...» — «Пусть никто не посмеет сказать: «А царь тайно, что у него на сердце, (то) и делает!» Я снимаю с него вину: будь это так или не так — подобная злонамеренность да не будет (вам) свойственна! Вот теперь вы мои слова и мою мудрость знаете и моего DUMU учитесь (этой) мудрости!»

Таким образом, Хаттусилис I отстаивает право молодого царя на самостоятельные, независимые от народного собрания действия. Правда, некоторые затруднения возникают при рассмотрении содержания 54 строки, смысл которой можно понимать двояко: или здесь царь говорит о прощении того лица, которое затронет в народном собрании вопрос о самостоятельных действиях царя, или, наоборот, о снятии вины с царя, осмелившегося на независимую от собрания деятельность. Однако эта двусмысленность исчезает, если обратить внимание на близкую по содержанию 54 строке § 10 НАВ часть наказа царя своему преемнику, передаваемого в заключительной части билингвы (НАВ, § 20, III, IV, 62—63): (аккадский) «(63) ša i-na ŠA-ka DUMU-ri šu-wa-a-ti lu-ú tle-te-ni-er-pu-us]» = (хеттский) «(62) ... DUMU-la-ma-as-ša-an [tu-ell (63) ku-it kar-di nu-za a-pa-a-at e-is-zi» — «Мой DUMU! Что у тебя на сердце будет — то и делай!»

Если царь советует Мурсилису I поступать именно так, то, разумеется, он считает самостоятельную деятельность царя вполне законной. Из этого следует, что в строке 54 § 10 НАВ он снимает вину со своего преемника за любой подобный проступок в будущем. И более того, в последующей части цитируемого отрывка он предлагает считать всякую попытку оспаривать это право молодого царя злонамеренной.

Таким образом, мы столкнулись с весьма своеобразным положением, когда, по всей вероятности, вполне допустимые в прошлом претензии народного собрания по поводу самостоятельных действий царя, теперь резко осуждаются последним и признаются недопустимыми. Это, безусловно, может свидетельствовать об усилении царской власти, хотя нельзя сказать, чтобы царь обрел полную независимость от собрания. О том, что при решении некоторых вопросов он вынужден был еще оставаться в зависимости от воли народного собрания, говорят определенные строки наказа Хаттусилы I своему преемнику (HAB, § 22, III—IV, (59—62): (хеттский) «(59) ... wa-as-du-ul ku-el-ka (60) [a-u] t-ti na-as-šu DINGIR^{LIM}-ni ku-i ki pi-ra-an wa-as-ti na-as-ma ut-[tar k]u-is-ki (61) [ku-]it-ki te-i-zi nu-[z]la pa-an-ku-un EGIR-pa pu-nu-us-ki nu EME (63) EGIR-pa pa-an-ga-u-i-pát w[al]-na-an-za e-es-du ...» — «...заметишь чью-либо провинность — то ли против божества кто-либо провинится, то ли (преступное) слово кто-либо скажет — всякий раз спрашивай «панкус»! И твой язык да будет (всякий раз) обращен к «панкусу»!».¹ Эти строки значимы тем, что при сопоставлении с вышесказанным они дают представление о пределах царской власти к моменту вступления на престол Мурсилы I. Если царь не мог сам судить провинившихся, то, естественно, он еще не обладал всей полнотой власти, а скорее всего, только делил ее с народным собранием. Правда, как мы могли видеть выше, многое говорит в пользу того, что царская власть в последнее время зна-

¹ О смысле последней строки см.: И в а н о в. Происхождение и история..., I, стр. 3.

чительно усилилась. При решении ряда важных вопросов она находилась в независимом положении от народного собрания, чем резко понижала его значение.

Как мы видели выше, при утверждении кандидатуры нового царя обязательно участвует народное собрание. И только в самом первом случае, отдаленном от последующих промежутком времени, почти равным жизни двух поколений, народное собрание не посчиталось с волей предыдущего царя. В двух последних случаях народное собрание играет более скромную роль, что, очевидно, объясняется усилением личной власти царя. Так, например, во втором случае Хаттусилис I посмел самолично лишить своего племянника Лабарнаса права вступления на престол, не обращая внимания на то, что незадолго перед этим кандидатура последнего была утверждена собранием. Но особенно ясное представление о роли собрания при решении вопросов, связанных с преемственностью трона, дает та часть билингвы, где говорится о назначении нового царского преемника. Здесь царь, поставив собрание в известность о своем решении сделать следующим царем Мурсилиса, кратко говорит и о той роли, которую, по его мнению, должно сыграть собрание в недалеком будущем. Прежде всего, после смерти Хаттусилиса оно должно возвести на престол Мурсилиса I и, оказывая ему всемерную поддержку, способствовать укреплению его положения на троне. И царь в весьма повелительном тоне замечает, что всякое нарушение его завещания должно рассматриваться как преступление против личности царя и наказываться смертной казнью. Этим самым он придает своему распоряжению силу закона, подлежащего неукоснительному выполнению.

Далее, пытаясь регламентировать взаимоотношения царя и собрания на время правления своего преемника,

Хаттусилис I ставит присутствующих в известность, что всякая самостоятельная, очевидно независимая от собрания, деятельность нового царя должна признаваться не только допустимой, но и вполне законной. И наоборот, претензии собрания на этот счет царь предлагает считать отныне злонамеренными и, следовательно, недопустимыми.

Зависимая роль народного собрания видна и в тех строках билингвы, где Хаттусилис I, признавая необходимость воздействия народного собрания на молодого царя, особенно в первые годы его правления, вместе с тем оговаривает, что это влияние следует направить исключительно на выполнение его завещания (HAB, § 10, II, 56): «Вот теперь вы мои слова и мою мудрость знаете и моего DUMU учите этой мудрости!» (хеттский текст см. на стр. 27).

Становится понятной та роль, которая отводится царем народному собранию при решении вопросов, связанных с преемственностью трона. Прежде всего оно должно принять к сведению царскую волю по этому поводу, очевидно, играя при этом роль своего рода коллективного свидетеля. А затем, уже после смерти Хаттусилиса I, народное собрание обязано возвести на престол законного преемника и гарантировать выполнение других требований царского завещания.

Таким образом, при возведении на престол нового царя Хаттусилис I пытается отвести народному собранию весьма ограниченную, но вместе с тем и достаточно ответственную роль в том отношении, что практически действия собрания в этом направлении не подлежали непосредственному царскому контролю, так как им суждено было свершиться в междуцарствие. Поэтому выполнение царского завещания во многом зависело от того,

насколько авторитетным оно было для народного собрания. Что это именно так, свидетельствует то, что, как известно по ряду хеттских источников, в соответствии с завещанием Хаттусилиса I, после него воцарился Мурсилис I.

Следующим древнехеттским текстом, в котором народное собрание упоминается в связи с вопросами преемственности царской власти, является закон Телепинуса. Ценность этого документа состоит в том, что он имеет пространное историческое введение, в котором воспроизводится хеттская история во времена правления первых семи царей¹. Примечательно, что говоря здесь о всех наиболее важных событиях этого периода, Телепинус особо акцентирует внимание на тех из них, которые продолжали оставаться актуальными в связи с его законодательством о престолонаследии, изложенных в основной части документа. Руководствуясь этим, он подразделяет древнехеттскую историю на два резко отличных друг от друга периода. Первый из них охватывает начальные десятилетия существования хеттского государства, когда поочередно правили Лабарнас I, Хаттусилис I (он же Лабарнас II) и Мурсилис I², а второй — отрезок времени со смерти Мурсилиса I до начала законодательной деятельности самого Телепинуса³. При этом его симпатии целиком относятся только к первому периоду, для которого характерна успешная внешняя политика молодого государства, когда каждый из царей (ЗТ, § 2—3, I, 5—8): «(5) ...ku-wa-at-ta-as la-ah-ha-ma pa-i-it (6) nu

¹ См.: 2BoTU, 23A = KBo, III, 1 + 67, § 1—20; I, 1—71, § 20—26, II, 1—25.

² ЗТ, §§ 1—9, I, 1—31.

³ Там же, §§ 9—26, I, 32—71, II, 1—25.

LÚ KÚR-an ut-ne-e ku-ut-ta-ni-it tar-ah-ha-an har-ta (7)
 nu ut-ne-e har-ni-in-ki-is-ki-it nu ut-ne-e ar-ha tar-ra-nu-
 ut (8) nu-uš a-ru-na-aš ir-hu-uš i-e-it ...» — «а куда в
 поход (не) ходил (бы) — (езде) враждебные страны
 силой подчинял и (эти) страны постоянно опустошал
 и истощал, и их границами море делал...»

Результатом удачных походов было постоянное рас-
 ширение сравнительно небольшого в прошлом государ-
 ства. И несмотря на то, что в его состав вошло множе-
 ство утративших независимость городов-государств,
 хеттским царям удавалось, опираясь на свою военную
 мощь, удерживать их в повиновении.

Наибольшего могущества хеттское государство до-
 стигло в правление третьего по счету хеттского царя
 Мурсилиса I, который (ЗТ, § 9, I, 28—31) «(28) na-aš
 URU hal-pa pa-it nu URU hal-pa-an har-ni-ik-ta nu URU ha-
 pa -aš NAM.RA^{MES} a-aš-sū-uš-se-it (29) URU ha-at-tu-si
 ú-da-aš EGIR-pa-ma-aš URU KA.DINGIR.RA pa-it nu
 URU KA.DINGIR.RA-an har-ni-ik-ta (30) LÚ.MES hur-lu-uš -
 ša hu-ul-li-it nu URU KA.DINGIR.RA-aš NAM.RA^{MES} a-
 aš-sū-uš-se-it URU ha-at-tu-si (31) pi-e har-ta ...» —
 «пошел в город Хальпа и город Хальпа разрушил, и
 пленных города Хальпа и его добро в город Хаттусас до-
 ставил. А затем он пошел в город Вавилон и город Вави-
 лон разрушил, победил хурритов и пленные города Ва-
 вилон и его добро до Хаттусаса удержал (за собой)».

Внешнеполитические успехи приводили к внутригосу-
 дарственным переменам. Активная военная политика не

могла не благоприятствовать упрочению положения царей, успешная деятельность которых в качестве верховных главнокомандующих способствовала росту благосостояния определенной части хеттского общества.

Второй период истории древнехеттского царства, начало которому положило насильственное убийство Мурсилиса I, отмечен нестабильным внутригосударственным положением, обусловленным ожесточенной борьбой знати за царское достоинство. В пределах царского рода началась многолетняя кровавая резня. В результате резко ухудшилось как внутреннее, так и внешнее положение хеттского государства. Этим поспешили воспользоваться соседние страны, и в итоге хеттская армия начала терпеть серьезные неудачи.

Так продолжалось до воцарения Телепинуса, который, установив порядок в стране, усмирив восставшие области и одержав несколько побед над внешним врагом, попытался законодательным путем восстановить то положение, которое было свойственно времени Лабарнаса I, Хаттусилиса I и Мурсилиса I. Здесь следует особо отметить, что Телепинус в той части исторического введения, которая посвящена начальному периоду древнехеттской истории, настоятельно подчеркивает, что для времени правления каждого из трех царей характерна одна важная особенность, не свойственная наступившему затем «смутному времени», передаваемая несколько раз в стереотипно повторяющейся формуле: «па-ра DUMU^{MES} -ŠU ŠEŠ^{MES} -ŠU (3) LÚ.MEŠ³ ga-e-na-ās-še-es-ša LÚ.MEŠ³ ha-ās-ša-an-na-ās-ša-ās Ū ERIN^{MES} -ŠU ta-ru-up-pa-an-te-es e-se-ir»¹.

¹ ЗТ, § 1, I, 2—4.

Примечательно, что Телепинус употребляет эту формулу всякий раз именно перед перечислением внешних и внутренних успехов государства, тем самым подчеркивая, что сообщаемое в ней положение способствовало в свое время накоплению могущества хеттского государства. С другой стороны, этим самым он дает понять, что причина внутригосударственных неурядиц после смерти Мурсилы I заключается в том, что теперь это положение более не действует. Поэтому неудивительно, что, пытаясь законодательным образом воспрепятствовать возможному повторению случаев кровавой резни в царском роде, Телепинус, наряду с узаконением твердого порядка престолонаследия, восстанавливает и это положение, постановляя (3Т, § 29, II, 40—42): «(40) UR.RA.AM SE.RA.AM ku-iš am-mu-uk EGIR-an-da LUGAL-us ki-sa-ri na-pa SEŠ^{MES}-ŠU (41) DUMU^{MES}-ŠU LÚ.MEŠ ga-e-na-aš-si-iš LÚ.MEŠ ha-aš-sa-an-na-aš-sa-aš Ú ERÍN^{MES}-ŠU (42) ta-ru-up-ra-an-tex-eš a-sa-an-du ...»

Эта формула используется, как правило, всеми исследователями истории Древнего царства и в последнее время в большинстве случаев переводится следующим образом: «Тогда его сыновья, его братья и его свойственники, люди его рода, а также его воины были (или — «да будут») объединены»¹.

При объяснении смысла этих строк обращали внимание главным образом на то, что передаваемое в ней положение было свойственно только времени, когда еще не разгорелась кровавая резня за обладание царским тронном, и при этом особый упор делали на факте, что

¹ ЗВАХ. II, стр. 254; ср. также: Goetze. Kleinasien², стр. 86 прим. 2; Friedrich J. HE. I. Heidelberg, 1940, стр. 63.

наступление кризисного состояния по времени совпадает с окончанием действия такого положения. Исходя из этого, полагали, что в этой формуле речь идет о стабильном положении в пределах царского рода и о нормальных взаимоотношениях последнего с войнами¹. Эта точка зрения обычно признается обоснованной и вполне согласуется с существующим пониманием смысла всего источника в целом. В пользу этого говорит и тот факт, что в настоящее время ее разделяет большинство хеттологов, и неудивительно, что вышеупомянутый перевод этой формулы получил всеобщее признание, так как он не только соответствует интерпретации ее смысла, но и целиком с ней совпадает.

Поэтому только невольному упрочению этой точки зрения могла служить одна, рациональная по своему замыслу, но несколько небрежно обоснованная, попытка подвергнуть сомнению такой перевод этой формулы. Речь идет о критическом замечании на этот счет, высказанном в свое время Ф. Зоммером в рецензии на первое издание работы *Götze Kleinasien*. Он усомнился в правдивости перевода именной части сказуемого *tagurrapantes* посредством «едины», обратив внимание на то, что последние годы правления Мурсилиса I, царя, ко времени правления которого еще относится эта формула, уже отмечены интригами и убийствами, исключавшими всякую возможность «единства» по крайней мере между царскими родственниками². К сожалению, этот пример выглядит несколько неубедительно, так как именно в последние годы правления Мурсилиса I и начинается тот период, когда эта формула более не употребляется.

¹ Первым на эту точку зрения стал Э. Форрер. См.: Forrer. 2BoTU, стр. 12.

² См.: Sommer. OLZ, стр. 279.

Очевидно поэтому на замечание Ф. Зоммера никто не обратил серьезного внимания и со временем о нем вообще забыли, несмотря на то, что оно, по всей вероятности, имеет реальное основание. В данном случае позицию Ф. Зоммера следует признать слабой только в том, что он, привлекая для аргументации своего положения весьма сомнительный пример, оставил без внимания ряд более убедительных фактов, передаваемых, к примеру, в НАВ Хаттусилиса I. Этот источник довольно подробно воспроизводит картину взаимоотношений Хаттусилиса I со своими родственниками. Так, в той части документа, которая раскрывает его основную тему, мы узнаем о напряженных отношениях царя со своей сестрой и ее детьми, т. е. с его племянниками — законными царскими преемниками по материнской линии¹. Затем Хаттусилис I рассказывает о столкновении со своим «сыном» (DUMU) Хуцциясом и «дочерью» (DUMU SAL), имени который он не называет². Его «сын» Хуццияс управлял городом (общиной) Талассанда, но затем был уличен в государственной измене и по воле царя лишился занимаемого поста. Такой поступок царя вызвал откровенно враждебную реакцию со стороны «дочери», которую поддерживали «сыновья» Хаттусаса (DUMU^{MEŠ} URU KU.BABBAR). Этот инцидент положил начало кровопролитной борьбе, охватившей всю страну. Наконец, при неизвестных обстоятельствах Хаттусилису I удалось усмирить сторонников своей «дочери» и восстановить порядок в стране. Вполне допустимо, что в правление Хаттусилиса I имели место и другие случаи неприязненного отношения членов царского рода к самому царю,

¹ НАВ, §§ 1—6, I—II, 1—36.

² Там же, §§ 12—18, II, 63—82; III, 1—25.

если последний счел нужным обратиться к своему преемнику Мурсилису I со следующими словами (HAB, § 19, III, 26—28): «[ha-sa-an-na-as-ma-as] ki-nu-un is-ta-an-

za-na-ma-an¹ ŪUL ku-iš-ki da-a-aš (27) [zi-iq-ma DUMU-JJA mu-ur-si-li na-an-za zi-ig da-a (28) Inu at-ta-as ud-da-la-ar pa-ah-si ...“ — „До сих пор никто [из моего рода] моей воле не следовал. [Но] ты, Мурсилис, [мой DUMU], следуй (ей): храни [отцовское сло]во!..»

Таким образом, если правление Хаттусилиса I изобиловало событиями, исключавшими возможность какого бы то ни было «единства» в пределах царского рода, то, следовательно, сомнение Ф. Зоммера в правильности существующего перевода и интерпретации этой формулы было вполне законным.

Все это говорит о необходимости уточнения перевода формулы, так как только после этого можно будет судить и о ее смысловом значении. С грамматической точки зрения эта фраза довольно проста, и возможный пересмотр ее перевода фактически должен свестись к уточнению значения глагола tagur-. Этот глагол относится к сравнительно небольшому числу тех хеттских слов, значение которых представилось возможным распознать уже в начальный период исследования хеттских текстов, благодаря сохранившимся фрагментам подлинного шумеро-аккадско-хеттского словаря, впервые изданного и предварительно исследованного еще Ф. Деличем². Во фрагменте № 9 (по Деличу) II, 50, 53, 55 (=КВо, I, 42,

¹ О переводе istanzana-man см.: Kammenhuber A. ZA, 1964, Bd. 22, стр. 199.

² См.: Delitzsch F. Sumerisch-Akkadisch-Hettitische Vocabularfragmente. Berlin, 1914, стр. 22.

II, 44, 46, 49) аккадское ru-uh-hu-ru = хеттскому an-da ta-ru-ru-ar, а там же, III, 49, аккадское pa-ha-gu = снова хеттскому an-da ta-ru-up-ru-ar. На основе этого установили, что хеттское tagur- соответствует как ru¹ и ²ги — «собирать, созывать», так и pa³агу — «собираться, сходиться»¹. Спустя некоторое время А. Гётце удалось обнаружить в одном из фрагментов аккадского дубликата закона Телепинуса и полное аккадское соответствие всему сказуемому интересующей нас фразы. Оказалось, что ta-ru-up-⁴a-an-te-es e-se-ir = pa-ah-gu ib-ba-su, где tagurpantes идентично pa³агу, пермансиву от pa³агу — «собираться, сходиться»². Руководствуясь этим, А. Гётце предложил переводить эти слова следующим образом: «sie waren versammelt». Примечательно, что в соответствии с такими данными о значении глагола tagur- и был осуществлен в 1924 году И. Фридрихом первый перевод этого контекста: «... und damals waren seine Söhne, seine Brüder, (3) seine Verschwägerten und seine Blutsverwandten und seine Soldaten (4) (um ihn) versammelt ...»³.

В это время имела место и первая попытка осмыслить содержание исторического введения к закону Телепинуса, предпринятая Э. Форрером, который, кстати, и предложил здесь ту смысловую интерпретацию этой стереотипной формулы, которая получила затем широкое признание⁴. При этом Э. Форрер осмелился несколько отой-

¹ См.: Götze A. Die Pestgebete des Mursilis. KIF, 1930 I, стр. 222; Delitzsch F. Assyrisches Handwörterbuch. Leipzig, 1894, стр. 520; Gelb. Glossary of Old Akkadian. Chicago, 1957, стр. 212—213.

² См. Götze A. Akkadisch-Hethitisches. ZA, XXXIV, стр. 186.

³ Friedrich J. Aus dem hethitischen Schrifttum. I, AO, 1922, 24, 3, стр. 6.

⁴ См.: Forrer. 2BoTU, стр. 12.

ти от осуществленного А. Гётце и И. Фридрихом перевода с целью приближения его к своему пониманию смысла этого контекста, предложив переводить именную часть сказуемого *taruppantes* словом «едины».

Этот произвольный отход от дословного перевода был признан вполне правомочным, и полагая, что здесь *taruppant* = «собраны» в смысле «едины», как А. Гётце¹, так и И. Фридрих² сочли нужным отказаться от своих переводов и согласились с предложением Э. Форрера.

Следовательно, существующая весьма сомнительная интерпретация смысла этой формулы ни в коей мере не исходила из ее перевода. Скорее наоборот, вполне надежный первоначальный перевод был изменен в угоду неверно понимаемому ее смыслу. Более того, с этого времени стали признавать основным значением глагола *tarup-* не «собирать», а «объединять», что еще более укрепило точку зрения Э. Форрера.

Имея в виду все вышесказанное, следует признать вполне целесообразным отказ как от перевода, так и от интерпретации смысла этой формулы, предложенной в свое время Э. Форрером, и впредь определять перевод глагола *tarup-* в этом контексте по его аккадским соответствиям, опираясь в первую очередь на то, что хеттское *taruppantes esir* = аккадскому *raḥru ibbaṣu*. Исходя из последнего получим следующий перевод этой фразы: «И (тогда) его сыновья, его братья, его свойственники, его кровные родственники и его воины были собраны».

¹ См.: Götze. Die Pestgebete des Mursilis, стр. 222.

² См.: Friedrich. HE. I, стр. 63; он же. HW, стр. 217.

Сравнительно недавно В. В. Иванов в своей работе о народном собрании у хеттов мельком отметил, что не исключена возможность, что в данном случае tarup- следует переводить «собираться (на собрание)»¹, обращая внимание на то обстоятельство, что аккадское riḥḥu(m) — «собрание» является производным от riḥḥuru = tarup-². Но, к сожалению, это ценное и своевременное предположение не получило должного развития, так как и В. В. Иванов все еще не мог выйти за рамки существующего понимания смысла этой формулы. Так, например, taruppantes esir он перевел «собирались вместе (были объединены)», а сказуемое варианта этой формулы, приводимого в законодательной части памятника, taruppantes asandu — «да будут объединены»³. Следовательно, он все еще полагал, что эта формула означает только стабильное положение в пределах царского рода.

¹ См.: Иванов. Происхождение и история..., I, стр. 35 и прим. 61.

² Важно иметь в виду и то обстоятельство, что И. М. Дьяконов при анализе староаккадских текстов, упоминающих riḥḥu(m) («собрание», установил, что глагол riḥḥu следует переводить не просто «собираться, сходиться», а «собираться (или сходиться) на собрание»! См.: Дьяконов. Шумер, М.—Л., 1959, стр. 137.

³ См.: Иванов. Происхождение и история..., I, стр. 35. Правда, в недавно осуществленном переводе текста Телепинуса («Хрестоматия по истории древнего Востока» под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера. ИВЛ. М., 1963, стр. 306—309) В. В. Иванов переводит интересное нас место «собирались вместе», а в варианте будущего времени — «да будут собираться вместе». А смысл этой формулы в целом В. В. Иванов объясняет в примечании 1 на стр. 309 следующим образом: «Формула сплоченности царского рода и всех свободных при первых царях (в отличие от позднейших смут и междоусобиц)». Следовательно, и в последнем случае он продолжает оставаться на своей старой точке зрения, идентичной общепринятому толкованию смысла этой формулы.

Однако имеются некоторые доводы, которые могут подтвердить истинность предположения В. В. Иванова о том, что *tagur*- здесь необходимо переводить именно «собираться (на собрание)».

В первую очередь нужно иметь в виду то, что академики И. М. Дьяконов и Н. М. Никольский при оценке социального значения данных этой формулы отмечали, что в ней, по всей вероятности, перечисляются те лица, которые в своей совокупности составляли народное собрание (*pankus*). А В. В. Иванов не только подтвердил, но и несколько уточнил это предположение и привел поводы в пользу того, что перечисляемые в начале этой фразы царские родственники входили в совет высших должностных лиц (хеттское *nakkes* = аккадскому *kabti* НАВ Хаттусилиса I). в то время как воины (*ERIN^{MES}*) были рядовыми членами собрания. Говоря другими словами, В. В. Иванов заострил внимание на том, что по своему составу круг лиц, перечисленных в рассматриваемом контексте из закона Телепинуса, совпадает с народным собранием времени Хаттусилиса I.

Таким образом, если последний текст упоминает о том, что в определенные времена эти лица были собраны, то, следовательно, эта формула говорит именно о функционировании народного собрания в те моменты древнехеттской истории, к которым она применена.

Именно так в свое время смысл этой формулы понял академик Н. М. Никольский, которому посчастливилось в том отношении, что ему был доступен только первый (но, как мы видели выше, более надежный, чем последующий) вариант перевода этого контекста, осуществленный И. Фридрихом еще до того момента, когда он попал под влияние точки зрения Э. Форрера. Очевидно, эта

по сути дела, верная интерпретация формулы не получила поддержки у последующих исследователей проблемы народного собрания у хеттов вероятнее всего потому, что ее автору не пришлось подвергать критике наиболее распространенную точку зрения на этот счет, так как она, по-видимому, осталась ему просто неизвестной.

Такое понимание смысла формулы не только не противоречит данным других древнехеттских текстов, но и вполне согласуется с ними. Так, например, у нас не может быть сомнений в том, что в правление тех царей, к которым относится эта формула, действительно созывалось народное собрание. Во-первых, из НАВ Хаттусилиса I известно о функционировании народного собрания в правление деда последнего¹. Затем, как мы уже отмечали выше, здесь подробно сообщается об обстоятельствах и причинах двукратного созыва собрания в последние годы жизни самого Хаттусилиса I². Далее из той части текста, в которой передается наказ царя своему преемнику, мы узнаем, что в правление Мурсилиса I также предполагалось созывать народное собрание³. Но особенно важным является то обстоятельство, что, как мы увидим ниже, такая интерпретация вполне соответствует разделяемому советскими историками пониманию существа законодательства Телепинуса.

Так, объясняемый смысл этого контекста говорит и о том, что документ Телепинуса упоминает о народном собрании намного чаще, чем это казалось ранее. При этом особенно ценны те из этих упоминаний, которые пере-

¹ См. выше, стр. 19.

² Это видно из НАВ, § 22, III — IV, 60—63. Здесь царю вменяется в обязанность спрашивать мнение народного собрания по поводу преступных действий отдельных лиц.

³ Имеется в виду троекратное повторение вышерассмотренной стереотипной формулы.

даются в историческом введении к закону, так как при их совокупном рассмотрении с соответствующими свидетельствами из НАВ представляется возможным восстановить по крайней мере в общих чертах историю этого института на протяжении почти всего древнехеттского периода.

Примечательно в этой истории то, что со смертью Мурсилиса I народное собрание не созывается, так как с этих пор рассматриваемая формула более не употребляется. И именно с этого времени, как отмечалось выше, начался продолжительный внутрисполитический кризис, основным содержанием которого была кровопролитная борьба широкого круга претендентов на царский трон¹. Как известно, сам Телепинус видит причину наступления «смутного времени» отчасти и в том, что теперь положение, передаваемое в этой формуле, более не действует². Следовательно, этим он дает понять, что прекращение функционирования народного собрания способствовало наступлению кризисного состояния.

Сложилось любопытное положение: отказ от практики созыва народного собрания, в недавнем прошлом еще сильно ограничивавшего царскую власть, не только не привел к усилению последней, но наоборот, резко ее ослабил, особенно постоянно повторяющимися безнаказанными убийствами правящих царей, причем убийцы, как правило, сами занимали престол. В итоге большин-

¹ Характеристику основных событий «смутного времени» см.: Д о в г я л о Г. И. О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства. ВДИ, 1964, № 1, стр. 24—29.

² Стремление Телепинуса вернуться в своем законодательстве к некоторым обычаям и узаконениям прошлого времени отмечается как акад. Н. М. Никольским, так и В. В. Ивановым. См.: Н и к о л ь с к и й. Реформа хеттского царя Телепина., стр. 56; И в а н о в. Происхождение и история., I, стр. 36.

ство правителей этого времени воцарилось на троне посредством умерщвления своих предшественников. И как мы увидим ниже, каждый из них принадлежал к одной из двух враждебных друг другу категорий родственников предыдущего царя, на протяжении всего смутного времени они стремились в кровопролитной борьбе утвердить за собой право на выдвижение кандидатов на царское достоинство только из своей среды. Один лагерь враждующих составляли патрилинейные, а второй — матрилинейные родственники предшествующего царя. И независимо от того, к какой именно из этих групп принадлежал царь, ему постоянно грозила опасность со стороны соперничавших с ним претендентов на престол из противоположной группы.

Незадолго до окончания внутривластительского кризиса царь Хуццияс попытался укрепить свое положение на троне, воспользовавшись приемом, свойственным тому времени. Он решил избавиться от наиболее опасного соперника из числа своих родственников по материнской линии, попытавшись просто убить Телепинуса, мужа своей сестры Истапарияс, и ее самое. Однако это намерение было раскрыто, и Телепинусу удалось, отстранив Хуццияса от престола, воцариться самому. При этом он не умертвил своего предшественника, как это делали все цари «смутного времени», а, оставив Хуццияса и его пятерых братьев в живых, простил их вину.

Таким образом, Телепинус, воцарившись при нескольких необычных обстоятельствах, когда предшествовавший ему царь еще оставался в живых, уже с момента своего вступления на престол стал придерживаться во внутренней политике своеобразной позиции, несвойственной царям предшествующего времени. Правда, и в первые годы его правления еще продолжалась кровавая резня

в пределах царского рода. В это время, как можно судить по ЗТ, § 25—26, I, 20—27, воспользовавшись отсутствием Телепинуса, усмирявшего восставший город (общину) Лавацантияс, один из царских людей, «человек копья» (^{LU}GIS.PA) Танувас, по указке высших должностных лиц умертвил отстраненного от престола Хуццияса и его братьев.

На первый взгляд могло показаться, что убийство недавних противников Телепинуса не должно было особо задевать его интересы, так как избавление от опасных соперников в какой-то мере упрочило его положение на троне. Несмотря на это, Телепинус не только не оставил без внимания этот инцидент, но и поспешил им воспользоваться для укрепления внутригосударственного положения, признав необходимость наказания лица, пролившего кровь членов царского рода.

Именно в связи с урегулированием этого случая мы узнаем, что в правление Телепинуса народное собрание (pankus) стало собираться вновь.

Небезынтересно отметить, что теперь собрание судило не только Тануваса, но и двух других царских служилых людей—«человека золотого копья» (^{LU}GIŠ.IGI.DÚ GUŠKIN) Тахарваилиса и «гонца» (^{LU}KAS₄.Ē) Тарухсаса. Последнее, как известно из ЗТ, § 21—22, II, 5—8, еще задолго до воцарения Телепинуса, накануне вступления на престол Хуццияса, вырезали мужскую половину двух семей из царского рода. Народное собрание, не обращая внимания на давность преступления, осудило Тахарваилиса и Тарухсаса не менее строго, чем Тануваса. Всех их приговорили к смертной казни, но, по предложению царя, наказание было смягчено.

Следовательно, если собрание признало убийство членов царского рода крупным государственным преступлением, строго наказуемым в обязательном порядке, то этим самым оно высказало свое отрицательное отношение к кровавой резне того времени, когда народное собрание не собиралось.

Текст Телепинуса, вернее сохранившаяся его часть, не говорит прямо о причине столь длительного бездействия собрания. Вполне возможно, что все цари, правившие после Мурсила (вплоть до воцарения Хуццияса), пользуясь тем, что только по их инициативе могло созываться собрание, просто не прибегали к его созыву из-за следующих опасений: ведь каждый из этих царей, убивая при воцарении своего преемника на троне, тем самым совершал проступок, который народное собрание могло признать тяжким преступлением, так как до начала «смутного времени» не только убийство царем своих родственников, но даже причинение им какого-нибудь зла признавалось преступным.

В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что во всех известных из НАВ случаях, когда Хаттусилису I удавалось справиться с враждебными нападками со стороны своих родственников, он, ставя собрание в известность о происшедшем, всякий раз настоятельно подчеркивает, что он не только не причинял вреда виновным, но и обошелся с ними самым милостивым образом и даже в достатке обеспечил материально. Особенно примечателен самый первый эпизод, когда, после лишения царского племянника Лабарнаса права вступления на престол, его мать, сестра Хаттусилиса I, обвинила царя в намерении убить ее сына¹. В пользу

¹ НАВ, § 3, I — II, 14—15. Перевод и краткий анализ содержания 14 строки см.: Иванов. Хеттский язык. ИВЛ. М., 1963, стр. 23.

того, что эти слова царской сестры могли быть рассмотрены как свидетельство тяжкой вины царя, говорит тот факт, что в ответ на это Хаттусилис I вынужден был объяснить собранию несостоятельность этого обвинения¹. Говоря другими словами, Хаттусилису I была совсем не безразлична попытка уличить его в такого рода проступке.

Наряду с этим имеются и некоторые другие данные, которые позволяют судить о том, что в период, предшествовавший наступлению «смутного времени», убийство членов царского рода, если даже оно осуществлялось самим царем, могло рассматриваться как тяжкое преступление. Речь идет о содержании фрагмента, неизвестного целиком, законодательного акта древнехеттского времени 2BoTU, 10 γ = KBo, III, 28, где особо регламентируется порядок обращения с теми из царских

DUMU^{MEŠ}, которые виновны в преступлениях против личности царя². Прежде всего здесь рекомендуется царского DUMU сразу после установления его вины доставить во дворец, где в течение некоторого времени царь обязан осуществлять за ним личный контроль. После этого царю предписывалось поступать с ним следующим образом (2BoTU, 10 γ = KBo, III, 28, 13—14): «(13) na-

¹ Полагают, что этот документ имеет отношение к событиям, воспроизводимым в так называемой «дворцовой хронике» (Hofchronik) (2BoTU, 12; KBo, VIII, 41; KUB, XXXVI, 104—105; VBoT, 33). См.: Schuler E. Hethitische Königserlasse als Quellen des Rechtsfindung und ihr Verhältnis zum kodifizierten Recht. «Festschrift J. Friedrich». Heidelberg, 1959, стр. 442 и прим. на стр. 467.

² См.: Schuler. Указанная работа, стр. 442 и прим. 55 на стр. 467 рассматривают только начальные строки фрагмента и не касаются его законодательной части.

as̃ É-is̃-si-pá te-es̃-du A.NA É.EN.NU.UN li-e da-it-ti (14)
i-da-lu-ma-an li-e i-ja-sĩ he-en-kan-sē li-e tak-ki-is̃-sĩ...» —
«В своем доме пусть он будет, а в тюрьму (его) не помещай, зла ему не причиняй и до смерти его не доводи...»
Нетрудно заметить, что при урегулировании инцидентов со своим DUMU Лабарнасом и «дочерью» (DUMU SAL) Хаттусилис I поступает точно так, как предусматривает только что приведенное место из 2BoTU, 10γ = KBo, III, 28. Наказание для каждого из провинившихся ограничивалось только высылкой в отведенные в их распоряжение дома за пределами города Хаттусаса. Поэтому вполне допустимо, что если бы Хаттусилис I наказал виновных более жестоко, то, тем самым нарушив вышеупомянутое предписание, он сам мог быть судим высшей судебной инстанцией — народным собранием. Все это свидетельствует в пользу того, что и во время Хаттусилиса I царь нес ответственность за причинение зла своим родственникам.

Становятся понятными и причины терпимого отношения Телепинуса к своим политическим противникам, Хуцциясу и его братьям, в момент вступления его на царское достоинство.

Поступая не так, как обычно делало абсолютное большинство его непосредственных предшественников на троне, Телепинус, став царем без кровопролития, не имел особых препятствий к тому, чтобы при необходимости возродить практику созыва народного собрания, что он и сделал по вышерассмотренному поводу.

Кроме того, сама манера обращения Телепинуса со своими враждебно настроенными сородичами как по форме, так и по содержанию совпадает с обхождением Хаттусилиса I со своими DUMU Лабарнасом и «до-

черью»¹. Так, в НАВ, § 6, II, 31—32 (хеттский) Хаттусилис I говорит: «(31) DUMU-mi la-ba-ar-ni É-lilr i-ih-hu-lun A.SĀ^{HI.A}-se me-ilk-ki (32) pi-ih-hu-un GUD^{HI.A}-se me-ilk-ki pi-ih-hu-un UDU^{HI.A}-se me-ik-ki pi-ih-hu-un (33) nu az-zi-ik-ki-id-du [alk-kl]u-ús-ki-[il]d-d[u] ...» — «моему DUMU Лабарнасу я дал дом, многие поля, много крупного скота, много овец, и пусть (себе) ест и пьет!...»

Затем своей «дочери», виновной в разжигании смуты, охватившей всю страну, и наказанной, как и Лабарнас, высылкой за пределы города Хаттусаса, царь определил (НАВ, § 17, III, 20—24): (хеттский) «(20) ...ut-ne-e-se (21) [É-ir tág-ga-as-s]a-an nu-az-zi-ik-ki-id-du (22) [ak-ku-ús-ki-id-]du (23) ... a-pa as i-da-a-lu i-e-it (24) ú-ug i-da-a-lu a-ap-ra Ú.UL i-ja-am mi ...» — «...в стране (т. е. за пределами города. — Г. Д.) ей [дом построен и пусть (себе) ест (и) [пьет] ... Эта (мне) зло причинила — [ей зла] я не делаю!...»

В свою очередь в историческом введении к закону Телепинуса точно так говорится о прощении Хуццияса и его братьев (ЗТ, § 23, II, 13—15): «(13)... nu-ús-ma-as É^{MES} tág-ga-as-ta pa-an-du-wa-az a-sa-an-du (14) nu-wa-za az-zi-ik-kan-du ak-ku-ús-kan-du i-da-a-lu-ma-as-kan li-e ku-it-ki (15) tág-ga-as-si nu tar-si-ki-mi a-pi-e-wa-mu i-da-lu i-e-ir u-ga-wa-ru-ús HUL-lu Ú.UL i-ja-mi» —

¹ На этот факт обращали внимание как Ф. Зоммер, НАВ, стр. 145, так и Иванов, Происхождение и история ... I, стр. 36 и прим. 63; он же. Хеттский язык, стр. 26.

«им дома он (т. е. Телепинус. — Г. Д.) построил: «Идите себе, живите! И ешьте себе и пейте!» А зла им пусть никто не посмеет причинить! И я постоянно буду повторять: «Эти мне зло причинили — я же им зла не делаю!»

Примечательно, что содержание заключительных предложений двух последних контекстов (НАВ, § 17—18, III, 23—24 и ЗТ, § 23, II, 15) абсолютно одинаково. Это значит, что как в свое время Хаттусилис I, так и позднее Телепинус поступали со своими провинившимися сородичами так, как этого требовало законодательное распоряжение 2BoTU, 10 γ¹.

Возврат Телепинуса к старым обычаям, как мы видим, не ограничивался только возобновлением созыва народного собрания. Вышерассмотренная часть исторического введения к закону может свидетельствовать и о том, что Телепинус с начала своего царствования стал придерживаться тех узаконений, которые до начала смутного времени регулировали взаимоотношения царя с членами царского рода.

Но из последующих строк исторического введения мы узнаем, что и после всего этого междоусобицы в царском роде продолжались. В это время при неизвестных обстоятельствах были убиты жена Телепинуса, царица Истапарияс, их сын Аммунас II. Как известно из ЗТ, § 22, Телепинус имел право на царское достоинство только потому, что имел женой Истапарияс, сестру предыдущего царя Хуццияса. Следовательно, теперь было убито то лицо, которое определяло право Телепинуса на обладание

¹ Повторяемость этого контекста как в документе 2BoTU, 10β, так и в НАВ и ЗТ отмечает Э. Шулер в указанной работе, стр. 444, при этом подчеркивая, что его троекратное повторение в трех разновременных документах ни в коей мере нельзя считать случайным.

царским достоинством, а также их сын — наиболее вероятный претендент на трон из числа царских родичей восходящего поколения. Эти убийства, поставив под угрозу пребывание Телепинуса на троне, фактически продолжали почти непрерывный ряд кровавых актов, постоянно нарушавших нормальный ход преемственности царского достоинства. Поэтому Телепинус, убедившись в необходимости срочных радикальных мер, решив, опираясь на народное собрание, законодательным порядком стабилизировать внутривластическое положение. Он начинает законодательную часть документа следующими словами (ЗТ, § 27, II, 34—35): «(34) nu ^{URU}te-li pi-nu-us ^{URU}ha-at tu-si tu-li-ja-an ha-l-zi-ih-hu-un ki-it-pa-da-la-az ^{URU}ha-at-tu-si (35) ha-as-ša-an-na-as DUMU-an i-da-lu li-e ku-is-ki i-ja-zi nu-us si-san GÍR-an tak-ki-es-zi» — «Я, Телепинус, в городе Хаттусасе созвал собрание (tulijas). Отныне в городе Хаттусасе «сыну рода» (т. е. члену своего рода. — Г. Д.) пусть зла никто не посмеет причинить и на него нож да не посмеет обнажить!»

Опираясь на начальные слова этих строк, полагают, что законодательство, предложенное Телепинусом, было утверждено в собрании. Называемый здесь запрет убивать своих сородичей является одним из центральных его положений и, как мы видели выше, представляет возврат к узаконениям того времени, когда еще не разгорелась кровавая резня. Если учесть, что обычно убийства членов царского рода имели непосредственное отношение к преемственности царского достоинства, то этот запрет, следовательно, исключал возможность продолжения кровавой резни за престол в будущем.

Сразу же после этого закон регламентирует твердый порядок престолонаследия, к анализу которого мы приступим несколько ниже¹.

И это положение закона, также как и вышеупомянутое, имеет своей целью упрочение царской власти посредством урегулирования спорных вопросов, могущих возникнуть в связи с обеспечением законной преемственности трона.

А затем закон провозглашает (ЗТ, § 29, II, 40—42):
«(40) *UR RA.AM SE.RA.AM* ku-is am-mu-uk EGIR an-da
LUGAL-*uš* ki-sa-ri na-pa *ŠEŠ*^{MES} -*ŠU* (41) DUMU^{MES} -*ŠU*
LÚ.MEŠ^{ga-e-na-aš-si-is} LÚ.MEŠ^{ha-aš-sa-an-na-aš-sa-aš} *Ú*
ERIN^{MES} *ŠU* (42) ta-ru-up-pa-an-te-*ēš* a-sā an-du» —
«(40) Отныне и впредь, кто после меня царем станет —
то (тогда) его братья, (41) его сыновья, их свойственни-
ки и его родичи, и его воины да будут (42) собираемы
(на собрание)!»

Таким образом, при следующих царях предполагается созывать народное собрание (*pankuš*) именно в том составе, в котором оно собиралось и при первых хеттских царях.

Последующий текст конкретно определяет полномочия народного собрания при некоторых, очевидно, наиболее распространенных случаях нарушения законного порядка преемственности царского достоинства. Прежде всего каждому из последующих царей в строгой законодательной форме предписывается (ЗТ, § 29, 45): „*ha-aš-sa-an-na-aš-sa-an-za-kan li-e ku-in-ki ku-en-ti Ú.UL SiG₅-in*» —

¹ См. стр. 73 и сл.

«(Из) своего рода никого не убивай — это не к добру!»
Этим ясно сказано, что запрет убивать членов царского
рода распространяется и на самого царя, что также
является возвратом к обычаям, бытовавшим в правление
Хаттусилиса I. Закон регламентирует и порядок наказа-
ния царя, виновного в такого рода преступлении (3Т,
§ 30—31, II, 46—54): «(46) *nam-ma ku-i-sa LUGAL us*
ki-sa-ri nu ŠEŠ-as SAL+KU-as i-da-a-lu sa-na-ah-zi (47)
su-me-ēs-sa pa-an-ku us-si nu-us-si kar-si te-it-te-en ki-iwa
e-ēs-na-as ut-tar (48) *tup-pi-az a-ú ka-ru-ú-wa e-ēs-har*
URU ha-at-tu-si ma-ak-ki-ēs-ta (49) *nu-wa-ra-ta-pa*
DINGIR^{MES}-is sal-la-i ha-as-sa-an-na-i da-a-ir (50) *ku-is*
ŠEŠ^{MES}-na SAL+KU^{MES}-na is-tar-na i-da-a-lu i-ja-zi nu
LUGAL-wa-as (51) *har-as-sa-na-za su-wa-a-i-e-iz-zi nu*
tu-li-ja-an hal-zi-is-tin ma-a-na-pa ut-tar-se-it pa-iz-zi (52)
nu SAG.DU-na-az sar-ni-ik-du du-ud-du-mi-li-ma mzu-ru-
wa-as (53) *ma-a-nu-wa-as ma-ru-uh-su-us-sa i-wa-ar li-e*
ku-na-an-zi (54) *É-ri-is-si A.NA DAM-ŠU DUMU^{MES}-SU*
i-da-a-lu li-e tak-ki-is-sa-an-zi»—«Впредь каждый, кто
станет царем, и брату (или) сестре зло захочет (причи-
нить), то вы ему «панкус»! И ему четко и ясно скажите:
«Это дело крови! Смотри табличку — ранее кровь в Хат-
тусасе все умножалась! Но теперь боги поставили вели-
кому роду (т. е. царскому. — Г. Д.): Кто (как) между
братьями, так и (между) сестрами зло содеет, тот (лич-
но) отвечает своей царской головой!» И созовите собра-
ние (тулияс). Когда затем его дело пойдет, то пусть лич-

но отвечает, а тайком, на манер Цуруса, Тануваса, Тархарванлиса и Тарухсуса не убивайте, и его дому, жене, сыновьям зла не причиняйте!»

Следовательно, собрание обязано было судить царя в первую очередь за причинение зла своим братьям и сестрам, т. е. его ближайшим родственникам, потомство которых, наряду с детьми самого царя, обладало, как мы увидим ниже, законным правом на престолонаследие. Здесь имеются в виду прежде всего те преступления царя против своих сородичей, которые непосредственно ведут к нарушению законного порядка престолонаследия в будущем.

Несколькими строками ниже таким же образом закон предписывает судить преступления любого из царских DUMU^{MEŠ}, каждый из которых, обладая законным правом вступления на трон, мог попытаться насильственным путем избавиться от соперничавших с ним других претендентов на царское достоинство из своей среды. При этом особо оговорено, что в каждом из этих случаев ответственность за преступление несет только лично провинившийся, и всякий раз подчеркивается, что его ближайшие родственники не должны считаться виновными¹. Посредством этого исключается возможность использования единичных преступлений как повода для массового уничтожения той части царского рода, члены которой обладают законным правом на царский титул. Как

¹ 3Т, § 32, II, 59 — 60 «(59) ki-nu-na ma-a-an DUMU LUGAL ku-iš-ki wa-as-ta-i nu SAG.DU-az-pit šar-ni-lk-du (60) É ZU-ma-aš-ši DUMU-ŠU-ja i-da-lu li-e tağ-ga-aš-te-ni» — «А если ныне какой-нибудь «царский сын» провинится, то пусть он (своею только) головой отвечает! Его же дому и сыну его не причиняйте зла!»

и следовало ожидать, по закону народное собрание обязано было наказывать смертью любого из царских служилых людей, осмелившегося поднять руку на члена царского рода¹. Таким образом, народное собрание, продолжая оставаться высшей судебной инстанцией, призвано было осуществлять контроль над проведением в жизнь закона о престолонаследии.

Этим конкретно очерчиваются пределы влияния народного собрания на преемственность царского достоинства. Оно имеет право в некоторых предусмотренных законом случаях отстранять царя от престола и даже судить его. Однако при определении нового кандидата на престол предписывается руководствоваться законом о престолонаследии, контроль над выполнением которого опять-таки обеспечивает народное собрание как высшая судебная инстанция в государстве. Следовательно, народное собрание должно было не только считаться с принципом наследственности царской власти, но и всячески его поддерживать².

При исследовании этой части документа было уже отмечено, что, восстанавливая народное собрание как высший судебный орган, Телепинус тем самым возвращается к обычаям раннего периода существования хетт-

¹ ЗТ, § 33, II, 66—73.

² Рискованно утверждать, что этот принцип в царском роде хеттов имеет универсальное распространение в раннегосударственное время. Однако небезынтересно заметить, что данные о взаимоотношениях македонского собрания с царями и царским родом весьма схожи с рассматриваемым хеттским материалом. Ср.: Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1950, стр. 52: «... Aus der Früzeit stammt auch die Institutions der makedonischen Heerversammlung, die sich aus den Waffenfähigen zusammensetzt: sie bestätigt den neuen König durch Akklamation, sie greift wohl auch in die Regelung der Thronfolge ein, wenn Wirren entstehen, endlich bildet sie den höchsten Gerichtshof in Fällen von Hoch-und Landesverrat».

ского государства. При этом ссылались на сходство содержания ряда мест законодательной части надписи Телепинуса с содержанием тех строк НАВ Хаттусилиса I, где говорится о народном собрании как высшей судебной инстанции¹. В истинности этого утверждения не может быть сомнений. Действительно, как уже частично отмечали выше и как мы еще увидим, некоторые положения закона Телепинуса посвящены восстановлению порядков, характерных для времени правления трех первых царей. В связи с этим возникает вопрос: возможно, и та часть закона Телепинуса, где определены пределы влияния народного собрания на преемственность царского достоинства в условиях действия закона о престолонаследии, также имеет своей целью возврат к ранее бытовавшим обычаям и узаконениям? Или, говоря другими словами, может быть, с какого-нибудь момента древнехеттской истории, а возможно, еще и до этого времени, когда хеттская история становится известной по собственно хеттским письменным источникам, наследственный принцип преемственности царской власти стал господствующим и поэтому с этих пор влияние народного собрания на преемственность трона могло проявляться примерно так, как это предусматривает и закон Телепинуса.

Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько точно представится возможным при современном наличии древнехеттских документальных текстов установить то время, с которого царское достоинство стало передаваться только по наследству.

С этой целью удобнее всего начать рассмотрение источников в порядке от наиболее поздних к ранним, так как только в самом позднем из них, надписи Телепинуса,

¹ См.: И в а н о в. Происхождение и история., II, стр. 3—4.

прямо говорится о наследственной царской власти. Некоторые данные исторического введения к закону Телепинуса свидетельствуют о том, что все непосредственные предшественники последнего, вплоть до Мурсила I, также вступали на царский престол по наследственному праву. Ведь при упоминании каждого из этих царей обязательно фигурируют генеалогические справки, раскрывающие родственные отношения к предшественникам на троне¹. К тому же все цари «смутного времени» вступали на престол в полной независимости от воли народного собрания, так как оно в это время вообще не созывалось. Историческое введение подробно говорит и о правлении трех первых царей: Лабарнаса I, Хаттусилиса I и Мурсила I. Однако любопытно, что при их именах генеалогические справки уже не называются, хотя, как известно из других хеттских текстов, все эти цари состояли между собой в родстве².

Последующие сведения о характере преемственности трона во время правления первых хеттских царей содержатся в НАВ Хаттусилиса I. Как мы уже частично видели выше, три упоминаемые здесь случая определения кандидатуры нового царя объединяют между собой несколько особенностей. Во-первых, как правило, процедура утверждения царского преемника происходит при непосредственном участии народного собрания. Во-вторых, во всех этих случаях инициатива выдвижения

¹ Из числа царей, правивших между Мурсалисом I и Телепинусом, только у Хуцциаса, непосредственного предшественника Телепинуса, отсутствует справка. Если судить по контексту, вероятнее всего и он вступил на престол как законный наследник царя Аммунаса.

² Характеристику родственных взаимоотношений между тремя первыми хеттскими царями мы попытаемся выяснить несколько ниже, см. стр. 118.

кандидата на царское достоинство принадлежит все-таки правящему царю и, что особенно важно, царским преемником всегда становится его близкий родственник.

Чаще всего он входит в число DUMU^{MEŠ} царя. DUMU в древнехеттских текстах обычно переводят просто «сын», но, как мы увидим ниже, это категория царских родственников включает не только его родных сыновей¹.

Нетрудно заметить и то, что Хаттусилис I на протяжении всей НАВ несколько раз подчеркивает, что законным царским преемником может быть только лицо, входящее в категорию DUMU^{MEŠ} царя. Так, весьма неодобрительно отзываясь о происшествии, имевшем место еще во времена его деда, когда народное собрание и совет высших должностных лиц не посчитались с желанием царя назначить своим преемником его DUMU Лабарнаса, он вместе с тем видит несправедливость не только в том, что царем стал не Лабарнас, а что при этом вообще были обойдены DUMU^{MEŠ} царя².

Затем в каждом из упоминаемых здесь последующих случаев определения кандидатуры на престол царь, называя имя своего преемника, постоянно подчеркивает, что он является его DUMU³. С другой стороны, разжалование ранее намеченного кандидатом на царское достоинство племянника царя по имени Лабарнас практически заключалось в исключении его из числа DUMU^{MEŠ}

¹ О значении идеограммы DUMU в группе древнехеттских текстов см. ниже, стр. 80—83.

² Об этом Хаттусилис I прямо говорит в НАВ, § 20, III, 41—44.

³ См., например, НАВ, § 1, I — II, 2; § 7, I — II, 37.

(НАВ, § 3, II, 14): «da-a-la ŪUL DUMU-IA a-p[a-]aš...» — «Довольно! (больше) не DUMU он мне!..»

Следует отметить и то обстоятельство, что как НАВ Хаттусилиса I, так и некоторые другие источники этого времени свидетельствуют о том, что царские DUMU^{MEŠ} занимали особо привилегированное положение. Так, например, из тех строк исторического введения к закону Телепинуса, которые рассказывают о древнейшем периоде существования хеттского государства, мы узнаем, что царские DUMU^{MEŠ} постоянно назначались правителями завоеванных городов (общин). Только в правление Лабарнаса I не менее семи DUMU^{MEŠ} царя пребывало на этом посту¹. Эта практика продолжала иметь место и в правление Хаттусилиса I². Правда, в это время цари часто уличали своих DUMU^{MEŠ} — правителей вновь присоединенных городов (общин) — в государственных изменах³. Эти измены, как правило, подготавливались сепаратистски настроенными элементами этих городов (общин), которые стремились восстановить недавно утраченную независимость, воспользовавшись, как мы увидим ниже, весьма своеобразными родственными взаимоотношениями в царском роде этого времени.

Хаттусилис I упоминает об одной из таких измен в нижеследующих строках (НАВ, § 12, II, 63—67): «(63) [a-ut-te-en DUMU-I] a-ma-an ^mhu-uz-zi-ja-an A.NA URU tap-pa-aš-sa-an-da (64) liš-ha-a-an i-ja-nu-uln a-pí-e-

¹ ЗТ, § 4, I, 9—12.

² Там же, § 6, I, 18—20; см. также НАВ, § 12, II, 63—64.

³ ЗТ, § 7, I, 21—23.

ma-an e-ip-pir nu ūš-sī ku-ūš-tu-e-eš-ki-ir (65) [nu-mu ku-ru-ri-i-ja-] ah-hi-ir at-ta-as-ta-as-wa SAG.DU-se-it wa-ag-ga-ri-ja» — «Посмотрите на моего DUMU Хуццияса! Я, царь, его сделал в городе (общине) Тапассанда господином. А эти (т. е. совет старейшин. — Г. Д.) его взяли и с ним зло поступили, (против) меня враждебно настроили: «От головы твоего отца отделийся!» Из последующих строк явствует, что Хаттусилис I вынужден был отстранить Хуццияса от занимаемой должности. Однако ни слова не говорится о том, чтобы он понес за свою измену какое-либо наказание.

О другом аналогичном случае упоминается во фрагменте 2BoTU, 13 = KBo, III, 38. Этот документ, содержащий около 70 частично, а иногда и сильно поврежденных строк, рассказывает о взаимоотношениях трех хеттских царей (называемых не по именам, а *A. BI A. BI LUGAL*, *A. BI. LUGAL* и просто *LUGAL*)¹ с городом (общиной) Цалпой. Несмотря на то, что содержание фрагмента в целом не поддается полному восстановлению, все же можно проследить в общих чертах историю взаимоотношений Хаттусаса и Цалпы в течение длительного периода.

Во времена *A. BI A. BI LUGAL* Цалпа имела собственного независимого правителя, но после одного из

¹ На первый взгляд может показаться, что между тремя этими безымянными царями достаточно четко и точно определены родственные взаимоотношения: дед (*A.B/ A.B/ LUGAL*), отец (*A.B/ LUGAL*) и сын (*LUGAL*). Однако, как уже было однажды отмечено (см. Foggel 2BoTU стр. 3), на самом деле эти цари, возможно, не состояли между собой в родстве, так как *A. BI LUGAL* в рассматриваемой группе текстов следует переводить не «отец царя», а «предшественник царя». Следовательно, в этом случае можно утверждать только то, что эти три царя правили поочередно.

военных столкновений с хеттским царем она вступила с Хаттусасом в договорные отношения¹. В последующее время Цалпа постепенно теряет свою независимость и попадает под влияние Хаттусаса. На первых порах эта зависимость выражалась в том, что царю Цалпы был навязан брак с одной из дочерей хеттского царя. А несколько позже совет старейшин Цалпы был вынужден обратиться к хеттскому царю с просьбой, чтобы он поставил одного из своих DUMU во главе их города (общины). Во времена *A. BI LUGAL* Цалпой правил царский DUMU Хакарпилис. Однако местное население относилось к нему враждебно, и он был умерщвлен. В правление следующего хеттского царя довольно подробно упоминается о том, как во главе Цалпы находился царский DUMU по имени Хаппис. Показательно, что и он подобно Хуцциясу, DUMU Хаттусилиса I, пытался править в Цалпе независимо от хеттского царя, за что был изгнан из города специальной экспедицией, возглавляемой самим царем.

В это время даже самые незначительные провинности рядовых царских служащих наказывались очень строго. Так, в «дворцовой хронике» (2BoTU, 12; KBo, VIII, 41; KUB, XXXVI, 109) имеется достаточное число примеров, когда простые царские подданные подвергались смертной казни за сравнительно мелкие проступки. Однако царские DUMU, виновники тяжких государственных преступлений, обычно избегали строгого наказания, с ними обходились достаточно мягко — так, как этого требовал вышерассмотренный указ 2BoTU, 10 γ = KBo, III, 28.

Если в это время, как говорят только что приведенные данные НАВ и некоторых других текстов, царским достоинством могло обладать только лицо, входившее

¹ 2BoTU, 13 = KBo, III, 38, I; I, 7—32; II, 11—32.

в число царских DUMU^{MES}, то, следовательно, и в правление трех первых царей при определении кандидатуры нового царя наследственный принцип играл если не решающую, то весьма существенную роль. Примечательно, что и по закону о престолонаследии Телепинуса именно царские DUMU^{MES} имели право первоочередного наследования трона. Однако некоторые особенности определения кандидатуры нового царя позволяют полагать, что принцип наследственности царской власти, по крайней мере в правление Хаттусилиса I, еще не был развит в той мере, в какой его закрепляет закон Телепинуса.

Об этом свидетельствуют, кроме соответствующих строк НАВ, также и данные одного из древнехеттских документов KUB, XXXVI, 109. Этот источник, подобно большинству текстов этого периода, сохранился, к сожалению, лишь фрагментарно. Уцелевшая его часть позволяет судить, что он также посвящен проблеме преемственности царского достоинства. Наибольший интерес представляют 5—7 строки этого фрагмента, так как здесь содержится еще одно упоминание о процедуре определения кандидатуры очередного царя: «(5) ... ka-a-sa A.NA

DUMU^{MES} LUGAL iṣ-tar-na ... (6) [LUGAL]-ú-iz-ni la-ni-ir na-an-za SES^{MES} -ŠU [N]IN^{HI.A} -ŠU (7) [pa-a]n-ku-uš-

ša LÚ^{MES} URU^h ha-at-ti ṣe-ik-ka-an-du — «...Вот, из числа

DUMU^{MES} царя ... называли на царствование, и пусть его признают его братья, его сестры ... и «панкус», люди города Хатти!»

К сожалению, сохранившаяся часть текста не упоминает имени этого кандидата на царское достоинство.

Правда, в одной из последующих строк, тоже в плохосохранившемся контексте, названо имя Хаттусилиса I. Здесь может говориться по меньшей мере о трех претендентах на царский трон, имена которых известны по другим надписям этой эпохи. Вероятно, что здесь может идти речь о племяннике Хаттусилиса I, Лабарнасе, или о Мурсилесе, так как оба они определялись царскими преемниками в правление Хаттусилиса I, а поэтому вполне естественно, что имя последнего могло быть при этом упомянуто.

Одно обстоятельство свидетельствует в пользу того, что рассматриваемый фрагмент вряд ли имеет в виду Лабарнаса или Мурсилеса I. Речь идет о некоторых особенностях самой процедуры определения царского преемника, отличающейся от всех рассмотренных выше подобных случаев из НАВ тем, что, как видно из строки 6, кандидатура преемника выдвинута не правящим царем, а намечена, если судить по глаголу *latniḡ*, коллективно. Этим коллективным органом не может быть народное собрание (*pankus*), так как оно упоминается в последующей строке (7), там, где передается призыв признать уже намеченную кандидатуру на престол. В этой же строке перечислены и ближайшие родственники будущего преемника трона, что позволяет предполагать, что этим коллективом не мог быть и царский род. Однако не исключена возможность, что новый царь был намечен советом высших должностных лиц.

Видимо, здесь мы столкнулись с еще неизвестным случаем определения кандидатуры на царский трон. С этой точки зрения вероятнее всего, что в цитируемом фрагменте речь идет об утверждении будущим царем самого Хаттусилиса I, об обстоятельствах воцарения которого другие источники этого времени умалчивают,

и поэтому более точное объяснение особенностей процедуры определения кандидатуры нового царя в этом случае весьма затруднительно. Вполне возможно, что этот текст рассказывает об исключительном случае, когда, например, правящий царь умер, не успев наметить кандидатуры своего преемника, или же он был попросту отстранен от престола тем же народным собранием и поэтому нового царя выдвинул, к примеру, совет высших должностных лиц.

Необычность содержания этих строк нельзя переоценивать, так как надежное восстановление всего фрагмента не представляется возможным. К тому же вполне допустимо, что и в этом случае царь мог единолично наметить себе преемника, а наш текст только представляет дело таким образом, будто кандидатура будущего царя определена богами. Говоря другими словами, не исключено, что коллективным подлежащим интересующего нас предложения является именно DINGIR^{MEŠ}. В таком случае речь идет о божественном избрании нового царя. Следовательно, у нас нет оснований особо настаивать на специфичности процедуры определения кандидатуры царского преемника в этом случае.

Большое значение представляют те данные этого фрагмента, которые могут быть проверены сопоставлением с рассмотренным выше аналогичным материалом из НАВ. На основе этого есть возможность создать более или менее определенное представление об особенностях преемственности царского достоинства в начальный период древнехеттского царства в сравнении с эпохой Телепинуса.

Легко заметить, что процедура определения нового царя, известная по сохранившейся части фрагмента KUB, XXXVI, 109, имеет много общего с аналогичным

актом, трижды упомянутым в НАВ. Так, во всех четырех случаях преемник трона обязательно входит в число DUMU^{MEŠ} предыдущего царя¹. Это можно рассматривать как свидетельство постепенного перехода к наследственной царской власти. Но во всех случаях намеченный в преемники трона царский DUMU должен быть обязательно признан в качестве такового народным собранием, а это может свидетельствовать о том, что царское достоинство в определенном смысле еще продолжало сохранять выборный характер.

Следовательно, для времени Хаттусилиса I еще нельзя говорить ни о господстве наследственного принципа, ни о существовании чисто выборной царской власти. Кандидатуру нового царя в это время определяли комбинированным образом на основе сочетания наследственного и выборного начал. Правда, о выборном характере царского достоинства во время Хаттусилиса I можно говорить лишь в узком смысле: ведь народное собрание избирает царя из весьма ограниченного круга лиц, представляющего собой, как мы увидим ниже, совокупность патрилинейных и матрилинейных наследников предыдущего царя.

¹ Ср.: Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1965, стр. 108: «При замещении освободившихся должностей стали мало-помалу отдавать предпочтение ближайшему сородичу — брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность базилевса обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не служит доказательством законного наследования помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии».

Таким образом, если во времена Телепинуса царское достоинство уже передавалось исключительно по наследственному праву, когда очередного преемника трона определяли только руководствуясь законом о престолонаследии, без всякого вмешательства со стороны народного собрания, то для более раннего времени, годам правления Хаттусилиса I, характерны более архаичные правила воспроизводства царской власти. Здесь любая кандидатура на царский трон, несмотря на свою неперемennую принадлежность к кругу законных наследников предыдущего царя, должна быть в обязательном порядке признана (или не признана) народным собранием. Говоря другими словами, в начальный период Древнего царства народное собрание сохраняло за собой право признать или отвергнуть того или другого из царских наследников. Однако очень скоро народное собрание утратило это право, и царская власть стала передаваться исключительно по наследственному принципу. Ведь последним хеттским царем, вступившим на престол после признания народного собрания, был ближайший преемник Хаттусилиса I — Мурсилис I. Все последующие цари вступали в царское достоинство без вмешательства народного собрания путем узурпации, обосновывая ее исключительно своими наследственными правами. Именно поэтому в историческом введении к закону Телепинуса при упоминании каждого из этих царей в обязательном порядке даются и краткие генеалогические справки как подтверждение законности пребывания того или иного царя на троне. А имена Лабарнаса I, Хаттусилиса I и Мурсилиса I названы здесь без каких-либо генеалогических справок, хотя из других источников известно, что они состояли между собой в близком родстве. Этим самым, возможно, официально признавалось, что своим воцаре-

нием они обязаны в первую очередь не своим родственным связям, а факту признания их законными преемниками трона народным собранием.

Хеттские документальные тексты древней эпохи содержат исключительной важности материал, позволяющий довольно подробно проследить постепенный переход от чисто выборной власти верховного военачальника эпохи военной демократии к наследственной царской власти в полном смысле этого слова.

Переход к наследственной царской власти юридически закрепляется законом о престолонаследии Телепинуса, по которому вновь возрождаемое народное собрание призывалось обеспечить неукоснительное исполнение закона о престолонаследии, т. е. народное собрание стало теперь в подчиненное положение к «наследственному предводительству, или монархии».

Кроме того, древнехеттские документы содержат уникальный материал о реальных пределах наследственной царской власти в заключительный период этой эпохи. Особенно важны данные об особенностях наследственного права, действовавшего в пределах царского рода. Как мы увидим ниже, закон о престолонаследии в том виде, в котором он сформулирован в документе Телепинуса, сильно ограничивал личную царскую власть и ставил ее в зависимость от родовой аристократии.

Характер преемственности царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства

Неоднократно отмечалось, что древнехеттские тексты сообщают о многих архаичных чертах общественной жизни. Однако они были свойственны только сравнительно непродолжительному начальному периоду в истории хеттского общества. Многочисленные источники Новохеттского царства свидетельствуют о существенных сдвигах в социальной жизни общества, что повлекло за собой качественное изменение государственного устройства. К этому времени значительно усилилась царская власть и приобрела ярко выраженный деспотический характер, мало отличный от неограниченной власти правителей других крупных восточных государств второго тысячелетия до н. э. Место отживших совета и народного собрания заняла непосредственно подчиненная царю-деспоту администрация.

Данные ряда древнехеттских текстов законодательного порядка позволяют восстановить некоторые важные обстоятельства, в которых протекало постепенное усиление царской власти и изменялось первоначальное существо власти. Определенную часть этих данных мы рассмотрели в предыдущей главе, где предпринята попытка определить влияние народного собрания на преемственность царского достоинства. Со временем порядок передачи царского достоинства значительно выходит из-

под сферы влияния народного собрания, которое вынуждено было примириться с наследственным характером царской власти. Это важный успех последней. Однако после этого царь не превратился еще в полновластного властелина в хеттском обществе. Закон о престолонаследии Телепинуса, принятый, как утверждают многие исследователи, в народном собрании, называет случай, когда самого царя за нарушение им одного из постановлений закона могли осудить и жестоко наказать. Об этом свидетельствуют следующие строки (ЗТ, § 31, II, 50—52):

«(50)... ku-ĩs ŠEŠ^{MES}-na SAL+KU^{MES}-na ĩs-tar-na i-da-a-lu
 ĩ-ja-zi nu LUGAL-wa-aš (51) ĩar-aš-ša-na-za šu-wa-a-i-e
 ĩz-zi nu tu-li-ja-an ĩal-zi-ĩs-tin ma-a-na-pa ut-tar-še-it
 pa-iz-zi (52) nu SAG.DU-na-az šar-ni-ik-du» — «...Кто
 (из царей) причинит зло то ли своим братьям, то
 ли своим сестрам, тот (лично) отвечает своей царской
 головой! Созовите собрание (тулияс) и когда затем его
 дело пойдет, то пусть лично отвечает!» Здесь преду-
 смотрена возможность враждебного отношения царя к
 своим братьям и сестрам. Несколькими строками выше
 (ЗТ, § 30, II, 46—49) говорится, что в недавнем прошлом
 именно кровавые столкновения между братьями и се-
 страми нарушали стабильное положение в пределах цар-
 ского рода и мешали нормальному ходу преемственности
 царского достоинства. Это дает основание полагать, что
 в царском роде в это время существовали своеобразные
 взаимоотношения между близкими родственниками. Без
 выяснения их особенностей нельзя установить и харак-
 тер преемственности престола с переходом к наследствен-
 ной царской власти.

В числе текстов богазкейского архива имеются документы, содержащие обильный материал об отношениях между родственниками царей на протяжении всей хеттской истории. Для изучения этого вопроса привлекались преимущественно документы Нового царства (XIV — XII вв. до н. э.)¹. В частности, с этой целью рассматривались договоры хеттских царей с зависимыми государствами² и предписания для высших должностных лиц³. Эти группы текстов определяли, во-первых, круг законных наследников царя, которым главы зависимых государств и должностные лица обязаны были подчиняться и оказывать всяческое доверие; кроме того, здесь перечислены и царские родичи, не имевшие законных прав на наследование власти, которым при попытках узурпировать власть предписывалось оказывать противодействие. Законное право на престол имели только прямые потомки царя по отцовской линии: его сыновья, внуки, правнуки. К числу лишенных этого права относились сыновья царя от наложниц, братья царя как единоутробные, так и рожденные другими женами отца царя, дядья царя и их потомство, потомки других хеттских царей, правивших ранее отца царя⁴.

В совокупности эти две группы родственников царя и представляли собой мужскую половину царского рода,

¹ См.: Götze. Über hethitische Königsfamilie, стр. 153—163; Goetze. Kleinasien², стр. 94—95.

² См.: Friedrich J. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache. I (MVAeG, 31, 1, 1926), II (MVAeG, 34, 1, 1930); Weidner E. Die Staatsverträge in akkadischer Sprache aus dem Archiv von Boghazköi. BoSt, 1923, VIII.

³ См.: Schuler E. Hethitische Dienstanweisungen für höhere Hof- und Staatsbeamte. Graz, 1957.

⁴ См., например, Schuler. Указанная работа, стр. 8, 9, 22, 23, 28.

в структуре которого четко прослеживается господство отцовского правового принципа.

Надписи Древнего царства (XVIII—XVI вв. до н. э.) с этой целью не исследовались, несмотря на то, что многие тексты этого времени посвящены вопросам престолонаследия и содержат частные упоминания о взаимоотношениях царей со своими потенциальными преемниками¹. Эти данные обычно интерпретировали в соответствии с тем, что было известно о более позднем времени². Несмотря на отсутствие специальных исследований, было принято считать, что царский род у хеттов с эпохи Древнего царства и на протяжении всей их последующей истории был исключительно отцовско-правовым и наследование царского достоинства происходило по прямой отцовской линии. Эта точка зрения разделялась большинством исследователей и обычно принималась на веру без каких-либо особых доказательств, как сама собой разумеющаяся³. Предварительное знакомство с древнехеттскими источниками не вызывает противоположного мнения к этой точке зрения. Чаще всего здесь упоминаются взаимоотношения царей со своими детьми, сыновьями и дочерьми, а законодательные документы (НАВ, ЗТ) называют законными наследниками сыновей.

¹ См.: 2BoTU, 8=KUB, 1, 15; 2BoTU, 103=KBo, 111, 27; 2BoTU, 23; KUB, XXXVI, 109.

² См.: Forrer. 2BoTU, стр. 3—29; Sommer. НАВ, стр. 212; Götze. Über die hethitische Königsfamilie, стр. 158.

³ См., например, Менабде. Наследственно-правовые отношения.; он же. О порядке наследования в Хеттском царстве. М., 1960 (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов); он же. О характере придворных смут.; он же. Хеттское общество. Тбилиси, 1965, стр. 196—217.

Дело усложняет и то обстоятельство, что еще неизвестно собственно хеттское чтение ряда терминов родства, так как они обычно передаются на письме шумерскими и аккадскими идеограммами, которые в хеттских контекстах обычно переводятся сообразно их значениям в этих языках. Поэтому большинство исследователей уверено в неизменности структуры царского рода и характера родственных взаимоотношений, характерных для этой семейной организации на протяжении всей хеттской истории. Это привело к широкому распространению практики восстановления пробелов, а также интерпретации некоторых трудно понимаемых мест в источниках Древнего царства с помощью данных более пространных и удобопонимаемых новохеттских текстов близкого содержания. В частности, такими методами пользовался А. Гётце в работе, посвященной царской семье у хеттов. Данные надписи Телепинуса он интерпретировал с помощью контекстов из новохеттских документов¹. Эта практика свойственна и работам Э. А. Менабде, где древнехеттский материал рассматривается вперемешку с позднихеттскими данными².

Все вышесказанное говорит о том, что для более верного установления специфики родственных взаимоотношений в царском роде времени перехода к наследственной царской власти следует пользоваться только источниками этой эпохи, предварительно критически пересмотрев все попытки их интерпретации с помощью новохеттского материала.

В первую очередь следует обратить внимание на закон о престолонаследии Телепинуса, где прямо говорится о на-

¹ См.: G ö t z e. Über die hethitische Königsfamilie, стр. 157—158.

² См.: М е н а б д е. Наследственно-правовые отношения., стр. 30.

следственным характере царской власти. Центральным местом законодательной части документа является § 29, где формулируется сам закон о престолонаследии: «(36) LUGAL-us-sá-an ha-an-te-iz-zi-ja-as-pát DUMU LUGAL DUMU ki-ik-ki-it-ta-ru tak-ku DUMU^{RU} LUGAL (37) ha-an-te-iz-zi-is̄ NU GÁL nu ku-is̄ ta-a-an pi-e-da-ās̄ DUMU^{RU} nu LUGAL-us̄ a-pa-a-as̄ (38) ki-sa-ru ma-a-an DUMU LUGAL-ma DUMU NITA NU GÁL nu ku-is̄ DUMU SAL ha-an-te-iz-zi-is̄ (39) nu-us̄ si-is̄ sa-an^{LÚ} an-ti-ja-an-ta-an¹ ap-pa-a-an-du nu LUGAL-us̄ a-pa-a-as̄ ki-sa-ru» — «Царем пусть становится именно первый царский сын (hantezzijas DUMU LUGAL). Если первого сына нет, то царем пусть становится тот, кто второго места сын (tan pedas̄ DUMU^{RU}). Если же у царя сыновей нет, то той, которая первая дочь (hantezzis DUMU SAL), пусть возьмут мужа (LÚ antijantan), и этот царем пусть будет». Итак, в порядке очередности провозглашены законными наследниками трона: 1) «первый царский сын», 2) «второго места сын» и 3) муж «первой царской дочери», т. е. зять предыдущего царя.

Первоначально, в самый ранний период исследования хеттских текстов, этот параграф был переведен и интерпретирован Б. Грозным². Он полагал, что упоминаемые в законе «первый царский сын» и «второго места сын» были соответственно старшим и младшим сыновьями

¹ LÚ antijant- (от anda ijan-) — дословно: «внутрь входящий».

² H r o z n y F. Eine Inschrift des Königs Telebinus — der älteste hethitische Text. BoSt, 11, стр. 90—129.

предыдущего царя¹. Впоследствии § 28 ЗТ интерпретировал А. Гётце², при этом широко пользуясь материалом новохеттских документов, где законными царскими преемниками признавались только сыновья и внуки царя, рожденные законной царицей (*šakuwašsar* SAL LUGAL). Кроме полноправной царицы, как свидетельствуют привлекаемые А. Гётце тексты, у хеттского царя имелись и две категории неполноправных жен, называемых по-аккадски *esertu* и *naptartu*. Их дети исключались из числа законных преемников хеттского престола. Правда, А. Гётце пытается настойчиво доказать, что вторая категория царских жен, *esertu*, по своему положению стояла близко к законной царице и что в некоторых случаях их сыновья могли стать царями. В подтверждение он приводит случай, имевший место в последнее столетие существования хеттского государства, когда после смерти Муватталиса на престол вступил Урхи-Тешуб, сын *esertu*³. Пользуясь этим единичным и не совсем убедительным примером, добытым из источников по меньшей мере на 200 лет более поздних, чем надпись Телепинуса, А. Гётце предложил считать «первого царского сына» и «второго места сына» царскими сыновьями соответственно от царицы и жены низшего ранга. Следовательно, А. Гётце, не допуская своеобразия преемственности царского достоинства в начальный период хеттской государственности, считал § 28 ЗТ неизменно действовавшим на протяжении всей последующей хеттской истории.

¹ См.: Hrozný F. Eine Inschrift des Königs Telebinus — der älteste hethitische Text. BoSt, II, стр. 116—117.

² См.: Götze. Über hethitische Königsfamilie, стр. 158.

³ См.: Goetze A. Neue Bruchstücke zum grossen Text des Hattusilis. Leipzig, 1930, стр. 22; он же. Über die hethitische Königsfamilie, стр. 57.

Как уже отмечено выше, такое понимание смысла этого закона разделяется большинством специалистов, в том числе и советскими хеттологами¹. Сторонники этой точки зрения упускают из вида очень важное обстоятельство. Если, по их мнению, § 28 ЗТ действовал в последние века истории хеттов и «сын второго места» — это сын царицы второго ранга, то почему новохеттские государственные договоры и инструкции для высших должностных лиц не считают последних законными царскими преемниками и призывают всячески препятствовать их воцарению? Этим ЗТ существенно отличается от новохеттских документов о престолонаследии.

Правда, это разделяемое большинством исследователей мнение было подвергнуто сомнению в подстрочном комментарии к русскому переводу ЗТ, осуществленному И. М. Дунаевской: «Нет причин переводить, как это обычно делается, «сын первого ранга», «сын второго ранга» (т. е. от наложницы). С нашей точки зрения, речь идет о первом и втором сыне по старшинству; было бы странным, если бы закон о престолонаследии, имевший целью дать борьбу междоусобицам в царском доме, не давал указания на порядок старшинства, по которому престол могут занимать законные сыновья царя»². Таким образом, И. М. Дунаевская сочла целесообразным возродить интерпретацию § 28, в свое время предложенную Б. Грозным.

Однако до сих пор никто из хеттологов не привлекал для исследования смысла § 28 данные самой надписи

¹ Струве. В кн. Всемирная история, т. I, стр. 372; Менабде. Наследственно-правовые отношения..., стр. 44; он же. Хеттское общество, стр. 205; Иванов. В. В. Очерк истории и культуры хеттов. В кн. Керам К. В. Узкое ущелье и черная гора. М., ИВЛ, 1962, стр. 196.

² ЗВАХ, II, стр. 257, прим. 8; см. также стр. 292.

Телепинуса и ряд свидетельств других текстов Древнего царства, на базе которых возможно более глубокое понимание этого закона.

Важно отметить, что документ Телепинуса, в противоположность мнению А. Гётце, прямо упоминает о том, что в это время у царя имелась одна супруга¹. Так, § 31, где говорится о личной ответственности царя за причинение им зла членам царского рода, в то же время призывает: «(54) É-ri-ĩš-ši A.NA DAM-ŠU DUMU^{MEŠ}-ŠU i-da-a-lu li-e tak-ki-ĩš-sa-an-zi...» — «(а) его (т. е. царскому. — Г. Д.) дому, его жене (!), его сыновьям зла не должны причинять!» В другом месте текста, правда, сильно разрушенном (§ 44, 76), сохранились слова, по всей вероятности, обращенные к одному из будущих хеттских царей: «па-ап па-аš-su A NA DAM-KA па-аš-ma» — «и это (его?) ни твоей жене, ни...»

Если в рассматриваемое время у царя была только одна супруга, дети которой могли претендовать на престол, то это не следует считать свидетельством правоты второго мнения, признающего первые две категории наследников младшими и старшими царскими сыновьями от законной царицы, так как этому противоречит сам текст закона. Вернемся к строкам 37—39 § 28 ЗТ: «Если первого сына нет, то царем пусть становится тот, кто второго места сын. Если же у царя сыновей нет, то той, которая первая дочь, пусть возьмут мужа, и этот царем пусть будет». Согласимся на время с тем, что здесь имеются в виду старший и младший единокровные братья и

¹ Это не исключает возможности, что у царя и в это время кроме полноправной царицы могли быть и неполноправные жены, которые не упоминаются в ЗТ очевидно потому, что их дети не признавались потенциальными наследниками трона.

что «сын второго места» может вступить на престол в случае, например, смерти своего старшего брата. Это предположение будет выглядеть неправдоподобным в следующем вполне реальном случае. Допустим, что у царицы не два, а три сына. Неужели в случае смерти двух первых третий сын лишится права наследования трона в пользу мужа своей сестры?

Кроме этого, как свидетельствуют поздние источники, даже два столетия спустя не стало правилом назначать наследником старшего из царских сыновей: царь был вправе остановить свой выбор на любом из своих сыновей. Об этом прямо говорят многие тексты. Так, в государственном договоре с Хуккунасом, правителем Хайясы, хеттский царь Суппилиумас I подчеркивает: «(8) nu-za zi-ik ^mhu-uk-ka-na-a-ās ^dUTU^{š/}-pit AS.SU.UM BE.LU.TIM ša-a-ak (9) DUMU-IA-ja ku-in ^dUTU^{š/} te-mi ku-u-un-wa-za hu-u-ma-an-za ša-a-ak-du (10) na-an-kan iš-tar-na te-ik-ku-ūs-ša-mi nu-za zi-ik ^mhu-uk-ka-na-a-ās (11) a-pu-u-un sa-a-a[k] ...»¹ — «Теперь ты, Хуккунас, своим господином признавай только Солнце (т. е. хеттского царя. — Г. Д.) и моего сына, о котором я скажу: «Этого должен каждый признать!» и которого я отмечу среди (других), ты, Хуккунас, только этого признавай!..» Далее Хаттусилис III в своей автобиографии говорит, что у его отца Мурсилиса II кроме него было еще два старших сына, Хальпасулюпис и Муватталис. Примечательно, что преемником

¹ Friedrich J. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache. Leipzig, 1930, стр. 106. Cp.: KUB, XXXVI, 109, 5—6; Weidner E. Politische Dokumente aus Kleinastien. Berlin, 1924, стр. 88—89.

трона стал не старший сын, Хальпасулюпис, а средний — Муватталис¹. Число подобных примеров можно было бы значительно продолжить. А. Гётце, в свое время заметив это обстоятельство, утверждал, что право царя назначать наследником любого из своих сыновей, не обращая внимания на первородство, обычное явление для всего малоазиатского мира².

Таким образом, полное отсутствие в многочисленных документах, касающихся вопросов престолонаследия, свидетельств о подразделении царских сыновей на старших и младших вполне закономерно для новохеттского царства. Следовательно, в рассматриваемый нами более ранний период истории хеттов тем более не могло существовать предпосылок для такого подразделения царских сыновей.

Это свидетельствует о том, что «первый царский сын» и «второго места сын» (§ 28 закона Телепинуса) не могут быть родными братьями, рожденными главной царницей. Но, как мы видели несколько выше, текст Телепинуса упоминает только об одной царской жене.

Из вышесказанного ни одно из мнений о содержании закона о престолонаследии не может быть признано удовлетворительным. Несомненным можно считать только то, что всякая попытка по-новому объяснить смысл § 28 должна осуществляться на основе более тщательного анализа данных исключительно древнехеттских докумен-

¹ См.: Götze A. Hattusilis. Leipzig, 1925, стр. 6—7.

² Он же. Über die hethitische Königsfamilie, стр. 154. Здесь А. Гётце несколько сгустил краски, распространяя этот обычай на всю Малую Азию, народы которой находились на разных ступенях общественного развития. См. работу того же А. Гётце, Kleinasien², стр. 102, где приводится материал о народах II тысячелетия до н. э., у которых не было царской власти и управлявшихся советами старейшин и народными собраниями.

тальных текстов, посвященных вопросам престолонаследия и родственным взаимоотношениям в царском роде.

В первую очередь необходимо внимательно отнестись к тем текстам, где часто употребляется идеограмма DUMU — «сын». Ведь вполне возможно, что в древнехеттских текстах эта идеограмма скрывает за собой более широкое понятие, чем «сын» в обычном понимании. И не исключено, что правильная интерпретация § 28 ЗТ может быть достигнута после более или менее точного определения специфики употребления этой идеограммы в хеттских документах Древнего царства.

Определенную пользу может принести анализ некоторых мест билингвы. Речь идет о строках § 1, 3—4, I — II, сохранившихся в аккадском и частично в хеттском текстах документа: (аккадский) «... LUGAL-ru (4) [al]-sí-su-ma DUMU-am ar-du-up ú-sih-su» = (хеттский) ... (4) «... DUMU-la-ma-an hal-zi-ih-hu-un ..» Ф. Зоммер и А. Фалькенштейн, переводчики и авторы комментария к билингве, предложили следующий перевод этих строк: «...И я, царь, его моим сыном назвал, его обнял (?) и возвысил (?)!»¹ Здесь речь идет о сыне сестры Хаттусилиса I по имени Лабарнас, который первоначально был провозглашен наследником престола. Ф. Зоммер и А. Фалькенштейн не предвидели возможности, что идеограмма DUMU может иметь какое-нибудь иное значение, чем просто «сын». Они полагали, что речь идет об усыновлении царем своего племянника по материнской линии, так как, по их мнению, только после этого племянник может быть законным наследником своего дяди, брата своей матери. Однако контекст этих строк, особенно хорошо сохранившийся его аккадский вариант,

¹ Sommer. HAB, стр. 3—4 и, особенно, стр. 33—35.

не допускает такого перевода. Здесь, очевидно, невозможен иной перевод, кроме как: «... И я, царь, позвал его, сына (!), и обнял и возвысил его!..» Ф. Зоммер и А. Фалькенштейн также признавали, что аккадскую часть этого места билингвы нельзя переводить иначе¹. Однако существовавшее понимание смысла всего документа не давало оснований для такого перевода, и поэтому они отошли от точного грамматического перевода в угоду своей точке зрения. В качестве оправдания они ссылаются на то, что известные в настоящее время древнехеттские тексты, в том числе и НАВ, известны только в копиях позднего времени, и предложили считать, что позднейший переводчик с оригинального хеттского текста на аккадский допустил в данном месте неточность якобы из-за недопонимания смысла архаичного документа.

Следует отметить, что и сохранившуюся часть хеттского текста билингвы можно перевести только так: «Я моего сына позвал». Показательно, что рассмотрение А. Гётце большого числа хеттских контекстов, где встречается глагол *halzai-*, позволило определить, что его в основном можно переводить двояко: или «cry, shout» или «call»². В других, сравнительно редко встречающихся переводах этого глагола, нет значения, соответствующего переводу Ф. Зоммера и А. Фалькенштейна. К тому же в этом контексте дополнение DUMU-la-ma-an стоит в винительном, а не в творительном падеже, как это было бы необходимо для перевода по Ф. Зоммеру и А. Фалькенштейну.

¹ См.: Sommer. НАВ, стр. 33.

² См.: Goetze A. The Hittite Ritual of Tunlawi. New Hawen, 1938, стр. 31—41.

Переводчики отошли от подлинного текста документа и в другом случае. Речь идет о § 1, I—II, 2—4: «... (2) ... DUMU-am la-ba-ar-na (3) [a^q-bli-a-ak-ku-nu-si-im su-u li-it-ta-sa-ab-mi ...]» — «...И сына Лабарнаса здесь вам я назвал: «Пусть он (на трон) сядет!..» И здесь Ф. Зоммер и А. Фалькенштейн не могли примириться с тем, что за DUMU скрывается значение «племянник по материнской линии». Пользуясь тем, что эта идеограмма может употребляться в некоторых случаях и в значении «молодой, юный, мальчик», переводчики предложили: «...И молодого Лабарнаса здесь вам я назвал...»

Наконец, следует упомянуть об одном обстоятельстве, значительно изменившем традиционное представление о смысле НАВ и вскрывшем слабость точки зрения Ф. Зоммера и А. Фалькенштейна в рассматриваемом случае. В. В. Иванов установил, что билингва, кроме частного случая замены старого наследника Хаттусилиса I, сына его сестры, новым наследником, собственным сыном (вернее, усыновленным внуком)¹, также формулирует изменение самого порядка наследования царского достоинства, выраженное в НАВ, § 2, I—II, 9 в словах: «DUMU SAL + KU ma-am-ma-a-an ú-ul ú-ra-ab-ba» (хеттский)² — «na-ma-az DUMU SAL + KU^{TI}-SU» (аккадский) — «пусть впредь никто не возвеличивает (в качестве наследника, будущего царя. — дополнение В. В. Иванова) сына своей сестры». При этом В. В. Иванов отмечает, что данный запрет не имел бы смысла, если бы в предыдущее время сын сестры не признавался законным наследником. Следовательно, В. В. Иванов обратил внимание на прямое указание о существовании

¹ См.: Forrer. 2BoTU, стр. 4; Sommer. НАВ, стр. 67.

² Иванов. Социальная организация..., стр. 49, прим. 35.

в царском роде у хеттов в эпоху Хаттусилиса I, а может быть и во время, ему предшествовавшее, обычая наследования от дяди к племяннику по материнской линии, что соответствует нормам матрилинейной филiaeции. Этот факт отрицает утверждение Ф. Зоммера и А. Фалькенштейна о том, что в билингве, § 1, 3—4, I — II речь идет об усыновлении царского племянника по материнской линии. Но у Хаттусилиса I не было необходимости усыновлять возможного наследника трона, так как при матрилинейной преемственности последний им является уже потому, что он племянник царя по материнской линии. В итоге несомненным остается факт, что в начальных строках билингвы за идеограммой DUMU скрывается значение «племянник по материнской линии»¹.

Фрагмент 2BoTU, 10β = KBo, III, 27, относящийся к одному из несохранившихся полностью документов времени Хаттусилиса I, кратко рассказывает о всех главных событиях, известных из билингвы. И в этом тексте шумерская идеограмма DUMU — «сын» употреблена в значении «племянник по материнской линии».

Вполне возможно, что эта идеограмма в данной группе текстов могла употребляться как для обозначения родных детей, так и всех детей братьев и сестер, т. е. племянников по материнской и отцовской линиям. Правда, в известных в настоящее время древнехеттских текстах мы имеем свидетельства о том, что шумерское DUMU — «сын» применяется для обозначения родных

¹ Возражение Э. А. Менабде (Хеттское общество, стр. 205), что за DUMU не может скрываться значение «племянник по материнской линии», потому что в § 2, 9, I — II это значение обозначается DUMU SAL + KU, не следует принимать во внимание. Ведь в этом случае DUMU SAL + KU употреблено с целью показать, какая именно категория DUMU не может претендовать более на престол.

сыновей и племянников по материнской линии. Это необходимо учитывать и при рассмотрении закона Телепинуса. Существенное значение для интерпретации этого документа имеет и факт, открытый В. В. Ивановым. Но, к сожалению, он не получил должного отклика в специальной литературе, а некоторые хеттологи отнеслись к нему с недоверием¹. В определенной степени следует признать вполне закономерным это недоверие. Ведь для подтверждения существования обычая, отмеченного В. В. Ивановым, нужны убедительные факты. И следует отметить, что древнехеттские тексты содержат значительное количество таких свидетельств. Неожиданным оказалось, что такие источники, как билингва Хаттусилиса I, фрагмент 2BoTU, 10 § = KBo, III, 27 и закон Телепинуса (время правления Хаттусилиса I и целого ряда его преемников), содержат ряд еще никем не отмеченных данных о длительном существовании матрилинейного принципа наследования царской власти и о его упорном сопротивлении попыткам передавать престол по отцовской линии².

Рассмотрение данных закона Телепинуса следует производить с учетом фактов, обнаруженных в билингве Хаттусилиса I. Следует иметь в виду и то, что закон Телепинуса появился по меньшей мере на сто лет позднее билингвы. Вполне вероятно, что за этот срок в царском роде у хеттов могли произойти радикальные перемены, если считать, что уже Хаттусилис I предпринял попытку изменения существовавшего обычая наследования цар-

¹ См.: Менабде. Наследственно-правовые отношения..., стр. 44—45.

² См.: Довгяло Г. И. О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего царства. ВДИ, 1964, № 1, стр. 24—25.

ской власти по материнской линии, лишив права на престол племянника по материнской линии Лабарнаса и объявив наследником своего внука по отцовской линии Мурсила I. Однако, как свидетельствует историческое введение к закону Телепинуса, эта попытка имела только частичный успех, так как спустя некоторое время сторонникам наследования по материнской линии удалось умертвить Мурсила I. С этого момента в царском роде началась многолетняя борьба претендентов на царский престол, приостановить которую имело целью законодательство Телепинуса.

Принято считать, что в этот промежуток времени массовые убийства носили случайный характер и что им трудно найти какое-либо закономерное объяснение. Поэтому исследователи обычно уклоняются от попыток интерпретации той части документа, которая рассказывает о событиях, предшествовавших появлению закона Телепинуса.

Правда, сравнительно недавно данные исторического введения были специально рассмотрены с целью установления причин разгоревшихся междоусобиц в царском роде. Эту задачу стремится разрешить Э. А. Менабде в статье «О характере придворных смут в хеттском государстве (XVII — XVI вв. до н. э.)»¹, где внимание автора привлекли следующие строки ЗТ (§ 24, II, 16): «*ma-a-an-ša-an mte-li-pi-nu-us I.NA GIŠ GU.ZA A.BI-IA e-ēs-ha-at...*» — «Когда я, Телепинус, сел на трон моего отца...» Из других строк ЗТ (§ 22, II, 9—12) известно, что Телепинус воцарился после изгнания им предыдущего царя, брата его жены Хущияса. В тексте документа нет упоминаний

¹ См.: «Кавказско-Ближневосточный сборник», II, Тбилиси, 1962, стр. 33—44.

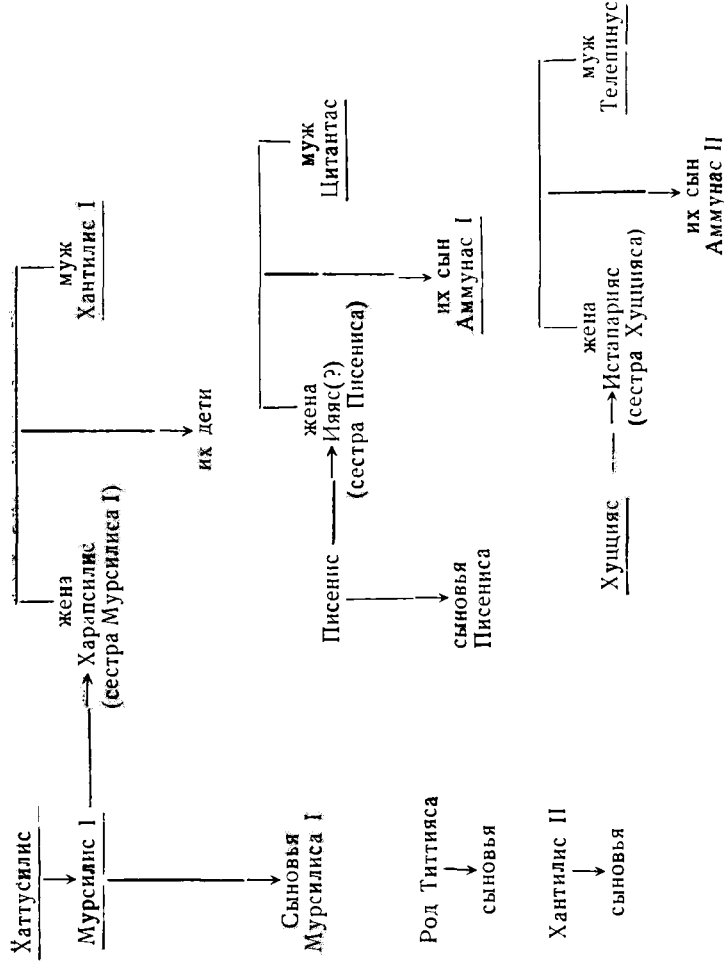
о том, чтобы отец Телепинуса когда-либо пребывал на престоле. К тому же, как отмечено Э. Форрером, аккадская идеограмма *A. BU* — «отец» в древнехеттской группе текстов должна переводиться не как «отец», а скорее как «предшественник»¹. Этого не учитывает Э. А. Менабде, предлагая идеограмму переводить как «предок по отцовской линии». По его мнению, Телепинус был потомком и законным преемником первого хеттского царя Лабарнаса. Слабость точки зрения Э. А. Менабде заключается в отсутствии прямых свидетельств в документальном материале. А в поисках косвенных подтверждений Э. А. Менабде не удалось избежать некоторых искаженных представлений о характере отношений между родственниками в царском роде в начальный период хеттской государственности.

Историческое введение к закону Телепинуса содержит интересный материал о весьма разнообразных проявлениях специфичных отношений в царском роде и, в частности, передает достаточно подробную картину борьбы между сторонниками матрилинейного и патрилинейного принципов наследования царского достоинства. При внимательном рассмотрении всех известных нам событий со времени от Хаттусилиса I до Телепинуса нельзя не заметить и определенной закономерности в этой борьбе, причем определение этой закономерности, возможно, сыграет значительную роль для достижения понимания всего закона в целом.

Сейчас приступим к непосредственному рассмотрению данных той части исторического введения, которая рассказывает о важнейших событиях внутренней хеттской истории после правления Хаттусилиса I (см. схему 1).

¹ Forrer. 2BoTU, стр. 7.

Схема 1

В соответствии с завещанием Хаттусилиса I, изложенном в НАВ, после него воцаряется его внук по отцовской линии Мурсилис. Как мы видели выше, вступление на престол именно Мурсилиса I следует рассматривать как практическое осуществление изменения существовавшего порядка наследования царского достоинства, предпринятого Хаттусилисом I.

Однако вскоре после этого внутри царского рода началась длительная кровавая борьба между претендентами на престол. Первой жертвой придворных убийц стал сам Мурсилис I¹. На престол вступил один из его убийц — Хантилис I. Из § 10 документа явствует: «... ^mha-an-ti-li-is-šla ^{LÚ}QA.ŠU.DU₈.A-aš e-eš-ta nu-za ^{SAL}ha-ḡla-aḡp-šil-li-in (32) ^{SAL+KU}^mMU.UṚ.SI.L/DAM-an-ni har-ta...» — «...а Хантилис был чашеносцем, а в женах он имел Харапсилис, сестру Мурсилиса...» Отсюда видно, что Хантилис — отец племянника по материнской линии Мурсилиса I, законного наследника последнего по старому обычаю наследования. Таким образом, Мурсилис I убит мужем своей сестры, и, очевидно, сестра Мурсилиса I была заинтересована в этом убийстве, так как оно в обход указа Хаттусилиса I делало наследниками Мурсилиса I ее сыновей, а не сыновей Мурсилиса I или других его родичей по отцовской линии. Ведь не случайно, что вместе с Мурсилисом I были убиты и его сыновья. В покушении на Мурсилиса I вместе с Хантилисом I принимал участие также некий Цитантас (ЗТ, § 11, I, 32—33): «... (32) ... nu ^mzi-dan-ta-aš A.NA ^mHA.AN.TI.L/ kat-ta-an (33) sa-ra-a ú-li-eš-ta nu HUL-lu ut-tar i-e-ir ^mmur-si-li-in ku-en-nir...» — «...И Цитантас сговорился (?)».

¹ ЗТ, § 11, I, 33—34.

с Хантилисом и они совершили злое дело и убили Мур-силиса...» Одна из копий ЗТ представляет § 11 в несколько более пространной редакции, чем основная копия (2BoTU, 23B = KUB, XI, I, 32—33). Ее обычно при переводах всего текста не учитывают¹. Но именно из этой копии мы узнаем, что Цитантас, который занимал, по всей вероятности, одну из придворных должностей, имел жену² дочь Хантилиса. Следовательно, Цитантас — зять Хантилиса. Дальнейший ход событий раскрывает ЗТ, § 18, I, 63—65: «... ma-a-an ^mha-an-ti-li-is - sa ^{LÜ}ŠU.GI [ki-ša-alt na-as DINGIR^L [^{IM}-is] ki-ik-ki-is-sü-ú-wa-an (64) da-a-is nu-kán ^mZi-dan-ta-[as ^mpi-se-ni-in] DUMU ^mHA. AN.TI.LI QA.DU DUMU^{MES}-ŠU (66) ku-en-ta ha-an-te iz-z[li-ús-sa] ÍR^{MES}-ŠU ku-en-ta ...» — «...Когда же Хантилис стал стариком и начал становиться богом (т. е. стал умирать. — Г. Д.), то Цитантас убил Писениса, сына Хантилиса, вместе с его сыновьями, а также убил его первейших слуг...» После этого Цитантас становится царем. Снова муж сестры убивает брата, а также его сыновей, законных наследников по отцовскому праву. Следует иметь в виду и то, что Писенис был племянником по материнской линии Мурсилиса I. В результате этого убийства мы имеем второй случай, когда зять является преемником своего тестя. Забегая несколько вперед, заметим, что некоторое время спустя мы еще раз столкнемся с аналогичным случаем. Кровавая резня

¹ См., например, Sturtevant E. and Bechtel G. A. *Hittite Chrestomathy*. Philadelphia, 1935, стр. 184 и сл.; ЗВАХ, II, стр. 255; Хрестоматия по истории древнего Востока, стр. 307.

² На основании царского списка 2BoTU, 24, II, 7 можно предполагать, что жена Цитантаса имела имя Ияяс(?).

продолжалась (3Т, § 19, I, 66—68): «(66) ^mzi-dan-ta-ās-
 šā LUGAL-lú-e-it na-pa DIINGIR^{MEŠ} [m]li-se-ni-ja-as¹ e-
 es-har šá-na-hi-ir (67) nu-ús-si [m]am-mu-na-an a-pi-e-ell
 ha-ās-sa-an-da-an DIINGIR^{MEŠ} LÚ KUR-ŠU i-e-ir (68) nu-kán
^mzi-dan-ta-an at-ta-as-sa-an ku-en-ta ... » — «И Цитантас
 воцарился. Но боги пожелали взыскать кровь Писениса
 и ему Аммунаса, собственного сына, его врагом сделали.
 И тот своего отца убил...» Следовательно, сын убивает
 своего царствующего отца и сам царствует. Как извест-
 но, Аммунас был племянником по материнской линии
 убитого его отцом Писениса. Очевидно, на убийство отца
 он пошел не только мстя за смерть своего дяди, но и из-
 за опасения, что его отцу может наследовать не он, а муж
 его сестры (зять Цитантаса), как это имело место при
 воцарении Хантилиса I и Цитантаса. Вполне возможно,
 что преемником Цитантаса мог стать и его племянник по
 материнской линии.

Аммунас, как видно из § 21, находился на престоле
 всю жизнь и умер естественной смертью. Но в момент
 его кончины, когда встал вопрос о наследовании пре-
 стола, вновь обострилась кровавая распря. Главный ме-
 шеди Цурус тайно послал сначала своего родича Тахар-
 ваилиса, который умертвил сыновей и родичей Титияса,
 а затем — гонца Тарухсаса, расправившегося в свою
 очередь с Хантилисом II и его сыновьями. К сожалению,
 документ не упоминает о родственных отношениях всех

¹ А. Гётце предлагает читать это имя Kās̄senis̄, мотивируя
 тем, что обычно в хеттских текстах знак bi/pi' перед слогом, начи-
 нающимся на -s-, читается kās-. См: Goetze A. On Chronology
 of Second Millennium B. C. JCS, vol. 11, 1957, стр. 56.

этих лиц к предыдущим или последующим хеттским царям. Отсутствуют и данные о родственных связях воцарившегося затем Хуццияса. Весьма любопытные данные о дальнейших событиях содержит ЗТ, § 22: «... (9) ... nu ^mhu-uz-zi-ja-aš LUGAL-ú-e-it ^mte-li-pi-nu-uš-sa-az (10) ^{SAL}is-ta-pa-ri-ja-an ha-an-te-iz-zi-ja-an SAL + KU-ZU har-ta (11) ma-a-nu-uš-kán ^mhu-uz-zi-ja-aš ku-en-ta nu ut-tar is-du-wa-a-ti (12) nu-uš ^mte-li-pi-nu-uš ar-ha par-ah-ta ...» — «...И Хуццияс царствовал. А Телепинус имел (женой) Истапарияс, его первую сестру. Хуццияс убил бы их, но дело стало известным, и Телепинус их¹ изгнал...» Следовательно, царь, опасаясь возможной узурпации со стороны мужа своей сестры Телепинуса, как это имело место в прошлом при воцарении Хантилиса I и Цитантаса, стремится опередить ход возможных событий и пытается сам убить свою сестру и ее мужа. Однако намерение Хуццияса становится известным, и Телепинус, автор данной надписи, лишает брата своей жены престола, изгоняет его и сам становится царем. Таким образом, вновь муж сестры царя в борьбе с царем одерживает верх и получает право на наследование престола. Но уже после этого при неизвестных обстоятельствах были убиты его жена Истапарияс вместе с сыном Аммунасом II, а также дядя последнего с материнской стороны, т. е. Хуццияс и его братья. Эти последние события послужили непосредственным поводом к изданию ЗТ.

Во всех вышеперечисленных случаях по контексту можно отличить, где речь идет о сыновьях, а где о пле-

¹ Здесь идет речь о Хуцциясе и его пяти братьях, см. ЗТ, § 23, II, 5—6.

мянниках по материнской линии, так как здесь племянники обычно противопоставляются сыновьям, и во всех случаях, когда убивают сыновей, племянники, как правило, остаются в живых.

Таким образом, на протяжении всего этого времени прослеживается борьба между сторонниками наследования царского достоинства по материнской линии, с одной стороны, и претендентами на престол по отцовской линии — с другой. При этом царями становились сторонники матрилинейной преемственности, но, как правило, после того как им удавалось расправиться с сыновьями предыдущих царей. Правящие цари во всех случаях, известных по ЗТ, приходили к власти, следуя материнско-правовому принципу преемственности. Однако наследниками трона они назначали только своих патрилинейных преемников. Поэтому очередные претенденты на престол из числа наследников по материнской линии воцарялись лишь после умерщвления сыновей предыдущих царей. Предпочтительным наследником трона был теперь не племянник предыдущего царя, а отец племянника, зять царя. Из четырех случаев в трех царями стали зятья предыдущих царей и только в одном — племянник. Но для этого племяннику пришлось убить своего отца, который сам был зятем предыдущего царя. Однако в каждом из трех случаев зять, как правило, умерщвлял или изгонял своего шурина, т. е. сына предыдущего царя. Это могло иметь место только в условиях, когда убийства царей и их сыновей оставались безнаказанными. В итоге мы можем констатировать, что фактически наследование престола по материнской линии документально засвидетельствовано вплоть до царствования Телепинуса.

А Гётце, объясняя междоусобицы в царском роде до вступления на престол Телепинуса исключительно от-

существованием определенного порядка при наследовании царского титула, полагает, что только законодательство Телепинуса, вводя наследственность царской власти, ликвидировало причину распрей между царскими родственниками¹. Но как мы видели выше, причиной кровавых столкновений было не отсутствие самого порядка наследования власти, а скорее наоборот, борьба двух порядков наследования — матрилинейного и патрилинейного. И эта борьба имела глубокое социальное значение, представляя собой одну из форм противодействия родовой знати усиливающейся личной царской власти. Всячески препятствуя дальнейшему упрочению самодержавной царской власти, родовая знать пыталась сохранить обычай наследования царского достоинства по материнской линии, так как при этом выбор наследника является не единоличным делом царя, а скорее компетенцией всего царского рода. Отсюда становятся понятными попытки ряда царей упрочить наследование по отцовско-правовым нормам, но как правило, эти попытки постоянно нарушались узурпаторами, вступавшими на престол по материнской линии.

«Смутное время», продолжавшееся около столетия, заканчивается законодательной деятельностью Телепинуса. Вполне понятно, что своим законом Телепинус выразил определенное отношение к основным событиям этого напряженного отрезка хеттской истории. Бесспорно и то, что объективная интерпретация основных законоположений Телепинуса должна исходить из правильной оценки основных событий в царском роде, имевших место накануне появления этого закона. Поэтому следует проследить, в какой мере закон о престолонаследии,

¹ См.: Goetze. *Kleinasiens*², стр. 86.

изложенный в § 28 3Т, соответствует практике наследования царского достоинства в предыдущее время.

Напомним, что для правильной интерпретации закона следует верно определить родственное отношение к царю названных трех категорий наследников престола, а именно: «первого царского сына», «второго места сына» и мужа «первой царской дочери».

Несколько ранее мы имели возможность убедиться в том, что «первый царский сын» и «второго места сын» не являются старшим и младшим сыновьями царя от главной царицы, ни царскими сыновьями от главной царицы и жены царя низшего ранга.

До настоящего времени мы еще не останавливались на том из царских наследников, который назван в этом законе на самом последнем месте. Им является муж «первой царской дочери». Он может стать царем лишь при отсутствии наследников первых двух категорий, т. е. после «первого царского сына» и «второго места сына». Следует отметить, что в этом случае идет речь не об обычном муже, а о зяте особого положения. Это так называемый *antijantas*, зять, не имеющий своего домашнего хозяйства и проживающий в доме своего тестя. Кроме 3Т, эту вариацию зятя упоминает, правда в неясном контексте, § 36 хеттских законов¹.

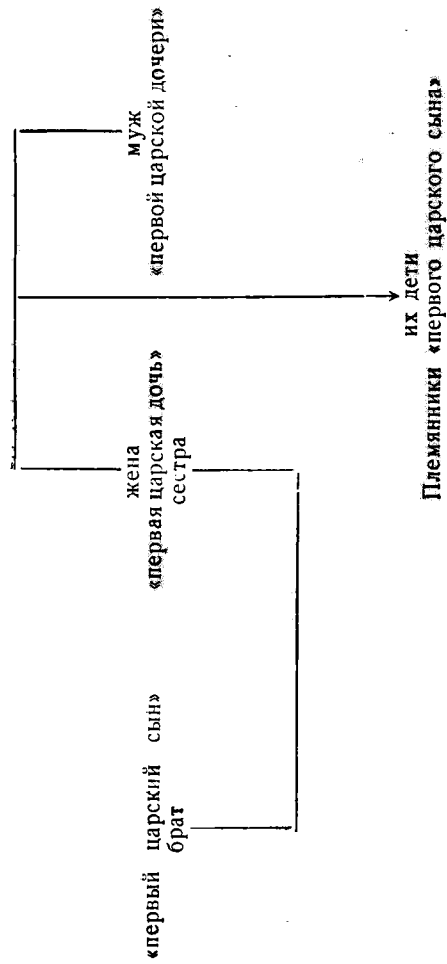
Интерпретацию § 28 следует начать с учета тех данных, которые дает текст этого параграфа. Опираясь только на его контекст, мы можем утверждать, что все три категории наследников принадлежат к одному поколению и что из всех названных здесь царских «детей» только «первая царская дочь» и «первый царский сын» вероятнее всего могут быть родными сестрой и братом.

¹ См.: Friedrich. HW, стр. 23; ЗВАХ, II, стр. 263; Менабде. Хеттское общество, стр. 204 и прим. 37.

Теперь представим себе такое положение, что царь имеет наследников только первой и третьей категорий. В таком случае, исходя только из содержания § 28 ЗТ (см. схеме 2), мы знаем, что наследник третьего ранга является мужем сестры наследника первой категории, который в свою очередь будет дядей по материнской линии детей наследника третьей категории. Если же теперь мы сопоставим схему 1, которая констатирует реальную преемственность царского достоинства со времени от Хаттусилиса I до Телепинуса, со схемой 2, составленной на основании содержания § 28 ЗТ, то заметим, что схема 2 кажется как бы трижды повторенной в схеме 1. В первом случае в Мурсилисе I мы узнаем «первого царского сына», в Харапсилисе и Хантилисе I — соответственно, «первую царскую дочь» и ее мужа, а в Писенисе — племянника по материнской линии «первого царского сына» (в данном случае Мурсилиса I). С другой стороны, по отношению к Хантилису I Писенис является «первым царским сыном», сестра последнего и Цитантас — соответственно, «первой царской дочерью» и ее мужем, а Аммунас — племянником по материнской линии «первого царского сына» (т. е. Писениса); с одной стороны, и «первым царским сыном» по отношению к Цитантасу — с другой. И, наконец, в последнем случае «первым царским сыном» будет Хуццияс, а Истапарияс и Телепинус, соответственно, — «первой царской дочерью» и ее мужем.

Подробно зная о родственных взаимоотношениях между членами царского рода, участвовавшими в борьбе за царское достоинство в «смутное время» (которые названы в схеме 1), можно попытаться определить родственное отношение к царю первой и третьей категорий его законных наследников. Отсюда следует, что «первый

Схема 2

царский сын» и «первая царская дочь» являются родными детьми правящего царя. Это согласуется с тем, что до воцарения Телепинуса все вступавшие на престол, как правило, убивали родных царских сыновей. Следовательно, уже тогда они рассматривались в качестве наследников самого высокого ранга, т. е. точно так, как представляет нам и § 28 ЗТ.

Несколько необычным может показаться на первый взгляд место, отведенное законом зятю, мужу родной царской дочери. Ведь в предыдущее время зятя чаще всех прочих претендентов на престол становились царями, а § 28 ЗТ предусматривает, что зять может воцариться в самом крайнем случае. Здесь необходимо прежде всего учесть, что раньше зятя получали царское достоинство лишь насильственным путем, убивая царских сыновей и оттесняя на второй план царских племянников по материнской линии. Но, наряду с определением порядка наследования трона, закон Телепинуса специально оговаривает, что впредь за убийство царских родичей виновные будут нести личную ответственность и подлежат обязательному суду народного собрания.

До сих пор мы не смогли найти идентификацию только для первого и третьего из царских наследников. Но кем является так называемый «второго места сын» и как в свою очередь определить его родственные отношения с царем и другими категориями его наследников? Пока мы можем утверждать только то, что все три категории царских наследников принадлежат к одному поколению и что «первый царский сын» и «второго места сын» не являются родными братьями. Важно и то, что закон Телепинуса не лишает законных прав на престолонаследие ни одну из тех категорий лиц, которые претендовали на престол в предшествующее время. Более того,

как мы могли убедиться на примере с родными царскими сыновьями и зятьями, этот закон даже сохраняет ту последовательность, в которой различного рода претенденты на царское достоинство сменяли друг друга в «смутный период» хеттской истории. Поэтому при анализе данных, обобщенных в схеме 1, мы должны искать «второго места сына» среди наследников, вступавших на престол после родных сыновей царя, но прежде, чем царские зятья (см. схему 1). Известно, что Мурсилиса I и его сыновей убили сообща Хантилиса I, муж сестры Мурсилиса I, и Цитантас, зять Хантилиса I. Сразу же после этого воцаряется Хантилис I; если учесть, что впоследствии и сам Цитантас вступит на престол, то, очевидно, посредством этого убийства он приблизился к своей цели. Ведь по существующим у хеттов в то время обычаям, будучи зятем Хантилиса I, он мог стать царем только в том случае, если его тесть будет царствовать прежде. Его, естественно, в меньшей мере, чем Хантилиса I, интересовало умерщвление самого Мурсилиса I, так как тот был на одно поколение старше Цитантаса. Поэтому Цитантас, очевидно, был более заинтересован в смерти сыновей Мурсилиса I, которые принадлежали к тому же поколению, что и он сам. Но после смерти Хантилиса I Цитантас, прежде чем воцариться, убил и сына Хантилиса I, брата своей жены, который в это же время был и племянником по материнской линии Мурсилиса I. Таким образом, Цитантас стал царем только тогда, когда не было в живых, выражаясь словами § 28 ЗТ, «первых сыновей» Мурсилиса I и его племянника по материнской линии. В соответствии с этим законом, он, будучи зятем, пришел к власти только после смерти претендентов на престол первых двух рангов. И претендентом на престол второго ранга здесь является именно

царский племянник по материнской линии. Аналогичным образом Аммунас, будучи племянником по материнской линии убитого его отцом Писениса, воцарился только тогда, когда были убиты его двоюродные братья — сыновья Писениса, брата его матери. Следовательно, «второго места сыном» является царский племянник по материнской линии. Такой интерпретации второй категории царских наследников в полной мере соответствует и то обстоятельство, что в группе древнехеттских текстов, как мы видели выше, в определенных случаях за шумерской идеограммой DUMU — «сын» скрывается и значение «племянник по материнской линии»¹.

Таким образом, по закону о порядке престолонаследия, изложенном в § 28 ЗТ, царскими наследниками первой категории являются царские сыновья, наследниками второго ранга — племянники по материнской линии, наследниками третьего ранга — царские зятья, входящие в царский дом.

Следовательно, закон Телепинуса отражает стадию борьбы матрилинейного и патрилинейного принципов преемственности власти, когда наследники по отцовской линии и претенденты на престол по матрилинейному принципу сохраняют права на наследование царского достоинства.

Кроме закона о порядке престолонаследия, документ Телепинуса содержит еще и ряд важных законодательных положений, основной целью которых было предотвращение возможных поводов к нарушению закона о порядке престолонаследия и новых вспышек кровавой

¹ Обычай именовать брата матери отцом, а сына сестры — сыном засвидетельствован у ряда народов древности. См.: Винник в И. Н. Из архива Льюиса Генри Моргана. М.— Л., 1935, стр. 173.

резни за престол. Рассмотрим эти законоположения по порядку.

Нужно отметить, что один из центральных запретов этой части документа приведен непосредственно перед самим законом о порядке престолонаследия, изложенном в § 28. Этот запрет гласит (ЗТ, § 27, II, 34—35): «... (34) nu ^mte-li-pi-nu-uš ^{URU}ha-at-tu-si tu-li-ja-an ha-l-zi-ih-hu-un ki-it-pa-da-la-az ^{URU}ha-at-tu-si (35) ha-ās-sā-an-na-ās

DUMU-an i-da-lu li-e ku-is-ki i-ja-zi nu-uš-si-sa-an GÍR-an ta-ki-es-zi ...» — «...И я, Телепинус, в городе Хаттусе созвал собрание («тулияс»). Отныне в городе Хаттусе сыну рода (т. е. своему сородичу. — Г. Д.) пусть зла никто не причиняет и на него кинжал не обнажает!..»

Следовательно, здесь запрещается представителям царского рода убивать своих сородичей. Несколькими строками ниже пространно разъясняется, как следует поступать с возможными нарушителями этого постановления. Примечательно, что здесь перечислены и те лица, которые чаще других могут быть причастны к убийству членов царствующего дома. С другой стороны, в некоторых случаях здесь упомянуты и те из царских родственников, которые могут стать жертвами придворных убийц. При рассмотрении этой части документа Телепинуса внимание многих исследователей привлекал тот факт, что закон предусматривает случай, когда сам царь мог быть замешан в попытке убийства своих родственников. В конце § 29, II, 45 каждому из последующих хеттских царей законодатель рекомендует: «ha-ās-sā-an-na-ās-sā-

an-za-kán li-e ku-in-ki ku en-ti ^U.UL SĠ₁-in» — «Из своего рода никого не убивай, это нехорошо». В после-

дующих строках, § 30, II, 46—48, в более строгой форме предписывается: «(46) nam-ma ku-i-sa LUGAL-us
ki-sá-ri nu SEŠ-áš SAL + KU-áš i-da-a-lu šá-na-ah-zi (47)
šu-me-eš-sa pa-an-ku-us-si nu-us-si kar-si te-it-te-en ki-
i-wa e-ēs-ha-na-ās ut-tar (48) dup-pi-az a-ú ka-ru-ú-wa
e-ēs-har ^{URU} ha-at-tu-si ma-ak-ki-ēs-ta . . .» — «А впредь,
 кто станет царем, и попытается причинить зло брату или
 сестре, то вы будьте ему «панкусом», и ему четко и ясно
 скажите: «Ведь это кровавое дело! Смотри в табличку:
 ранее в городе Хаттусе крови становилось все больше...»
 Еще несколькими строками ниже определен порядок на-
 казания царя, виновного в причинении зла своим брать-
 ям и сестрам. Он подлежит суду и обязан искупить пре-
 ступление своей собственной головой. Здесь же оговари-
 вается, что казнь виновного царя не следует сравнивать
 с убийствами без суда и следствия, совершенными в свое
 время Цурусом, Танувасом, Тахарваилисом и Тарухса-
 сом. Показательно, что виновный царь несет только лич-
 ную ответственность, его жена и его сыновья не должны
 привлекаться к суду. Далее идет речь о наказании за
 аналогичное преступление лица, входящего в кате-
 горик DUMU ^{MEŠ} LUGAL. Или, говоря по-другому, это
 те лица, которые имеют право наследовать царское
 достоинство. Виновного из категории DUMU ^{MEŠ}
 LUGAL предписывается судить точно так, как и самого
 царя в случае причинения зла либо его братьям, либо его
 сестрам. В этой части документа определяется и порядок
 наказания преступников из числа царских служилых
 людей.

В этой части надписи рассмотрены вероятнее всего те преступления, которые непосредственно могли привести к нарушению законного порядка преемственности царского достоинства. Особенно четко это проступает в тех строках этой части документа, где рассматривается вопрос о возможных преступлениях лиц, обладающих царским достоинством или имеющих на него законное право, исключительно как личную провинность преступников, за которую ответственность несут только они сами. В этом случае провинность, к примеру, члена определенной категории царских наследников не приводила к умерщвлению всей категории, а следовательно, не нарушала законной преемственности престола. При рассмотрении этой части надписи Телепинуса историками обычно отмечалась слабость царской власти этого времени, проявляющаяся якобы в том, что в определенных случаях царь мог быть судим и даже приговорен к смерти. Это обстоятельство отмечали все исследователи, которых интересовал текст Телепинуса. Однако мало обращали внимания на те преступления, которые могли привести к столь печальному для виновного царя исходу. Как мы видели выше, строго наказывались проступки царствующей особы против своих братьев либо против своих сестер. Причины вражды, могущей возникнуть между царем и его сестрой, нетрудно установить, даже бегло ознакомившись с основными событиями «смутного времени». Кровавые столкновения между царем, с одной стороны, и царской сестрой и ее мужем — с другой, были типичны для всего «смутного времени». И, как мы видели выше, по закону о порядке престолонаследия, принятом во время Телепинуса, сестры продолжали относиться к числу лиц, по которым определяли законных наследников второй и третьей категорий. Следовательно, и после при-

нения ЗТ продолжала сохраняться опасность возобновления вражды между царем и его сестрой, если бы первый пожелал избавиться от части своих законных наследников.

Что же касается поводов к возможной вражде между царем и его братьями, опираясь только на данные текста Телепинуса, трудно установить. Несмотря на отсутствие прямых свидетельств источников этого времени, вполне возможно, что «второго места сыновьями» могли называться не только сыновья царских сестер, но и сыновья царских братьев.

Важно отметить, что сам запрет убивать своих близких родственников нельзя признавать нововведением времени Телепинуса. Скорее всего это был возврат к старым узаконениям, бытовавшим еще в правление Хаттусилиса I. Но об этом более подробно говорилось в первой главе.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что если сами цари могли быть нарушителями закона о порядке престолонаследия, значит этот закон не отвечал полностью интересам царской власти. Даже более того, этот закон в какой-то мере ограничивал царскую власть, если по нему царским достоинством могли обладать не только лица, входившие в семью царя, но и некоторые представители царского рода. Таким образом, ЗТ был компромиссным и, в определенной мере сохраняя родовой принцип наследования, ставил царскую власть в зависимость от родовой знати, составлявшей царский род.

Мысль о подчиненном характере царской власти в древнехеттское время не нова. Она была убедительно аргументирована исследованиями советских ориенталистов. В. В. Струве в своей статье «О «гуманности» хеттских законов» отмечает: «...господство знати ограничи-

валось не только властью над народом. Она поставила в зависимость от себя и самого царя...»¹ Это положение было развито и углублено в работах Н. М. Никольского, И. М. Дьяконова, В. В. Иванова. Подтверждение зависимого характера царской власти обычно находили в той части текста Телепинуса, где имеются сведения о государственном строе хеттского общества. Что же касается § 28 закона Телепинуса, то по интерпретациям, которые бытовали до последнего времени, ничто не говорило о подчиненном характере царской власти. Наоборот, утверждение о наследовании царского титула исключительно в семье царя свидетельствовало о независимом положении царской власти по крайней мере в вопросах престолонаследия. Но это не согласуется с другими свидетельствами надписи Телепинуса. Например, неоднократно отмечалось, что ЗТ принят в собрании, состоявшем преимущественно из представителей знати. Тогда оставалось непонятным, почему знать, столь существенно ограничив царскую власть в целом ряде вопросов, дала царю в условиях столь ожесточенной борьбы в кругу вероятных претендентов на престол по сути дела неограниченные права в вопросах престолонаследия? Следовательно, общепринятая интерпретация § 28 имеет ряд существенных недостатков и не соответствует целому ряду данных текста Телепинуса и некоторых других хеттских документов.

Предложенная в этой работе новая интерпретация закона о престолонаследии, основанная на более тщательном анализе данных текста Телепинуса, существенно отличается от предыдущих и вполне соответствует общей оценке законодательства Телепинуса, разделяемой советскими востоковедами. По новому толкованию и в вопро-

¹ ВДИ. 1947, № 4, стр. 18.

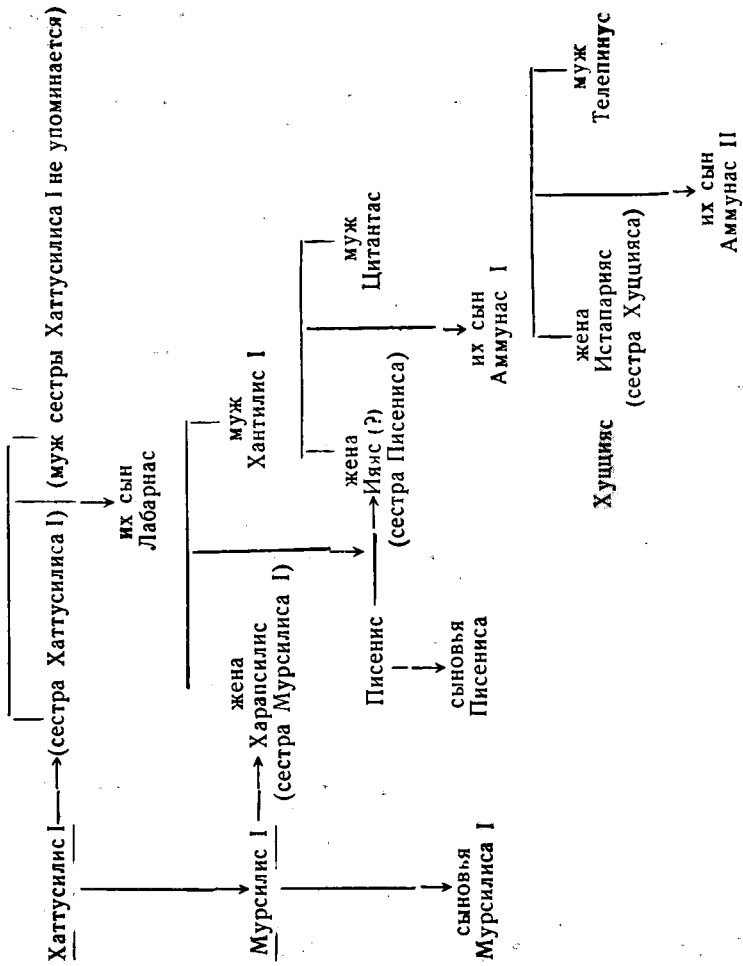
сах престолонаследия царская власть занимала такое же подчиненное положение, как и в других сферах внутригосударственной жизни. А тот факт, что закон о престолонаследии был фактически узаконением практики преемственности престола, сложившейся в непосредственно предшествующее время, вполне соответствует сложившемуся представлению о документе Телепинуса как консервативном законодательстве, провозглашавшем во многих случаях возврат к старым, ранее бытовавшим обычаям и законам¹.

Только что рассмотренный материал исторического введения и законодательной части надписи Телепинуса позволяет создать цельное представление о характере преемственности царского достоинства на протяжении значительного промежутка времени древней хеттской истории. И только после этого представляется возможным сопоставить между собой два закона о престолонаследии, обнародованные в разные периоды Древнего царства. Речь идет о НАВ и ЗТ. Следует отметить, что в целом ряде исследований неоднократно отмечалось, что оба эти документа сходны между собой по форме и посвящены одной теме, а именно, конкретным вопросам престолонаследия. Правда, тот материал, который имеется по рассматриваемому вопросу в НАВ, не привлекал до определенного времени серьезного внимания исследователей, очевидно, именно потому, что никто не полагал, что здесь, кроме частного случая замены одного наследника другим, идет речь и об изменении существующего порядка наследования царского достоинства. Однако с помощью данных исторического введения удалось подтвердить точку зрения В. В. Иванова о смысле

¹ См.: И в а н о в. Происхождение и история ..., II, стр. 5; он же. Хеттский язык, стр. 25—26.

завещания Хаттусилиса I. И оказывается, что между билингвой и документом Телепинуса можно найти не только сходство по форме, но и по существу содержания. Из надписи Телепинуса можно установить истинное значение попытки Хаттусилиса I изменить существовавший порядок наследования царского достоинства. На основе даже беглого сопоставления данных обоих источников становится очевидным, что столь радикальная направленность законодательства Хаттусилиса I была одной из главных причин длительной кровавой резни, наступившей со смертью Мурсилиса I. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить данные о родственных взаимоотношениях в кругу вероятных претендентов на престол в период последних лет жизни Хаттусилиса I, известных из билингвы, с соответствующим материалом о лицах, боровшихся за царское достоинство в «смутное время» (по данным текста Телепинуса). Этот материал удобнее всего рассматривать обобщенным в одной схеме (см. схему 3). Здесь дается подробная картина реальной преемственности царского достоинства на протяжении жизни не менее, чем четырех поколений. Чтобы было легче разобратся в схеме 3, заметим, что лица одного поколения, как правило, названы на одном уровне по горизонтали. Во всей схеме четко различаются четыре группы лиц одного поколения. Каждая группа состоит только из лиц, участвовавших в борьбе за царское достоинство. Из схемы видно, что во всех четырех случаях неизменными участниками этой борьбы выступают братья-цари, с одной стороны, и сестры — с другой. В трех случаях интересы царских сестер активно защищали их мужья, становившиеся царями после умерщвления братьев своих жен. Фактически царское достоинство стало переходить от тестя к зятю.

Схема 3

Отсюда видно, что вражда между царями и их сестрами не угасала вплоть до воцарения Телепинуса. И фактически начало «смутному времени» было положено в правление Хаттусилиса I, и особенно после обнародования его законодательства. Отныне споры между царями и их сестрами обычно разрешались посредством кровавых актов, поскольку закон не позволял сыну сестры вступать на престол.

Как мы убедились, только совместное рассмотрение данных билингвы и закона Телепинуса позволяет установить истинный смысл этих документов. Содержание исторического введения к документу Телепинуса нельзя понять, не имея представления о попытке Хаттусилиса I изменить существовавший порядок преемственности царского титула. Значение этого акта Хаттусилиса I можно представить только после знакомства с надписью Телепинуса. Самым заметным из этого сопоставления является то, что и Хаттусилис I и Телепинус, каждый в свое время, пытались законодательным образом решить один и тот же круг вопросов для стабилизации внутригосударственного положения. Показательно и то, что каждый из них приступил к законодательной деятельности в примерно одинаковой политической обстановке. Так, Хаттусилис I изменил существующий порядок преемственности престола после успешной борьбы со своими противниками — сторонниками старого обычая наследования¹. Кроме того, прочному внутриполитическому положению этого царя способствовали, как свидетельствует найденная в 1957 году новая билингва Хаттусилиса I, и успешные воинские походы хеттской державы². В свою очередь

¹ HAB, § 12—16, II, 63—82; III, 1—2.

² Otten H. Keilschrifttexte. MDOG, 91 (1958), стр. 78—84; Cornelius F. Die Annalen Hattusilis I. Or., 28 (1958), стр. 292.

Телепинус, как мы видели выше, приступил к законодательной деятельности после умиротворения внутренней смуты и успешного завершения карательных экспедиций в восставшие области¹. Следовательно, как Хаттусилис I, так и Телепинус занимали прочное положение во внутренней жизни страны. Очевидно, это было главным условием для законодательной деятельности каждого из них. Правда, законодательное распоряжение Хаттусилиса I имеет важное принципиальное отличие от закона Телепинуса. Несмотря на то, что оба закона объективно способствовали некоторому усилению царской власти, все же более ранний закон Хаттусилиса I является радикальнее ЗТ. По завещанию Хаттусилиса I племянники по материнской линии лишались права законного наследования царского достоинства и новыми царями могли быть только потомки царя по прямой отцовской линии. По закону Телепинуса, как отмечалось выше, в число законных наследников входили и родственники царя по материнской линии. Взаимоотношения царя с его близкими родственниками регламентировались законом. Теперь царь не мог по своему желанию нарушить законный порядок престолонаследия. Но все же и в ЗТ очевидна тенденция в какой-то мере закрепить те завоевания царской власти по вопросу наследования престола, за которые она боролась со времени Хаттусилиса I. Ведь первоочередными наследниками царского титула в § 28 названы именно родные царские дети. Претенденты двух последующих категорий наследников имели право на престол в случае отсутствия у царя родных сыновей.

Несмотря на свою радикальность, попытка Хаттусилиса I не была поддержана в последующее время. Цар-

¹ ЗТ, § 24—25, II, 16—21.

ская власть была недостаточно сильной, чтобы осуществить проведение в жизнь нового порядка престолонаследия. Доказательством этому является длительное «смутное время», на протяжении которого новый принцип престолонаследия насильственно отвергался родовой знатью. Поэтому вполне естественно, что положение Телепинуса было гораздо слабее позиции, занимаемой Хаттусилисом I. К тому же, не следует забывать, что Телепинус сам стал царем в результате нарушения закона Хаттусилиса I. Ведь он принадлежал к числу наследников предыдущего царя по материнской линии.

Таким образом, те уступки родовой знати, которые были закреплены в ЗТ, являются известным шагом назад по сравнению со временем Хаттусилиса I, но вместе с тем они дают довольно точное представление о реальном соотношении сил между царской властью и родовой знатью во внутригосударственной жизни этого времени.

Деятельность Хаттусилиса I по укреплению царской власти знаменовала собой начало больших перемен в государственном строе хеттов. К сожалению, нам почти ничего не известно о характере внутривластной жизни той эпохи, которая заканчивалась с началом законодательной деятельности Хаттусилиса I. Правда, вполне возможно, что он не был первым царем, который объявил решительную войну старым порядкам. Но источники этого периода именно с именем Хаттусилиса I связывают начало больших преобразований в хеттском обществе.

Анализ хеттских источников времени Хаттусилиса I позволяет утверждать, что только той частью законодательной деятельности этого царя, которая была отмечена В. В. Ивановым и на которой подробно останавливались выше, не ограничивалась деятельность Хаттусилиса I по

изменению существовавшего порядка преемственности царского достоинства.

Значительный интерес представляют данные фрагмента 2BoTU, 10₁ = KBo, III, 27, который является частью царского указа, обнародованного приблизительно в одно время с НАВ. Многими исследователями было отмечено, что оба эти документа посвящены событиям последних лет царствования Хаттусилиса I, связанным с лишением племянника Лабарнаса прав на наследование престола и возведением в ранг наследника Мурсилиса I¹. Действительно, текст 2BoTU, 10₃ = KBo, III, 27 кратко упоминает обо всех основных фактах, пересказанных в более пространной форме в НАВ. Большое сходство содержания этих документов, иногда доходящее до полного тождества, было с успехом использовано Ф. Зоммером и А. Фалькенштейном при восстановлении некоторых разрушенных мест билингвы². Правда, каждая из этих надписей имеет и определенную специфику, которая свидетельствует вероятнее всего о различном назначении этих документов, хотя несомненно, что и последний документ имеет непосредственное отношение к изменению существующего порядка престолонаследия. Но, в отличие от НАВ, указанный выше фрагмент посвящен, по всей вероятности, какому-то новому аспекту этой значительной реформы. Однако, несмотря на большую близость в со-

¹ См., например, Sommer. НАВ, стр. 221; Hardy R. The Old Hittite Kingdom. A Political History. AJSL, LVIII, 1941, 2, стр. 199; Güterbock H. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei den Babyloniern und Hethitern. II, ZA, X, 1938, стр. 99; Schuler. Hethitische Königserlasse., стр. 441; Иванов. Происхождение и история., стр. 34 и 36; он же. Культ огня у хеттов. «Древний мир». Сборник статей в честь акад. В. В. Струве. М., 1962, стр. 267; он же. Хеттский язык, стр. 24.

² См.: Sommer. НАВ, стр. 75.

держании этих двух документов, до настоящего времени продолжает оставаться неясным смысл текста 2BoTU, 103 = KBo, III, 27 в целом, а также его конкретное отношение к той части законодательства Хаттусилиса I о престолонаследии, которая изложена в HAB, главным образом, по причине разноречивого толкования главной по значению части данного фрагмента. Речь идет о строках (§ 1, 6—8): «... (6)... UR.RA.AM. ŠE.RA.AM ta-wa-na-an-na-aš ... (7) li-e ku-iš-ki ŠA DUMU^{MEŠ}-ŠU DUMU SAL^{MEŠ}-ŠU-ja (8) ŠUM-ŠU-NU li-e ku-iš-ki te-iz-zi tak-ki DUMU...» — «Отныне и впредь... «тавананны» никто не должен называть. Если сын... (дальнейшие строки определяют меру наказания тем подданным царя, которые посмеют нарушить данный запрет)». При переводе этого отрывка у исследователей не возникло существенных расхождений. Что же касается толкования его содержания, то здесь, наоборот, не существует единого мнения. Главные разногласия возникают тогда, когда пытаются определить, кем была упомянутая здесь «тавананна» по отношению к Хаттусилису I. После многих исследований, частично или специально посвященных распознаванию значения термина «тавананна» в хеттских государственных документах, казалось, что особых трудностей здесь не могло быть. Проблема «тавананны» часто привлекала внимание исследователей и, пожалуй, не осталось ни одного из хеттских текстов по этой теме, который не подвергался бы достаточно внимательному анализу. Правда, подавляющее большинство документов и все печати, упоминающие «тавананну», относятся к ново-хеттскому времени. На основе их данных и создалось представление об этом хеттском институте. Как хорошо известно из источников эпохи Нового царства, в это

время «тавананной», как правило, именовалась мать правящего царя, т. е. жена отца царя. В случае смерти последней этот титул переходил к той из законных жен царя, сын которой провозглашался царским наследником¹.

На основе этих сведений, добытых из документов совершенно иной эпохи существования хеттского общества, до сих пор и пытались интерпретировать вышеприведенное место текста 2BoTU, 103 = KBo, III, 27 о «тавананне». А. Гётце полагал², что ею может быть упомянутая в заключительной части билингвы женщина, по имени Хастаярас, по той причине, что последняя, возможно, была законной супругой царя³. Это мнение не находит подтверждения в содержании рассматриваемых источников. Если НАВ, § 23, III — IV, 63—73 свидетельствует о весьма благосклонном отношении царя к Хастаярас, то документ 2BoTU, 103 = KBo, III, 27, наоборот, представляет «тавананну» как противницу Хаттусилиса I. Поэтому маловероятно, чтобы Хастаярас билингвы и «тавананна» этого фрагмента были одним и тем же лицом. В свою очередь Ф. Зоммер, признавая неубедительной точку зрения А. Гётце, пришел к мысли, что в данном случае «тавананной» следует считать мать Хаттусилиса I, жену царя Лабарнаса I⁴. И это предположение

¹ K a m p m a n A. Tawannannas, der Titel der hethietische Königin. «Ex Oriente Lux». Jaarbericht 7 Van het Vooraziatisch - Egyptisch. Leiden, 1940, стр. 432; Gü t e r b o c k H. Siegel aus Bogazköy. I. Berlin, 1940, стр. 11—14 и, особенно, 61; G o e t z e. Kleinasien², стр. 92.

² См.: G ö t z e. Kleinasien¹. München, 1933, стр. 87, прим. 9; во втором издании книги Н. Гётце этот вопрос опущен.

³ О Хастаярас см.: S o m m e r. НАВ, стр. 191, 196, 209; H a r d y. Указанная работа, стр. 199.

⁴ См.: S o m m e r. НАВ, стр. 212.

не выходит за рамки представлений о «тавананне», сложившихся на базе источников Нового царства, когда в царском роде у хеттов упрочилось патрилинейное наследование. Не находя прямых подтверждений в пользу своего мнения, Ф. Зоммер вынужден был прибегнуть к весьма предположительному объяснению данных, содержащихся в 2BoTU. 103 = KBo. III, 27, 28—30. Как известно, эти строки упоминают о судьбе трех лиц, названных $L\ddot{U}^{URU}Zalputas$ — «человек Цалпы», $L\ddot{U}^{URU}Hasuwas$ — «человек Хассу» и $L\ddot{U}^{URU}Halputas$ — «человек Хальпы». Не имея достаточных оснований, Ф. Зоммер предполагает, что они — сыновья (?) упомянутой «тавананны», а следовательно, и братья (?) Хаттусилиса I. Однако истинность этого предположения не подтверждена последующими исследователями. Так, например, Г. Гютербок¹ и Э. Шулер², с большим на то основанием, признают, что эти лица были просто царскими подданными. Весьма маловероятно и то, чтобы предполагаемая мать Хаттусилиса I могла дожить до глубокой старости своего сына и, более того, после его смерти могла быть опасной для наследника последнего — Мурсилиса I.

Не улавливая специфики родственных взаимоотношений в царском роде эпохи Древнего царства и, следовательно, не понимая смысла законодательства Хаттусилиса I о престолонаследии, как А. Гётце, так и Ф. Зоммер не могли отметить и своеобразие положения «тавананны» в это время, оставив без внимания ряд прямых указаний источников на этот счет. В первую очередь это относится к некоторым местам НАВ, которые при сопо-

¹ См.: Güterbock, Die historische Tradition., стр. 99.

² Schuler. Hethitische Königserlasse ..., стр. 441.

ставлении их с соответствующими строками фрагмента 2BoTU, 10β = KBo, III, 27 дают возможность опознать в «тавананне» и ее детях мать, братьев и сестер отстраненного наследника Лабарнаса, племянника Хаттусилиса I. Как видно из НАВ, § 2, I—II, 9—12, поводом для отстранения Лабарнаса было то обстоятельство, что «... (9) ... a-wa-at LUGAL ú-ul il-qe (10) a-wa-at AMA-su sa MUŠ su-wa-a-ti il-te-eq-qi ù ah-hu-su (11) ù ah-ha-tu-su-ú a-wa-a-ti ka-aš-sa-a-ti it-ta-na-ba-lu-sum-ma (12) ù ša su-nu-ti a-wa-a-ti-su-nu ... is-te-ne-em-me ...» (аккадский) = «... (10) *Ú.UL* da-a-āš nu an-na-āš-ša-āš MUŠ ... (11) nu-ūš-si ŠEŠ^{MEŠ}-uš SAL + KU^{MEŠ}-uš ... (12) ut-ta-a-ar iš-ta-ma-as-ki-it» (хеттский) — «Слову царя он не внимал, слову своей матери, этой змеи, он внимал¹, и его братья и сестры ему холодные слова постоянно преподносили, и эти слова их он постоянно слушал...» Эти строки свидетельствуют о враждебном отношении Хаттусилиса I к своей сестре, а также к своим племянникам и племянницам. Если же мы теперь обратимся к фрагменту 2BoTU, 10β = KBo, III, 27, то заметим, что в § 1, 6—12 царь не менее неприязненно относится к «тавананне» и ее детям. Кроме того, в § 3, 26—27 текста 2BoTU, 10β = KBo, III, 27 Хаттусилис I называет «тавананну» змеей, точно так, как именуется сестра царя в НАВ, § 2, I—II, 10 и § 4, II, 27².

Однако решающим аргументом в пользу их идентичности можно считать следующее. В свое время А. Камп-

¹ Дословно: «брал», «принимал».

² Это обстоятельство было отмечено в кн.: Sommer. НАВ, стр. 212.

маном было отмечено, что титул «тавананна» у хеттов носила только царица-мать¹, которой могла быть или мать правящего царя, или мать наследника царя. А как известно из НАВ, сестра Хаттусилиса I была в свое время матерью царского наследника. Следовательно, у нас имеются достаточные основания считать «тавананной» мать царского наследника Лабарнаса, безымянную сестру Хаттусилиса I, что вполне закономерно соответствует матрилинейной преемственности царского достоинства. Следовательно, в отличие от существующего представления о «тавананне» исключительно как матери царя или царской жене, древнехеттские тексты содержат материал, в котором ею может быть и сестра царя. Только что отмеченные особенности положения «тавананны» в эпоху Древнего царства впервые были изложены автором в докладе, прочитанном на II Всесоюзной сессии по изучению древнего Востока в мае 1962 года. В последующее время точка зрения о соотношении между собой содержания НАВ и фрагмента 2BoTU, 103 = KBo, III, 27, аналогичная только что аргументированной, была высказана и В. В. Ивановым в одной из его последних работ: «...Не исключено, что в этом последнем отрывке речь идет о той же матери отстраненного наследника, которая названа «змеей» и в завещании Хаттусилиса I»².

Осуществленная интерпретация главной части этого фрагмента позволяет определить назначение и общий смысл той части законодательства Хаттусилиса I, которая здесь содержится, в отношении к попытке изменения порядка престолонаследия, декларированного в НАВ. Запрет называть имя «тавананны» и ее детей имеет прямое отношение к изменению порядка престолона-

¹ См.: Капртан. Указанная работа, стр. 435.

² Иванов. Хеттский язык, стр. 24.

следия. Ведь «тавананна» как царица-мать была тем лицом, которое определяло преемника по материнской линии. Право царских сестер быть царицами-матерями являлось неременным условием осуществления преемственности престола по старому принципу преемственности. Следовательно, вводя новый порядок наследования, Хаттусилис I в обязательном порядке лишал ту из своих сестер, которая была «тавананной», традиционного права видеть в своем сыне законного царского преемника. Только в том случае, если эта часть законодательства будет проведена в жизнь, можно было надеяться на реальное осуществление нового порядка наследования. Следует иметь в виду, что изменение порядка наследования не исключало возможности, что в будущем отстраненный наследник или кто-либо из его ближайших родственников по материнской линии может попытаться насильственным путем прийти к власти. Эта перспектива волновала Хаттусилиса I уже в момент отстранения Лабарнаса¹. Поэтому, чтобы гарантировать проведение в жизнь своего завещания, он вынужден был дополнить свое законодательство новым документом, в котором объявил вне закона своих наследников по материнской линии и определил жестокое наказание для возможных нарушителей его царской воли. Наряду с этим Хаттусилис I обратился к своим подданным с призывом хранить в интересах благополучия страны его заветы и всячески поддерживать его нового наследника Мурсилиса I.

Историческое введение к ЗТ, передавая подробно картину борьбы между патрилинейными и матрилинейными преемниками на престол, позволяет утверждать, что всякая попытка возрождения старого принципа наследования приводила к восстановлению упраздненных

¹ НАВ, § 4—5, I — II, 20—29.

Хаттусилисом I прав царских сестер быть царицами-матерями. Это было главной причиной столь напряженных взаимоотношений между царями и их сестрами в «смутное время». В этой борьбе царские сестры в конце концов отстояли определенную часть своих прав, которых их лишило законодательство Хаттусилиса I. Ведь по закону Телепинуса в случае отсутствия у царя родных сыновей его сестра сохраняла за собой право быть «тавананной», царицей-матерью, в том смысле, что ее сын в этом случае был законным преемником царского титула. Однако с укреплением патрилинейной преемственности царского достоинства в царском роде у хеттов право занимать этот пост постепенно перешло к законной царице, жене правящего царя.

Рассмотренные древнехеттские источники дают представление о характере преемственности царского достоинства на протяжении всей эпохи Древнего царства: со времени появления закона о престолонаследии Хаттусилиса I до законодательной деятельности Телепинуса. Имея в виду вышеизложенное, теперь можно попытаться оценить те немногочисленные свидетельства источников, которые дают некоторое представление о преемственности царского достоинства до воцарения Мурсилиса I. Важно было бы узнать, при каких обстоятельствах стал царем Хаттусилис I — инициатор изменения порядка наследования.

В первую очередь следует остановиться на том месте НАВ, где упоминается о предках Хаттусилиса I по отцовской линии. Так, после строк НАВ, § 20, III, 33—40, которые призывают народное собрание и совет высших должностных лиц способствовать претворению в жизнь своего завещания, Хаттусилис I в качестве примера упоминает о реальном происшествии, имевшем место еще

во времена его деда: «... (40)... i-e-ni hu-uh-ha-ma-an (41) [ᵐpu-LUGAL-ma (?) uld-da-a-ar-se-it U(LI(?)) DUMU^{MES}-ŠU e-di na-a-ir hu-uh-ha-as-mi-is (42) [la-ba-alr-na-an DUMU-sa-an URU^Usa-na-hu-it-ti is-ku-na-ah-hi-is (43) IEGIR-an-da-mla-kán ÍR^{MES}-ŠU LÚ^{MES}GAL.GAL ud-da-ar-se-it hu-ur-tal-li-e-ir (44) [nu-uš-sla-an ᵐpa-pa-ah-dil-il-ma-ha-an a-se-se-ir ...] — «... (Вот так случилось со словами) моего деда (41) ᵐpu-LUGAL-ма разве его сыновей не отвели? Мой дед (42) своего сына Лабарнаса в городе Санахуитта определил (в качестве наследника), (43) но впоследствии его подданные и «великие люди» его словами пренебрегли (?) (44) и посадили (на престол) Папахдильмаха...» Следовательно, несмотря на то, что дед Хаттусилса I назначил наследником одного из своих DUMU^{MES}, народное собрание и совет высших должностных лиц не посчитались с его пожеланием и возвели на престол некоего Папахдильмаха, о родственных связях которого билингва не упоминает. Однако в одном из так называемых «царских жертвенных списков»¹ перечислены все упомянутые в этом контексте лица с краткими генеалогическими справками, но которые, к сожалению, не все сохранились: «(20)[...] ᵐpu-LUGAL-ma DUMU ᵐtu-ut-ha-[li-ja-] [. . .] ᵐpa-ma-ah-te-li-ma-ah ᵐ[la-ba-ar-na]». Разрушенным оказалось именно то место списка, где говорится о генеалогии Папахдильмаха (Павахтельмаха). Правда, на основе сопоставления контекстов из обоих

¹ См.: Bo 497 (= 2BoTU, 25) + Bo 116, текст С по: Otten. Die hethitischen «Königslisten»..., стр. 64—65.

источников уже не раз пытались восстановить это место. Так, Э. Форрер, исходя из размера лакуны и стилистических особенностей контекста из «царского списка», отметил¹, что здесь практически возможны только два восстановления: или [DUMU DUMU-ŠU] или [ŠEŠ], т. е. или ^mpu-LUGAL-та, дед Хаттусилиса I, по отношению к Папахдильмаху будет внуком или братом. Но после анализа данных соответствующего места HAB он убедился в неприемлемости восстановления [DUMU DUMU-ŠU] и остановился на ŠEŠ как единственно здесь возможным. Следовательно, контекст из «царского списка» с восстановлением Э. Форрера можно перевести: «... (20) ^mpu-LUGAL-та, сыну Тутхалияса, брату Павахтельмаха, отцу Лабарнаса». Однако восстановление Э. Форрера было поставлено под сомнение Ф. Зоммером, которому показался немыслимым сам факт, что преемником ^mpu-LUGAL-та мог стать его брат². Исходя только из этого, он в свою очередь предположил, что на этом месте могло стоять также [A. BU]. В этом случае Папахдильмах, как и Лабарнас, был бы сыном деда Хаттусилиса I. Утверждению Ф. Зоммера противоречит контекст 41 строки HAB, § 20, III, откуда видно, что нарушение царской воли выразилось именно в том, что сыновья ^mpu-LUGAL-та лишились возможности наследовать престол своего отца. Поэтому, если Папахдильмах воцарился вместо ранее намеченного в наследники сына деда Хаттусилиса I, Лабарнаса, то вполне понятно, что он не входил в категорию DUMU^{MEŠ} царя. Поэтому восстановление [ŠEŠ], предложенное Э. Форрером, вы-

¹ См.: Forrer. 2BoTU, стр. 21.

² См.: Sommer. HAB, стр. 162.

глядит более обоснованным и лучше согласуется с соответствующими местами НАВ. Несмотря на это, мы не уверены в том, что Папахдильмах и ^mpu-LUGAL-та были между собой братьями. Если же это окажется действительно так, то тогда можно будет констатировать первый в истории хеттов случай преемственности царского достоинства от брата к брату.

Из числа лиц, упомянутых в рассматриваемых текстах, внимание исследователей привлек Лабарнас, сын ^mpu-LUGAL-та, деда Хаттусилиса I. Его обычно идентифицировали с царем Лабарнасом I, упоминаемым в § 1 ЗТ. В свою очередь Хаттусилиса I (Лабарнаса II), как правило, признавали сыном Лабарнаса I, основываясь опять-таки на рассматриваемых контекстах, где ^mpu-LUGAL-та, дед Хаттусилиса I, назван отцом Лабарнаса I¹.

Такое объяснение родственных отношений между этими хеттскими царями обычно разделялось всеми исследователями и до определенного момента не было подвергнуто сомнению. Но совсем неожиданно в 1957 году археологические раскопки в Богазкёё, на месте царской резиденции, дали новый письменный материал, который показал, что здесь дело обстоит не так уж просто. Речь идет о находке новой хеттско-аккадской билингвы Хаттусилиса I². Особый интерес для нас представляют начальные строки текста (КВо, X, 1—2—3) (аккадский):
«(1) LUGAL GAL ta-ba-ar-na i-na ^{URU}KÙBABAR-ti
LUGAL-ut-ta i-te-pu-uš ša 'ta-wla-an-na-an-na DUMU

¹ См.: Forrer. 2BoTU, стр. 521; Otten. Die hethitischen «Königslisten» ..., стр. 52; Sommer. HAB, стр. 162 и 209.

² Перевод этой новой билингвы см.: Otten H. Keilschrifttexte. MDOG, 91(1958), стр. 292—296.

ŠEŠ -šul» = (хеттский) «[... ta-ba-ar-n] a ṡha-at-tu-ši-li LUGALIGAL URU ha-at-tli LÚ URU ku-uš-šar KUR URU ha-at-ti [LUGAL-u-še-iz-zli-ja-at]¹ ŠA ta-wa-an-na...» — (аккадский): «Великий царь Табарна в Хаттусе царскую должность выполнял, (будучи) племянником тавананны» = (хеттский) «Табарна Хаттусилис великий царь, царь Хатуссы, человек Куссара, (в) городе Хаттусе царствовал, тавананны...»

Совершенно неожиданно оказалось, что Хаттусилис I является сыном брата «тавананны». Это новое свидетельство сразу же стали рассматривать как прямо противоположное и исключающее прежние утверждения о том, что Хаттусилис I является сыном Лабарнаса I². Так вскрылось еще одно несовершенство существующих представлений о характере преемственности власти в раннюю пору древнехеттского царства, что сделало необходимым пересмотр всех данных источников с точки зрения новооткрытого факта.

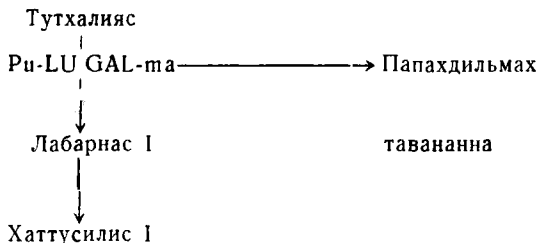
При этом важно с большей точностью определить, кем была упомянутая здесь «тавананна» и ее брат по отношению к тем хеттским царям, которые правили до Хаттусилиса I. На основе данных, сообщаемых НАВ, § 20, III, 33—40, и «царских списков», мы можем составить нижеследующую схему с учетом тех гипотез, кото-

¹ Восстановление А. Гётце, см.: JCS, 1962, XVI, стр. 24; Х. Оттен восстанавливал [LUGAL-u-iz-zi-a]t; см. отчет И. М. Дьяконова о докладе Х. Оттена на VII Международной встрече ассириологов в Париже в ВДИ, 1959, № 2, стр. 228.

² См. отчет о докладе Х. Оттена на VII встрече ассириологов, 27 (1958), стр. 416: «... Aus dem Haupttext geht hervor, das Hattusili aus einer Seitenlinie (der Königin) stammte und in frühen Texten Tabarna (II) genannt wurde...»

рые имели место до того момента, когда стали известны данные новой билингвы (см. схему 4).

Схема 4

Таким образом, мы имеем два источника, в которых генеалогия Хаттусилиса I выражена в каждом случае своеобразно. Если старая хеттско-аккадская билингва называет его внуком ^mpu-LUGAL-та, отца Лабарнаса I, то во вновь найденной билингве он именуется сыном брата «тавананны». Следовательно, уже только этих данных достаточно для определения того, что Лабарнас I, «тавананна» и ее брат принадлежали к одному поколению, которое моложе поколения ^mpu-LUGAL-та и Папахдильмаха, но старше поколения Хаттусилиса I. Если учесть, что ^mpu-LUGAL-та — дед по отцовской линии Хаттусилиса I, то отец последнего будет обязательно сыном первого. А это значит, что Лабарнас I, «тавананна» и отец Хаттусилиса I (если он не Лабарнас I) являются детьми ^mpu-LUGAL-та, и «тавананна», следовательно, — родная сестра царя Лабарнаса I. Из вышеизложенного мы знаем, что отцом Хаттусилиса I мог быть или брат «тавананны», имени которого мы не знаем, или сам царь Лабарнас I, так как он также брат «тавананны». Теперь может возникнуть вопрос, почему в началь-

ных строках новой билингвы Хаттусилис I назван не просто по имени своего отца, а сыном брата «таванан-ны», причем имя последнего вообще осталось неупомянутым? Поэтому, учитывая наличие счета родства по отцовской линии, на первый взгляд было бы более логичным, если бы Хаттусилис I именовался, например, сыном брата царя или, что вполне допустимо, просто сыном царя Лабарнаса I.

Нетрудно заметить и то, что в многочисленных хеттских документах подобного жанра эпохи Нового царства на том же месте, что и в данном случае, и примерно в таком же стиле называется имя царя с его полной или краткой титулатурой, в которую обязательно входит и генеалогическая справка¹. Последний элемент титула в тех условиях, когда царская власть приобрела уже наследственный характер, призван служить подтверждением самого факта, что на троне действительно находится законный претендент на царское достоинство. Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что и генеалогическая справка о Хаттусилисе I в рассматриваемом контексте играет эту же роль. В первую очередь следует подчеркнуть, что здесь мы имеем уже второй случай на протяжении только Древнего царства, когда «тавананной» является не жена, а сестра царя. Как мы видели выше, царицей-матерью (т. е. «тавананной») может быть сестра царя только в том случае, если наследование престола осуществляется по матрилинейности. В этом случае вполне реально положение, когда очередной преемник царя определяется не по царю, а по царице-матери («тавананне») независимо, очевидно, от желания самого царя. Обычно поэтому царское достоинство наследуется

¹ Число таких текстов велико. См., например, KUB, XXIII, I, 1—7.

сыном «тавананны». В рассматриваемом случае, несмотря на то, что и здесь наследник определен по «тавананне», он не ее родной сын. Хаттусилис I назван, как уже неоднократно отмечалось, сыном ее брата. По источникам рассматриваемого периода практически невозможно определить, имелись ли у «тавананны» родные дети. Однако важно, что племянник «тавананны» по отцовской линии мог занять место, на которое обычно претендовали только ее родные дети.

Следует иметь в виду отмеченную выше возможность, что Хаттусилис I, вопреки мнению Х. Оттена, первого переводчика и комментатора новой билингвы, все же может быть и сыном Лабарнаса I. В этом случае возможная ошибка Х. Оттена заключалась в том, что он считал «тавананну» женой, а не сестрой царя Лабарнаса I. Поэтому он полагал, что отец Хаттусилиса I обязательно входит в род жены царя, и, следовательно, им не мог быть Лабарнас I. В пользу того, что Хаттусилис I мог быть сыном Лабарнаса I, может свидетельствовать и то, что если бы отцом Хаттусилиса I являлся другой брат «тавананны», то маловероятно, чтобы его не упомянули «царские списки» или другие древнехеттские источники. Вполне допустимо, что с воцарением Хаттусилиса I царское достоинство практически перешло от отца к сыну, что, очевидно, в определенной мере противоречило преобладающему в ту пору материнско-правовому принципу преемственности трона. Поэтому ссылку на «тавананну» в официальном титуле Хаттусилиса I можно рассматривать как своеобразную попытку представить вполне законным с точки зрения матрилинейного принципа преемственности сам факт наследования от отца к сыну. Отсюда вполне вероятно, что Хаттусилис I был не первым хеттским царем, пытавшимся изменить обычай на-

следования престола по материнской линии. Эти факты делают понятным столь нетерпимое отношение Хаттусилиса I к старому обычаю преемственности трона и его сторонникам.

Выше мы отмечали, что несогласие с точкой зрения В. В. Иванова о смысле законодательства о престолонаследии Хаттусилиса I вызывалось в значительной мере тем, что в древнехеттских текстах никто из исследователей не замечал несомненных признаков бытования наследования по материнской линии. Но, как мы уже могли убедиться, историческое введение к ЗТ и законодательная часть этого текста содержат ряд свидетельств о сравнительно длительном существовании этого обычая после царствования Хаттусилиса I. А рассмотрение той части текстов, которая относится ко времени, предшествующему воцарению Хаттусилиса I, по данным недавно обнаруженной билингвы позволяет утверждать о бытовании матрилинейного наследования и в самый ранний период хеттской государственности.

Следует подчеркнуть и еще один немаловажный факт. Хеттологи, интересовавшиеся «царскими жертвенными списками», уже пытались найти ему объяснение. Этот источник составлен в эпоху Нового царства. Но он содержит подробный перечень и древнехеттских царей. Показательно, что наряду с царскими именами здесь приводятся и имена «тавананн»¹. Во всех случаях, за исключением самого первого, имена царей названы на первом месте, а имена «тавананн» следуют за ними. Однако в самом первом случае наблюдается обратный порядок — имя «тавананны» стоит перед именем царя Лабарнаса I. Этот факт вполне согласуется с тем, что

¹ Otten. Die hethitischen «Königslisten» .., стр. 64; Kitchen K. A. Suppiluliuma and the Amarna Pharaohs, Liverpool, 1962, стр. 53.

тот своеобразный титул Хаттусилиса I, который приводится в новой билингве, упоминает «тавананну», совсем игнорируя имя Лабарнаса I, соправителя своей сестры — «тавананны». Следовательно, оба источника свидетельствуют, что официально должность «тавананны» в это время была значительней царского достоинства. Ничего удивительного нет в том, что для этого времени характерна преемственность трона по материнской линии. Этот обычай сохранял за «тавананной» — сестрой предыдущего царя — ее преимущественное положение по сравнению с последним.

Рассмотренный материал о характере наследования царского достоинства в древнехеттское время представляет большой интерес и в общеисторическом плане. Ведь наследование по материнской линии в условиях классового общества — сравнительно редкое явление. Для установления социального значения этого факта необходимо обратить внимание на сходные обычаи у других народов древности. Поэтому следующая глава будет посвящена рассмотрению особенностей наследования царского достоинства у хеттов с этнографической точки зрения.

Место матрилинейности в раннегосударственных обществах

Матрилинейная преемственность царской власти, аналогичная обычаям царского рода у хеттов, встречается у многих народов древности и раннего средневековья, и если это не универсальное, то очень и очень распространенное явление. Источники, отражающие этот обычай, восходят к эпохе военной демократии или к раннегосударственному времени. В некоторых случаях (древний Египет, древний Иран и другие страны) царское достоинство передавалось по материнской линии и в сравнительно позднее время.

Исследователи чаще всего видят в этом явлении пережиток эпохи материнско-правового рода¹ и этот материал обычно используют для восстановления событий совер-

¹ См., например, Кагаров Е. Г. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.—Л., 1937; Рыдзевская Е. А. О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы. «Советская этнография», 1937, № 2—3; Матъе М. Э. Следы матриархата в древнем Египте. Труды Института археологии, антропологии и этнографии. IV, 1936; она же. Из истории семьи и брака в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 3.

Правда, у этой точки зрения есть и противники, которые не рассматривают матрилинейную преемственность престола пережитком материнско-правового рода (Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. ИВЛ. М., 1961, прим. 142 на стр. 364—365). В этот вопрос еще не внесена окончательная ясность.

шенно иной эпохи, чем та, в источниках которой эти факты встречаются и, следовательно, к которой они непосредственно относятся. Правда, матрилинейная филиация — явление, характерное для материнско-правового рода или, как часто говорят, для эпохи матриархата. Но сходство матрилинейных правил, установленных по данным письменных текстов классового общества, с материнско-правовыми обычаями родового общества — это скорее всего сходство только по форме, хотя вполне возможно, что эта форма генетически непосредственно восходит именно ко времени господства материнско-правового рода. С тех пор в обществе произошли настолько глубокие перемены, что маловероятно и даже совсем невозможно, чтобы первоначальное существо этого явления осталось неизменным.

Ясно одно, что сущность матрилинейной преемственности в раннегосударственное время можно правильно оценить, исходя из особенностей социальной жизни этой эпохи. Выяснение некоторых аспектов этой проблемы, очевидно, можно осуществить путем сопоставления хеттских данных о матрилинейности с аналогичным материалом других народов, обращая при этом особое внимание на те явления, которые обычно сопутствуют этому обычаю. Особо нас будет интересовать отношение матрилинейной филиации в условиях классового общества к проблеме возникновения царской власти.

Прежде всего нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. В последнее время высказаны интересные соображения о времени обнародования первого варианта хеттских законов¹. Ранее было замечено, что язык хеттских законов² очень близок языку древнехеттских текстов.

¹ См.: Иванов. Хеттский язык, стр. 27; *Imparati F. Le leggi ittite*. Roma, 1964, стр. 6—7.

² См.: *Imparati*. Указанная работа, прим. 7 на стр. 7.

Недавно В. В. Ивановым выдвинуты дополнительные аргументы в пользу того, что самая ранняя версия хеттских законов была принята в правление Телепинуса, последнего царя эпохи Древнего царства. В. В. Ивановым отмечено следующее: «...Вероятность того, что хеттские законы были составлены при Телепинусе, подтверждается также § 55 этих законов, где говорится о том, как подданные «отца царя» (вероятно, Телепинуса), просили его отменить существовавшие ранее льготы для жителей (восточных) городов, которые не несли повинностей. При этом сообщается, что царь пришел на собрание, чтобы сообщить об уравнивании в правах всех подданных; это собрание названо тем же термином (*tulija*-), который используется Телепинусом для обозначения созданного им собрания»¹.

Следовательно, документ Телепинуса и первая версия хеттских законов относятся к одному и тому же периоду хеттской истории. Если же обратить внимание на содержание этих двух законодательных памятников, то бросается кажущееся противоречие между ними. Как подробно показано в предыдущей главе, в тексте Телепинуса довольно четко прослеживаются определенные черты материнского права, причем и сама законодательная часть, особенно закон о престолонаследии, сформулированы под непосредственным влиянием этого права. В то же

¹ В работе Менабде «Хеттское общество» автора подвергают критике за то, что в его статьях («Советская этнография», 1963, № 6, стр. 72—83; ВДИ, 1964, № 1, стр. 23—34) якобы утверждается о переходе от матриархата к патриархату у хеттов во время Древнего царства. На самом деле ничего подобного в этих статьях нет. Более того, в отличие от мнения критика, автор не рискует безоговорочно относить матрилинейное наследование власти царя у хеттов к «перехиткам матриархата» (См.: Менабде. Указанная работа, стр. 173—174).

время хеттские законы характерны и патриархальными чертами. Их основные законоположения по семейному праву свидетельствуют о господстве в хеттском обществе отцовско-правовых отношений. Все это на первый взгляд может привести к мысли, что ЗТ и хеттские законы являются скорее памятниками различных эпох, социальная структура общества которых в принципе отличается друг от друга.

В этом вопросе очень трудно разобраться, пользуясь данными только хеттских текстов. Но на помощь невольно приходит пример из истории другого малоазийского народа древности, в жизни которого исследователи столкнулись с явлением, близко сходным с только что отмеченным в хеттских законодательных источниках. Речь идет о ликийцах, народе античного времени, населявшем юго-западную часть Малой Азии. В научной литературе широко известно высказывание Геродота о бытовании у ликийцев материнско-правовых отношений¹. При этом следует отметить, что, как и хетты в свое время, ликийцы находились на высокой ступени общественного развития — у них уже четко прослеживаются классы и государство. Но когда исследователи обратились непосредственно к материалу собственно ликийских надписей, то оказалось, что их данные прямо противоречат высказываниям Геродота и других античных авторов и свидетельствуют о патриархальном строе ликийского общества². Правда, более тщательный анализ ликийских надписей позволил обнаружить в их числе некоторые тексты, в которых очевидны материнско-право-

¹ См.: Herodotus, I, 173; ср.: Nicolaus Damascenus, 129.

² См.: Pedersen H. Lykisch und Hittitisch Kopenhagen, 1945, стр. 62. Ср.: Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 235.

вые черты¹. Проблема сосуществования патрилинейности и матрилинейности у ликийцев заинтересовала К. М. Колобову, которая установила, что материнская филиация свойственна ограниченному кругу семей родовой ликийской знати. Материнско-правовые отношения у ликийцев были законсервированы посредством соблюдения особых правил при заключении браков: «...в Ликийи, по-видимому, материнтет сохранялся прежде всего там, где муж входил в дом жены...»² И далее: «...мужчина и женщина равным образом могли давать продолжение своему роду; а это могло иметь место, по нашему мнению, в том случае, когда мужчина данного рода брал жену к себе в дом, а женщины рода брали в дом мужей, если последние стояли вне данного рода...»³

Ликийцы представляют не единственный пример сохранения материнско-правовых отношений среди античных народов. Многие исследователи обращали внимание на свидетельство Полибия о подобных обычаях в среде знати Локров, греческой колонии в Южной Италии: «...вся слава происхождения выводится у них от женщины, так что благородными у них признаются только потомки так называемых 100 домов. А эти семейства были у локров знатными еще до переселения...»⁴ Следовательно, здесь, как и во многих других классовых обществах древности (см. ниже, стр. 134—135), следы материнского права свойственны только знатным родам.

Это обстоятельство помогает лучше разобраться и в хеттском материале о матрилинейности. Бегло перебирая содержание хеттских источников, упоминающих об этом

¹ Колобова. Указанная работа, стр. 236—237.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Polybius, XII, 5, 6. Перевод Е. Кагарова, цитирован по его указанной работе, стр. 66.

редком для классовых обществ обычае, следует подчеркнуть, что все тексты рассказывают исключительно о царском роде, самом знатном роде в хеттском обществе. У хеттов матрилинейность свойственна узкому кругу лиц, состоящих в родстве по отцовской и материнской линиям с хеттским царем.

Хеттскому царскому роду свойственны обычаи, характерные и для матрилинейных родов других народов древности, в частности, ликийцев. В первую очередь это касается брачных обычаев. Мужская половина царских родичей брала жен в свой род, как это обычно происходит в патриархальных обществах. Но в свою очередь мужья царских родственниц переходили в род своих жен. Эта картина легко восстанавливается на материале ЗТ. Как уже отмечалось, исследователи подчеркивали, что неоднократно повторяющаяся стереотипная формула из этого документа перечисляет мужскую половину царского рода и воинов, составлявших народное собрание¹: «(2) ... na-pa DUMU^{MEŠ} -ŠU ŠEŠ^{MEŠ} -ŠU (3) LU^{MEŠ} ga-e-na-ās-se-eš-sa LU^{MEŠ} ha-ās-sa-an-na-ās-sa-ās Ū ERÍN^{MEŠ} -ŠU (4) ta-ru-up-pa-an-te-eš e-se-ir ...» — «...И тогда его сыновья, его братья, его свойственники, люди его рода и его воины собирались (на собрание) ...» Если исключить из этого перечня воинов, то в остальном названы царские родственники, преимущественно по отцовской линии. И если бы не одно обстоятельство, можно было бы утверждать, что список царских родичей свидетельствует исключительно об отцовско-правовых отношениях в царском доме. Однако в этом перечне

¹ ЗТ, § 1, I, 1—4.

имеется особая категория царских родственников LU^{MEŠ} ga-naš. Более точное значение этого термина родства представилось возможным определить по его аккадскому переводу. В сохранившихся фрагментах аккадского текста ЗТ¹ хеттскому LU^{MEŠ} ga-e-na-aš-se-sa соответствует аккадское LU^{MEŠ} ha-at-ni-su, смысл которого на основе многочисленных аккадоязычных текстов установили как «зять», «свойственник»². Следовательно, в цитированной выше стереотипной формуле, наряду с родственниками царя по отцовской линии, полноправными членами рода признаются и свойственники, т. е. мужа женской половины царского рода. Из текста документа видно, что царские зятья пользовались большими правами. В «смутное время» они становились преемниками трона чаще, чем родственники царей по отцовской линии. Правда, если судить по § 28 ЗТ, это право распространялось только на тех царских зятьев, которые входили в род своих жен (antijant-).

Таким образом, характерный для матрилинейных ликийских родов обычай принимать зятьев в свой род свойствен и хеттскому царскому роду древнего времени.

Матрилинейная преемственность царского достоинства встречается и у целого ряда переднеазиатских народов III — I тысячелетия до н. э.

Шумерские тексты кануна III династии Ура привлекли внимание известного русского ассириолога В. К. Шилейко. Он обратил внимание на следующее обстоятельство: из 14 текстов, упоминающих имя энси Наммахани

¹ См.: G ö t z e. Akkadisch-Hethitisch.

² Об этом термине см.: Иванов В. В. Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы. М., стр. 219—221.

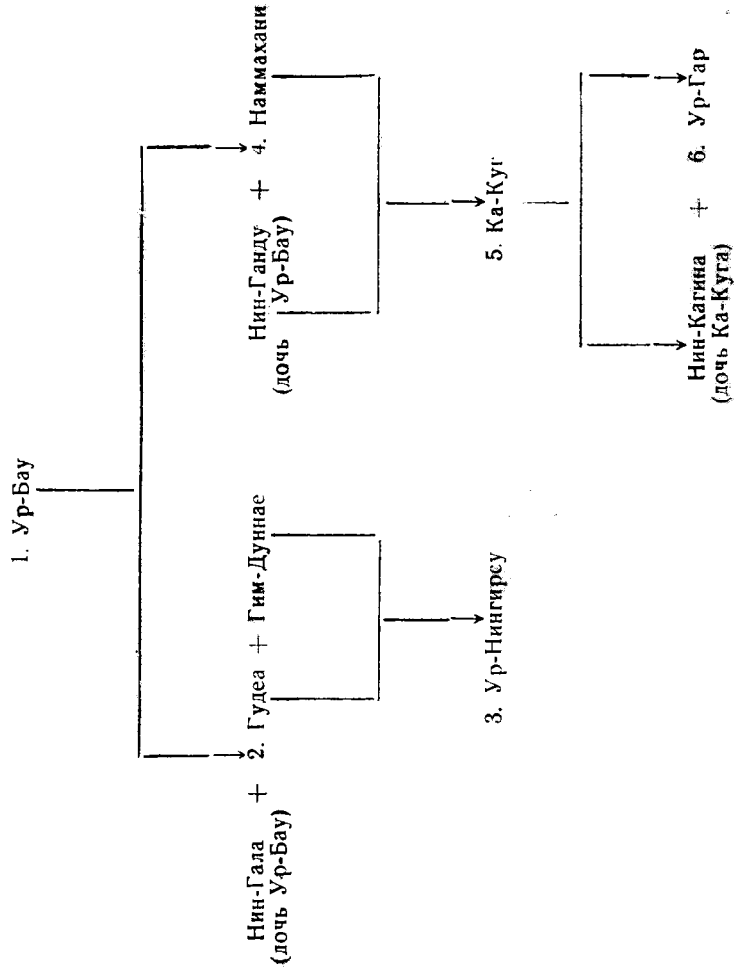
(или Наммахни), только четыре полностью сохранились, в то время как «...на четырех других имя было умышленно стерто, а последние шесть разбиты, вероятно, еще в древности: удар во всех шести случаях пришелся именно по имени патэси»¹. В другом публикуемом В. К. Шилейко тексте тщательно стерты имя той дочери Ур-Бау, которая была женой Наммахни, и бабушки жены Ур-Гара, одного из преемников энси Наммахни. В. К. Шилейко и обратил внимание на это обстоятельство: «Кто-то преследовал самую память об этой ветви династии, уничтожая имена Наммахни и Ка-Азага² и истребляя в документах Ур-Гара то женское имя, на которое опиралось право Ур-Гара на престол. Кто был гонителем? Ответ мне не кажется невозможным»³. Заслуга В. К. Шилейко в том, что ему удалось, опираясь на генеалогические данные других источников, отыскать объяснение этой загадки (см. схему 5). Оказалось, что Наммахни имел в женах Нин-Ганду, дочь предыдущего царя Ур-Бау. В свою очередь Гудеа, непосредственный преемник Ур-Бау, имел женой Нин-Галу, которая умерла при жизни своего мужа. Своим наследником Гудеа сделал Ур-Нингирсу, своего сына от второй жены. Однако Ур-Нингирсу был свергнут Наммахни. В свою очередь преемником Наммахни становится его сын от Нин-Ганду по имени Ка-Куг. Следующим энси становится Ур-Гар, зять Ка-Куга, женатый на его дочери Нин-Кагине. «После трех эфемерных патэси, едва ли принадлежавших к дому Ур-Бау, верховная

¹ Шилейко В. К. Ассириологические заметки. Записки Восточного Отдела Русского Археологического общества. Т. XXV, 1921, стр. 138.

² Ка-Азаг — устаревшее чтение имени Ка-Куг. «Патэси» — устаревшее чтение термина «энси».

³ Шилейко. Указанная работа, стр. 141.

Схема 5

власть над страной перешла в руки династии Ура, по своим основаниям нашедшей нужным вернуть былой почет оставшемуся в живых сыну Гудеа. Свое реставрированное влияние этот последний использовал прежде всего для посмертной мести человеку, некогда безоговорочно отнявшему у него трон¹. Здесь имеется в виду Ур-Нингирсу, сын Гудеа от второй жены². По всей вероятности, здесь дело не только в личной мести Ур-Нингирсу лицам, лишившим его власти. Следует обратить внимание на существующий порядок преемственности энси. Преемниками в большинстве случаев являются зятья предыдущих царей: в трех случаях из пяти возможных титул энси перешел именно от тестя к зятю. В одном случае (при воцарении Ка-Куга) новым энси стал сын предыдущего энси от законной царицы, которая была дочерью Ур-Бау, видимо, также от законной царицы.

Шумерский материал передает в принципе ту же картину, что и НАВ и ЗТ. Здесь, как и в аналогичном хеттском материале, нельзя не видеть отражения борьбы двух принципов преемственности царского достоинства — матрилинейного и патрилинейного. Ведь Ур-Нингирсу, как в свое время и его отец Гудеа, вопреки существовавшей традиции сделал своим наследником родного сына.

Таким образом, матрилинейная филиация характерна и для некоторых царских родов шумерского времени.

¹ Ш и л е й к о. Указанная работа, стр. 141.

² См. также: Струве В. В. Энтемена — узурпатор. Краткие сообщения ИНА. 46 (Древний Восток), 1962, стр. 28; Ш и л е й к о В. К. Вотивные надписи шумерских правителей. Пг., 1915, стр. 27. И. М. Дьяконов несколько по-иному определяет родственные взаимоотношения между упоминаемыми здесь энси. См.: Дьяконов В. Шумер, стр. 242.

Однако если говорить об остальной части шумерского общества, то здесь налицо развитые патриархальные отношения с утвердившимся счетом родства по отцовской линии и неограниченной отцовской властью. Об этом прямо свидетельствуют шумерские частнопроводные документы. Это позволяет утверждать, что и в шумерском обществе матрилинейность, по всей вероятности, была характерна только для родов знати.

Матрилинейная преемственность отмечена многими исследователями у близких соседей шумерийцев, эламитов¹. И здесь это явление прослеживается на материале царского рода. В течение продолжительного времени эламский престол передавался исключительно по материнской линии, через сестру царя, и по сути дела, характер преемственности царского достоинства был тем же, что у хеттов Древнего царства и шумерийцев накануне утверждения III династии Ура.

В многочисленных клинописных источниках самого разнообразного содержания имеется и ряд документальных текстов, упоминающих о матрилинейной филиации в знатных родах. Многие из этих фактов попали в поле зрения исследователей, которые пытались объяснить их по-своему. Однако эти факты разбросаны в очень многих работах, посвященных самой различной тематике. Поэтому составить полную сводку данных о матрилинейности на современном этапе исследования истории древнего Востока, когда даже о сравнительно небольших на-

¹ См.: König F. W. Mutterrecht und Thronfolge im alten Elam. Festschrift der Nationalbibliothek in Wien. Vienna, 1926; Koshaker P. Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilinschriften. ZA NF, VII, стр. 1—70. Богатый материал о матрилинейной филиации собран Ю. Б. Юсифовым. Часть этого материала использована в готовящейся к печати монографии. См. также: Юсифов. Элам. Социально-экономическая история. Автореферат докторской диссертации. Баку, 1965, стр. 32—37.

родах накоплен громадный фактический материал, часто малодоступный основной массе историков, представляется делом крайне трудноосуществимым.

Богатый материал о матрилинейной преемственности имеется в древнеегипетских источниках. Они тщательно исследованы в работах М. Э. Матье¹. И здесь это явление свойственно царскому роду и наблюдается в течение почти трех тысяч лет. Для жизни же остальной части общества, как свидетельствуют многочисленные документы и терминология родства², типичен патриархальный строй семьи с сильной отцовской властью; многоженством, преимущественным правом старшего сына как главного наследника. В более богатом древнеегипетском материале много принципиально сходного с аналогичными хеттскими данными, но и имеются важные отличия: «...В древнем Египте, как правило, фараон считался законным обладателем престола только в том случае, если он женат на той царевне или царице, которая являлась представительницей древней линии цариц-наследниц. Преимущественное же право на брак с такой наследницей (а следовательно, на престол в будущем) из всех сыновей царя в первую очередь имел сын главной жены-наследницы, который женился, таким образом, на своей единокровной и единоутробной сестре»³. Но прежде чем были введены кровнородственные браки, как свидетельствует анализ различных версий мифа об Озирисе, и у древних египтян наблюдается борьба матрилинейных и патрилинейных наследников царя за пре-

¹ См.: Матье. Из истории семьи и рода.; она же. Миф и сказка древнего Египта как источник для изучения истории семьи. ВДИ, 1963, № 4, стр. 3—11.

² См., например, Матье М. Э. Термины родства в древнем Египте УЗЛГУ. СИН. Вып. 9 (1941), стр. 22—37.

³ Матье. Миф и сказка древнего Египта, стр. 4.

стол. Треугольник лиц: брат — сестра — муж сестры, как и по данным хеттских НАВ и ЗТ, участвует в борьбе за престол, и брат по матери противодействует сестре и ее мужу. Однако исход этой борьбы был иным, чем в хеттском царском роде.

Наряду со многими принципиально сходными аспектами борьба за изменение порядка наследования трона имела в каждом конкретном случае и важные характерные особенности, обусловленные спецификой тех условий, в которых осуществлялся этот переворот. Если у хеттов в некий момент отцовское право утвердилось окончательно, то у древних египтян перемена в обычае наследования престола не выглядела столь радикальной. В той обстановке, которая сложилась у древних египтян, «...чтобы передать престол не сыну сестры, а своему сыну, у правителя был один выход — его сын должен был быть и сыном его сестры, следовательно, сестра правителя должна стать его женой»¹. Родной брат получает полное преобладание над мужем сестры и даже вытесняет его, вступив в его роль — роль мужа собственной сестры. Здесь налицо компромисс между отцовским и материнским правом, своеобразная попытка примирения, казалось бы, взаимоисключающих друг друга принципов. Отход от ранее бытовавших семейных обычаев и узаконение кровосмесительных браков говорит, по всей вероятности, и о примерном равенстве тех социальных сил, которые боролись между собой за утверждение каждого из этих порядков наследования. Однако далеко не последнюю роль играл в этом и характер царской власти. Возможно, сам переход к столь нетипичным для классового общества брачным обычаям в царском роде следует рассматривать как попытку примирения между

¹ М а т ь с. Из истории семьи и рода..., стр. 56.

собой царской власти и родовой аристократии, в итоге чего матрилинейная форма преемственности законсервировалась на протяжении всей истории древних египтян.

Кровосмесительные браки и обычай преемственности должности правителя, аналогичный древнеегипетским правилам, засвидетельствован у целого ряда народов древности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этой теме посвящены специальные работы¹. Браки между родными братьями и сестрами, кроме древнего Египта, бытовали в древнем Иране, птолемеевском Египте, державе Селевкидов, Парфии, Армении, Коммагене, Понте, Карии, Эфиопии и некоторых других странах². Таким образом, к настоящему времени накоплен довольно большой материал о специфичных родственных отношениях в царских родах, тождественных обычаям древних египтян. Не менее значительный материал известен и о матрилинейной преемственности, типичной для хеттского царского рода эпохи Древнего царства.

В частности, Дж. Фрэзер установил, что по данным исторической традиции в «царский» период истории Рима престол передавался от тестя к зятю³. Показательно, что как у римлян, так и у хеттов для этого времени характерна очень слабая царская власть и преобладание сильной родовой аристократии.

Аналогичные порядки характерны и для «царского» периода некоторых греческих городов-государств. По этому поводу Дж. Томсон пишет: «...греки также призна-

¹ См.: Kornemann E. Die Geschwisterehe im Altertum. Mitteilungen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde, XXIV, 1923, стр. 22 и сл.; он же. Die Stellung der Frau in der vorgriechischen Mittelmeerkultur. Orient und Antike, 1927, 4, стр. 16—23.

² Kornemann. Die Geschwisterehe..., стр. 24—26.

³ Frazer J. Lectures on the Early History of Kingship. London, 1905, стр. 229—234.

вали принцип наследования зятя своему тестю в качестве супруга царицы...» И далее: «...так было в Мегаре: Сикион женился на дочери Пандиона и оспаривал право наследования престола у своего шурина Ниса; власть была разделена между ними; преемником Ниса стал его зять Алкафон, а преемником Сикиона — его зять Теламон (Paus., 39,6; 41,6; 42,4). В Коринфе Язон получил престол, женившись на Медее (Paus., 30,5)...»¹

Богатый фактический материал по интересующему нас вопросу содержит работа Е. Г. Кагарова². Случаи перехода царского достоинства от тестя к зятю отмечены им в аттических, мегарских, аргосских, сикионских, спартанских, фаросских и беотийских генеалогиях царских родов³.

Нам известно, чем окончилась борьба между патрилинейным и матрилинейным принципами наследования в греческих и римских царских родах. В недалеком будущем царская власть в обоих случаях была ниспровержена, преобладающее положение заняла родовая аристократия, игравшая первоначально ведущую роль в утвердившемся республиканском типе государственной власти. Этот переворот и привел, по всей вероятности, к постепенному упразднению матрилинейной филиации.

Мы привели сравнительно небольшую часть известного в настоящее время материала о матрилинейной преемственности власти в раннегосударственное время, так как не ставили своей задачей составления подробной его сводки. Подобный материал обнаружен у разных народов мира⁴, что свидетельствует о большом рас-

¹ Томсон. Исследования по истории..., стр. 164, прим. 60.

² См.: Кагаров. Пережитки первобытного коммунизма..., стр. 30—73, 89—126.

³ Там же, стр. 69—73.

⁴ См., например, Рыдзевская. Пережитки матриархата у

пространении этого явления для начальной истории раннеклассовых обществ¹. То, что мы здесь рассмотрели, достаточно для лучшего понимания древнехеттских данных о матрилинейности.

Сопоставление хеттского документального материала с данными письменных источников других народов позволяет утверждать, что в раннеклассовом обществе материнско-правовые отношения характерны исключительно для знатных, главным образом, царских родов. Для большей же части общества в эту пору свойственны ярко выраженные отцовско-правовые отношения, о чем свидетельствует большинство источников. Такое сосуществование отцовско-правовых отношений, в общем типичных для гражданских обществ, с материнско-правовыми, кажушимися явно инородными, приводило в недоумение, как мы видели выше, многих исследователей, которым казалось немыслимым одновременное бытование столь различных правовых принципов. Однако значительный фактический материал свидетельствует о том, что подобное сосуществование следует считать закономерностью для этой стадии развития общества. Ведь матрилинейность в это время встречается у целого ряда народов, но только в знатных аристократических родах.

скандинавов, стр. 15—44, где матрилинейная филиация обнаружена в материале саг, воспроизводящих переходное время от военной демократии к раннефеодальному строю. Саги, в особенности передаваемые в них «генеalogии и подробности родственных отношений», где и прослеживается матрилинейность, говорят преимущественно о родовой знати. Один из исследователей заметил: «читая их можно подумать, что в стране только и жили одни вожди» (Рыдзевская. Указанная работа, стр. 20).

¹ Любопытно редакторское замечание Л. Н. Гумилева в кн. Артамонова М. И. История хазар. (Л., 1962, стр. 162): «...Родство по женской линии как право на наследование характерно для тюркютов, подобно французам, признававшим nobles de ventrre, но не имевшим салического закона».

В связи с этим не может не возникнуть вопрос: чем объясняется обычай наследования царского достоинства по материнской линии, в частности, от тестя к зятю? Ведь если даже это и пережиток материнско-правового рода, то чем вызвано столь позднее его сохранение именно в царских родах?

Этого явления нельзя объяснить только устойчивостью или консерватизмом существовавших идеологических (преимущественно религиозных) представлений, так как они в свою очередь зависят от условий материальной жизни общества и ими определяются. Однако то, что сделано сравнительной мифологией, помогает приблизиться к решению этого круга вопросов. Официальная идеология интересующего нас времени передается в определенной мере в религиозных или обрядовых мифах и отражается в образах и легендах эпических произведений. Обнаружить и выделить эти представления трудно, так как содержание религиозных мифов с ходом истории изменялось: «...миф забывался, утрачивая постепенно свой религиозный характер и переходя в сказку; но с эпической песнью случилось то же: исторические имена выпадали; выцветали местные указания, и оставался легендарный остов — опять же сказка»¹. Исследование повторяющихся сказочных сюжетов показало, что в ней, наряду с вымыслом, точно отражаются социальные институты прошлого и соответствующие им мифологические представления и религиозная обрядность². В этом легко убедиться, обратив внимание на следующее замечание исследователя сказочных сюжетов: «...мы, например, видим, что герой очень часто во-

¹Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. 16. Фольклор и мифология, стр. 104.

²Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 11—19.

царяется. Чей же престол занимает герой? Окажется, что герой занимает не престол своего отца, а своего тестя, которого при этом он часто убивает. Тут возникает вопрос, какие формы преемственности власти отражены сказкой»¹. Сказка сохранила точное представление об интересующем нас явлении и довольно подробно, как мы увидим ниже, упоминает о конкретных обстоятельствах той эпохи, когда бытовало это явление.

Такого рода сказка обычно начинается со «всенародного клича», где царь обещает сделать мужем своей дочери человека, любого представителя народа, который выполнит определенные трудные задачи². Он становится зятем и механически — будущим царем. Обращение к народу в сказке тесно связывается с преемственностью престола. С известной осторожностью можно предположить, что «всенародный клич» царя, возможно, есть отражение в сказке обращения правителя к народному собранию о выборе кандидатуры своего преемника. Ведь когда власть передавалась от тестя к зятю, как свидетельствуют документальные тексты, народное собрание принимало участие в определении кандидатур новых преемников царей. К тому же, многое в сказке говорит о скрытом нежелании царя выступать перед народом с обращением такого содержания и что он вынужден считаться с обстоятельствами, которые сильнее его: «...в задачах и угрозах сквозит не только желание иметь для невесты наилучшего жениха, но и тайная скрытая надежда, что такого жениха вообще не будет»³. И далее: «...жениха боятся, его не хотят, пытаются его извести, грозят ему смертью, проявляют явную или скрытую

¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 11.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 283.

враждебность к нему». «Совершенно неясно, должны ли эти задачи привлечь или отпугнуть жениха, или помочь найти единственно достойного жениха»¹. Последнее вполне закономерно — ведь зять и по данным документов часто умерщвляет тестя-царя.

Интересно рассмотрение мест, наиболее часто повторяющихся в сказке. По мнению В. Я. Проппа, комплекс задач с явно фантастическим содержанием задается с расчетом проверить, обладает ли герой магическими средствами и силой, посредством которых он мог бы оказать возможное воздействие на природные стихии, управлять жизнью общества, быть ответственным за его благосостояние, пользуясь при этом поддержкой потусторонних сил². Следовательно, будущий зять царя, его преемник, должен обнаружить способность быть посредником между реальным миром и божественными силами, быть царем-жрецом.

Связь царской власти с развитием религиозных представлений подробно выяснена Дж. Фрэзером. Однобокость исследования и идеалистическое существо труда последнего как буржуазного историка состоит в том, что он не замечает тесной связи религии и государственной власти с развитием производительных сил и производственных отношений, упускает из вида, что последнее является первичным, а второе — производным. Громадный и ценный фактический материал рассматривается им вне связи с конкретными историческими эпохами, в отрыве от них, что, правда, помогло обнаружить связь царской власти с религией, но не выяснило закономерностей и стадии их истории. Приводя многие данные о жрецах, например, призванных вызывать дождь,

¹ Пропп. Исторические корни., стр. 286.

² См. там же, стр. 308—309.

Дж. Фрэзер не прослеживает связи их иррациональной деятельности с производственной деятельностью коллектива. Такая категория жрецов могла быть только у народов, у которых земледелие (или вообще сельское хозяйство) стало основным занятием. Когда право выполнять обязанности жрецов закреплялось за кузнецами, то, следовательно, такие племена уже освоили производство металлических орудий труда и познали их преимущества. Если функция верховного жреца соединяется с властью верховного военачальника, то «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни», война «...ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»¹. По всей вероятности, место вождя-царя в каждый конкретный период первобытной истории доставалось тем представителям коллектива, у которых был больший удельный вес вклада в материальное производство при существующем уровне развития производительных сил; это главный фактор, способствовавший признанию магических способностей за такими лицами и права иррациональной деятельностью влиять на хозяйственную жизнь общества и нести ответственность за его благосостояние.

Однако вернемся к тем из сказочных трудных задач, которые предполагают участие героя в реальных жизненных событиях (например, военных действиях) или различного рода состязаниях, призом за победу в которых опять-таки была царская дочь и трон. Исторические корни таких задач установить трудно, но важно, что их выполнение требовало вполне определенных личных качеств (физическая сила, ловкость, воинская доблесть, храбрость и другие). В связи с этим в определенной мере

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи., стр. 183.

интересна рациональная мысль Дж. Фрэзера, идущая вразрез с общей идеей его исследования: «Представление о личных качествах должно меняться в зависимости от эпохи и общественного строя. Однако позволительно думать, что в первобытном обществе физическая сила и красота играли первенствующую роль. Рука принцессы и самый трон иногда являлись призом атлетической борьбы... (далее следуют примеры, подкрепляющие эту мысль)»¹. Позволительно думать, что это положение более всего характерно для заключительной поры родового строя, когда полноправными членами общества признавались только взрослые мужчины, способные носить оружие. И, возможно, этот круг сказочных задач восходит именно к эпохе военной демократии, которая предъявила свои особые требования и к личности правителя.

В пользу того, что такого рода трудные задачи для царских зятьев и преемников являются отражением конкретных событий, реальных и обрядовых, свойственных и эпохе военной демократии, может служить пример Олимпийских игр. Имеется большой фактический материал, который свидетельствует, что даже в позднее время в Греции VI в. до н. э. «победитель в беге на колесницах в Олимпии был потенциальным претендентом на власть в родном городе, возможным тираном. И наоборот, тиран, уже завоевавший власть, стремясь удержать верх в состязании в Олимпии или на Пифийских празднествах (имеем в виду особенно бег колесниц) и нередко располагая огромными средствами, оказывались победителями». Победитель в Олимпийских играх «... возбуждал опасения тирана настолько серьезные, что иногда для устранения победителя — и, очевидно, соперника — при-

¹ Ф р э з е р. Золотая ветвь. Т. 1, стр. 182.

бегали даже к убийству»¹. Исследования показали, что в раннее время греческой истории Олимпийские игры имели большое политическое значение. Спортивные состязания были только частью религиозного праздника и представляли собой инсценировку ритуального мифа о Пелопсе, в честь которого по данным традиции и были учреждены игры². Пелопс, зять и преемник элидского царя Эномая, после тринадцати неудачных попыток своих предшественников с помощью богов и земного помощника (возничего царя Эномая Мирсилиса) выигрывает состязание в беге на колесницах у царя и умерщвляет его. За победу, как было условлено ранее, Пелопс получает в жены дочь Эномая Гипподамию и царский титул. Бег на колесницах в Олимпии с ритуальной точки зрения рассматривался как поединок старого и молодого царя, победа в беге символизировала смерть старого царя и появление нового³. В родной город победитель приезжал в царском одеянии. Олимпийский ритуал освящал порядок преемственности власти от тестя к зятю, и игры были узаконенной системой выбора кандидатов в правители. Путем исследования религиозных и идеологических представлений родового строя Дж. Фрэзеру удалось установить, что первоначальное олимпийское празднество и порядок преемственности от тестя к зятю тесно связаны с широко распространенным обычаем ритуального умерщвления правителей своими преемниками или по истечении определенного срока, или при наступлении признаков упадка сил и

¹ Зельин К. К. Олимпионики и тираны. ВДИ, 1962, № 4, стр. 24.

² См.: Cornford F. M. in Harrison. Themis. Cambridge, 1927. «The Origin of the Olympia Games», стр. 217.

³ Там же, стр. 219.

здоровья, с наступлением старости¹. В этом случае убийство ни в коем случае не считалось преступным и даже приход узурпаторов к власти подобным образом был законным. Сам факт умерщвления правителя давал право убийце занимать его место. По мнению Дж. Фрэзера, этот обычай своими корнями уходит в глубокую древность и является характерным для родового строя².

Рассматриваемый круг явлений подвергался исследованию преимущественно с точки зрения их религиозного смысла — социальное и общественное значение их не выяснено. В данном случае на этот счет можно ограничиться только вполне вероятными предположениями. Возможно, что таким порядком в условиях родового строя проводился в жизнь принцип выборности должностных лиц. Бытование же преемственности власти от тестя к зятю с обязательным умерщвлением последним первого в переходное время от родового строя к государству говорит прежде всего о слабой, сильно ограниченной власти правителя. Очевиден здесь и выборный характер этой должности — на трон теоретически претендует многочисленная совокупность членов общества, а практически становятся правителями только выдержавшие заданные испытания (реального или искусственного порядка) и, следовательно, обнаружившие нужные качества. Но вместе с тем многое говорит и о том, что

¹ См.: Frazer J. G. *The Golden Bough. The Magic Art and Evolution of Kings*. London, 1922, стр. 299. Богатый материал о ритуальных убийствах правителей собран Л. Фробениусом именно в тех районах Африки, где в новое время многие народы еще пребывали на стадии перехода от родового строя к классовому обществу. Здесь же бытовали браки правителей на своих сестрах и дочерях и преемственность власти от тестя к зятю. См.: Frobenius. *Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes*. Berlin-Zürich, 1931, особенно стр. 42—44.

² См.: Frazer. *The Golden Bough*, стр. 299—301.

достоинство правителя считалось уже наследственным на этом этапе переходного времени. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, данные изучения сюжетов сказок, а с другой — материал документальных источников.

В сказке после успешного выполнения героем трудных задач прослеживается обряд посвящения будущего зятя и царя в религиозно-магические тайны царского рода. В. Я. Пропп, сопоставляя данные сказки с этнографическим материалом, подчеркивает, что при этом тесть вносит плату отцу зятя, а не наоборот¹. В этой связи интересно содержание § 36 хеттских законов, где говорится, что за зятя, входящего в дом тестя (*antijant*-), семье последнего вносится выкуп точно так, как обычно платили выкуп за невесту². Очевидно, и сказка, и использованный В. Я. Проппом этнографический материал говорят об обычае такого же порядка. После уплаты выкупа, посвящения и выполнения обряда зять, прежде, чем стать царем, принимался в состав царского рода. Будущего царя первоначально выбирают, принимая во внимание его личные достоинства, а потом делают законным членом того рода, привилегией которого было право наследовать царское достоинство.

Отсюда может возникнуть вопрос, почему тогда эта должность не наследовалась урожденными членами рода? Какие основания были для того, чтобы обойти, к примеру, родных царских сыновей? Ответ на этот вопрос, по всей вероятности, кроется в специфике положения правителя в переходный период от родового строя к государству. Война играла важную роль и выдвигала на передний план правителя-военачальника. К тому же

¹ См.: Пропп. Исторические корни..., стр. 309.

² О смысле этого параграфа см.: Иванов. Хеттский язык, стр. 221, прим. 130; Менабде. Хеттское общество, стр. 191.

«...повышению авторитета царей способствовали также особенности боевой тактики этого времени. Сражение обычно начиналось с поединка вождей басилеев, устремлявшихся в бой на своих колесницах»¹. В таких ситуациях нужно было проявить выдающиеся воинские способности, обладателей которых вероятнее всего могло и не быть в царском роде². Таким образом, за матрилинейной преемственностью власти в скрытой форме сохраняется фактически выборный характер должности правителя. Показательно, что для этой эпохи характерны и многие другие признаки выборного характера этой должности, рассмотрением которых на хеттском материале мы занимались в I главе.

Правда, у хеттов Древнего царства становится практикой делать преемниками престола преимущественно членов царского рода (прежде всего DUMU^{MEŠ} царя), но это правило осуществлялось в стабильной внутриполитической обстановке. В «смутное время», когда царская власть была слабой, практика преемственности трона осуществлялась по материнской линии с постоянно повторяющимися убийствами царей их преемниками, чаще всего зятьями. Попытки царей восстановить внутреннее спокойствие сопровождаются строгими запретами убивать царей и членов царского рода, но эти постановления часто нарушались узурпаторами, которые опирались на старые политические представления, когда убийство царя его преемником не считалось преступле-

¹ Каллистов Д. П. Гомеровская Греция. Раздел в кн. Древняя Греция. М., 1956, стр. 84.

² Интересна мысль Аристотеля: «...как быть с передачей власти по наследству детям, которые могут оказаться не на должной высоте? Передача власти таким детям будет вредоносной» (Доватор. Политика и политик Аристотеля. М.—Л., 1965, стр. 84).

нием, а было единственным путем к власти. Поэтому не удивительно, что узаконение Телепинусом наследственного характера царской власти сопровождалось законодательным распоряжением, по которому насильственный приход к власти исключался и убийство царя и царских родственников провозглашалось государственным преступлением. Таким образом, Телепинус признал недействительными эти существенные ограничения власти правителя, которые возникли и оформились в условиях родового строя. Это способствует тому, что правитель перестает быть вождем с ограниченной властью и превращается в царя благодаря расширению и углублению своей независимой личной власти.

Однако в памяти хеттов еще долгое время сохранялось представление о том, что старый царь обязательно должен умерщвляться новым. В новохеттское время при вступлении на престол нового царя выполнялся следующий ритуальный обряд (KUB, XII, 14): на трон садили «заменителя царя», очевидно раба, после символической смерти которого новый царь вступает в свою должность.

Заключение

Итак, исходным моментом царской власти у хеттов была власть избираемого народным собранием верховного военачальника. Даже в раннегосударственный период народное собрание долгое время сохраняло за собой право контроля над преемственностью царского достоинства. Власть царей этого периода не приобрела монархического характера в полном смысле этого слова.

Взаимоотношение царей с народным собранием при определении кандидатур очередных преемников трона, как свидетельствует анализ ряда контекстов из билингвы, не оставалось неизменным. Особенно хорошо это видно в тех местах текста, где говорится о процедуре определения очередных преемников трона. К примеру, если во времена деда Хаттусилиса I собрание и совет высших должностных лиц отвергли намеченную царем кандидатуру его преемника и избрали другое лицо, то впоследствии мнение царей о своих преемниках играет более значительную роль. Но царь еще находился в зависимости от народного собрания, которое продолжало оставаться высшей судебной инстанцией в государстве.

Данные исторического введения к закону Телепинуса говорят о том, что после смерти Мурсилиса I народное собрание некоторое время не функционировало. Это, однако, не способствовало усилению царской власти,

а резко ее ослабило. Обычным делом стали убийства царей теми представителями царского рода, которые после этого сами воцарялись. Их преступления оставались безнаказанными по той причине, что народное собрание — высшая судебная инстанция — не созывалось. Это положение усугублялось отсутствием твердо установленных правил престолонаследия, и фактически как патрилинейные, так и матрилинейные преемники предыдущих царей осуществляли свои права на престол путем насильственных убийств.

С воцарением Телепинуса была возрождена практика созыва народного собрания. Исключительно как судебная инстанция, оно по закону Телепинуса обязано было гарантировать нормальную передачу царского достоинства, имело право строго наказывать преступления (в том числе и самого царя), нарушавшие этот закон. Таким образом, народное собрание не только было вынуждено признать наследственную царскую власть, но и призвано стать на стражу ее интересов.

В более ранних текстах можно проследить постепенное усиление наследственного принципа при воспроизводстве примитивной царской власти. Даже тогда, когда народное собрание участвовало в определении кандидатур новых царей, каждый из последних входил в категорию DUMU^{MEŠ} предыдущего царя. До «смутного времени» каждого нового царя определяли комбинированным образом на основе сочетания выборного и наследственного начал. Для этого периода были свойственны более архаичные правила преемственности царской власти, чем во времена Телепинуса, когда она стала наследственной. Эти данные дают возможность проследить постепенный переход от власти выборного военна-

чальника эпохи военной демократии к наследственной царской власти.

В работе рассмотрен характер наследования престола в период становления царской власти. В историческом введении к тексту Телепинуса на протяжении около 150 лет «смутного времени» четко прослеживается борьба между патрилинейными и матрилинейными наследниками престола. Длительное сохранение обычая наследования власти по материнской линии препятствовало усилению личной царской власти, ставя преемственность под контроль всего царского рода. Оно являлось своеобразной формой противодействия родовой аристократии усиливающейся царской власти. Борьба за власть приостановилась с изданием документа Телепинуса. По новой интерпретации этого закона наследниками самого высокого ранга провозглашались родные царские сыновья, во вторую очередь становились царями племянники по материнской линии, в последнюю — мужья дочерей. Следовательно, при предпочтении патрилинейных наследников и претенденты на престол по материнской линии сохранили за собой право на обладание царским достоинством. Это свидетельствует о том, что родовая аристократия не утратила еще всех своих позиций и даже вернула то, что потеряла в итоге закона о престолонаследии Хаттусилиса I.

Знакомство с сущностью борьбы в «смутное время» позволило понять и смысл близкого по содержанию к билингве фрагмента 2BoTU, 10β. Сопоставление содержания этих документов показывает, что упомянутой здесь царицей-матерью (тавананной) является сестра Хаттусилиса I. Это, вопреки сложившемуся мнению, первый в истории хеттов случай, когда царицей-матерью, т. е. матерью царского наследника, является не царская

жена, а сестра, что соответствует обычаю матрилинейной преемственности. Изменение порядка наследования требовало поставить вне закона то лицо, по которому определяли наследника престола по старому обычаю преемственности. Это мероприятие имело первостепенное значение для осуществления в жизни изменения порядка наследования. В связи с этим значительный интерес представляет несколько необычная генеалогическая справка при имени Хаттусилиса I в новой билингве Хаттусилиса I. Здесь последний назван сыном брата тавананны. И в этом случае ничто не препятствует считать тавананну сестрой царя. Возможно, в этом случае племянник тавананны по отцовской линии занял то место, на которое обычно претендовали только ее родные дети. Вполне допустимо, что с воцарением Хаттусилиса I царское достоинство фактически перешло от отца к сыну, а своеобразная генеалогическая справка лишь представляет этот факт законным с точки зрения матрилинейной преемственности.

Затем предпринята попытка определить место, которое занимает матрилинейная филиация в условиях раннеклассового общества. В письменных источниках о матрилинейности упоминается очень редко и каждое свидетельство имеет большое значение для определения смысла этого явления. Сопоставление хеттского материала с данными других народов древности показывает, что матрилинейная преемственность сосуществует с ярко выраженными патриархальными отношениями и свойственна только незначительной части общества — царским и аристократическим родам. В данной работе матрилинейная преемственность рассматривалась в связи с возникновением царской власти. Рассмотренный материал убеждает в том, что за матрилинейной преем-

ственностью престола в условиях раннеклассового общества фактически в скрытой форме сохраняется выборный характер царского достоинства.

В целом же вышерассмотренный хеттский материал сообщает ценные сведения о конкретной обстановке становления монархической формы государственной власти и о той социальной борьбе, в которой протекал этот процесс.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AJSLL — American Journal of the Semitic Languages and Literature
- AO — «Der Alte Orient»
- An. St. — «Anatolian Studies»
- Ar. Or. — «Archiv Orientalni»
- BASOR — «Bulletin of the American Schools of Oriental Research»
- Bo — Неопубликованные тексты под музейными номерами
- BoST — «Boghazköi-Studien»
- BoTU — «Boghazköi-Texte in Umschrift» (41. und 42. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft)
- HAB — Хеттско-аккадская билингва Хаттусилиса I (по изданию F. Sommer and A. Falkenstein. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili. München, 1938)
- HE — Hethitisches Elementarbuch
- HW — Hethitische Wörterbuch
- JAOS — Journal of the American Oriental Society
- JCS — Journal of Cuneiform Studies
- JNES — Journal of Near Eastern Studies
- KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig
- KIF — Kleinasiatische Forschungen
- KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin
- MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft
- MVAeG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Berlin/Leipzig
- Or. — Orientalia
- RHA — Revue Hittite et Asiatique
- VBoT — A. Götte. Verstreute Boghazköi-Texte. Marburg, 1930
- ZA — Zeitschrift für Assyriologie

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	3
Народное собрание и проблема преемственности царской власти в древнехеттское время	12
Характер преемственности царской власти у хет- тов в эпоху Древнего царства	69
Место матрилинейности в раннегосударственных обществах	128
Заключение	154
Список сокращений	159

ГЕННАДИЙ ИОСИФОВИЧ ДОВГЯЛО

К истории возникновения государства

(На материале хеттских клинописных текстов)

Редактор *И. Черницкая*. Обложка *М. Ветик*.
Худож. редактор *В. Лапицкий*. Техн. редактор *В. Безбородова*
Корректор *Л. Коробкина*

АТ 04440. Сдано в набор 12/VI 1968 г. Подписано в печати 18/XI 1968 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Физ. печ. л. 5. Усл. печ. л. 7. Учетн.-изд. л. 7,19. Изд. № 9—68. Тираж 1000 экз. Заказ 2337. Цена 43 к.

Издательство Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. В. И. Ленина. Минск, Кирова, 24.

Типография Издательства БГУ им. В. И. Ленина. Минск, Кирова, 24.